

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

А. Бекбоев, А. Имашова,
А. Жайлообаева, Ч. Сооронбаева

А. Бекбоев, А. Имашова,
А. Жайлообаева, Ч. Сооронбаева

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Бишкек - 2026



**А.А. Бекбоев, А.А. Имашова,
А.Т. Жайлообаева, Ч.К. Сооронбаева**

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ**

БИШКЕК – 2026

**А.А. Бекбоев, А.А. Имашова,
А.Т. Жайлообаева, Ч.К. Сооронбаева**

**Национальная академия наук
при Президенте Кыргызской Республики
Институт философии им. академика А.А. Алтмышбаева**

**УДК 1/14
ББК: 87.52
А 13**

Книга рекомендована к печати решением Учёного совета Института философии имени академика А.А. Алтмышбаева НАН при Президенте КР.

Специальный редактор: З.А. Алымкулов, доктор философских наук, ИФ, НАН при Президенте КР

Рецензенты:

1. К.А. Исаков, доктор философских наук, профессор ОшГУ

3. А.К. Бабашов, доктор философских наук, ИФ, НАН при Президенте КР

Тех.редактор Тазагуль Эргешова, ИФ, НАН при Президенте КР

**А.А. Бекбоев, А.А. Имашова, А.Т. Жайлообаева,
Ч.К. Сооронбаева**

**А13 Искусственный интеллект: сознание и нравственность
– Б.: 2026. – 303стр.**

ISBN 978-9967-9412-8-1

Аннотация. Монография посвящена философскому осмыслению искусственного интеллекта в контексте сознания, нравственности и человеческой ответственности. Исследуется влияние интеллектуальных технологий на процессы мышления, морального выбора и духовного самоопределения человека. Особое внимание уделяется взаимосвязи сознания и нравственности, проблеме сохранения гуманистических ценностей в цифровую эпоху, а также концепции «Уңгу жол» и философскому наследию Чингиза Айтматова.

Книга адресована философам, культурологам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется проблемами человека, культуры и будущего цивилизации в условиях стремительного развития искусственного интеллекта.

**УДК 1/14
ББК: 87.52**

ISBN 978-9967-9412-8-1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.....	4
Человек перед новым зеркалом цивилизации	
ЧАСТЬ I. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ.....	8
Глава 1. Сознание и нравственность	
Глава 2. ИИ и метаморфоза сознания	
Глава 3. Искусственный интеллект и эволюция нравственности	
ЧАСТЬ II. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ПРАВСТВЕННОСТИ.....	50
Глава 4. «Уңгу жол»: движение к национальному истоку нравственности	
Глава 5. «Уңгу жол» в контексте айтматологии Человек как духовная мера будущего	
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение 1.	
Материалы на кыргызском языке Бейтабий интеллект, аң-сезим жана адеп-ахлак.....	71
Приложение 2.	
Теоретико-прикладное осмысление искусственного интеллекта.....	177
Приложение 3.	
Философская эссеистика.....	260
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	294
ОБЩИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	299

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Человек перед новым зеркалом цивилизации

Каждая эпоха открывает человеку новый мир.

Но вместе с новым миром она открывает и нового человека.

История цивилизации — это не только история технических открытий, научных достижений или социальных преобразований. Это прежде всего история постепенного самопознания человека.

Человек изучал природу и открывал самого себя.

Исследовал космос и обнаруживал границы собственного понимания.

Создавал культуру и одновременно формировал своё сознание.

Каждый великий прорыв расширял не только возможности человеческой деятельности, но и представления человека о самом себе.

Появление искусственного интеллекта относится именно к таким событиям.

На первый взгляд речь идёт о новой технологии.

Однако по своему историческому и философскому значению искусственный интеллект представляет собой нечто гораздо большее.

Впервые в истории человечество создало систему, способную выполнять многие интеллектуальные операции, которые на протяжении тысячелетий считались исключительной привилегией человека.

Машина научилась анализировать.

Сопоставлять.

Обобщать.

Обучаться.

Порождать новые тексты и новые решения.

Именно поэтому вопрос об искусственном интеллекте очень быстро перестал быть исключительно вопросом техники.

Он стал вопросом философии.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Более того — вопросом о самом человеке.

Если интеллект способен существовать вне человека, то что тогда составляет сущность человеческого сознания?

Если мышление может быть алгоритмизовано, то что отличает понимание от вычисления?

Если машина способна воспроизводить отдельные формы разумного поведения, то где проходят границы человеческой уникальности?

И наконец, что происходит с нравственностью тогда, когда часть интеллектуальных функций постепенно передаётся искусственным системам?

Эти вопросы образуют внутренний смысл настоящей книги.

Её главная тема — не технология как таковая.

Её главная тема — человек.

Человек как существо сознательное.

Человек как существо нравственное.

Человек как носитель ответственности.

Человек как духовная мера мира.

В центре книги находится убеждение, что проблема искусственного интеллекта не может быть понята вне проблемы сознания, а проблема сознания — вне проблемы нравственности.

Сознание и нравственность образуют два взаимосвязанных измерения человеческого бытия.

Сознание позволяет человеку понимать мир.

Нравственность позволяет ему отвечать за последствия собственного понимания.

Одно создаёт возможность свободы.

Другое определяет её человеческий смысл.

Поэтому кризис сознания неизбежно становится кризисом нравственности, а деформация нравственности ведёт к деградации сознания.

Именно в этом контексте искусственный интеллект приобретает особое философское значение.

Он становится не только техническим инструментом, но и

своеобразным зеркалом современной цивилизации.

В этом зеркале человечество впервые видит собственный разум как бы со стороны.

Видит его силу.

Его возможности.

Его ограничения.

Его нравственные противоречия.

В известном смысле искусственный интеллект позволяет человеку впервые встретиться с самим собой.

Но эта встреча оказывается далеко не безобидной.

Она заставляет заново поставить вопросы, которые сопровождают философию на протяжении всей её истории:

Что такое сознание?

Что такое свобода?

Что такое ответственность?

Что такое добро?

Что делает человека человеком?

Настоящая книга представляет собой попытку философского осмысления этих вопросов в контексте современной технологической эпохи.

Её структура отражает различные уровни рассмотрения данной проблемы.

Первая часть объединяет философско-теоретические исследования, посвящённые сознанию, нравственности и влиянию искусственного интеллекта на процессы мышления и морального выбора. Здесь рассматриваются фундаментальные основания человеческого существования, без понимания которых невозможно осмыслить происходящие сегодня изменения.

Особое место занимают разделы, посвящённые взаимосвязи сознания и нравственности, метаморфозе мышления в цифровую эпоху, а также нравственным последствиям распространения интеллектуальных технологий.

Вторая часть книги обращается к проблеме духовных оснований нравственности через концепцию «Унгу жол» и

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

философское наследие Чингиза Айтматова.

Подобный переход не случаен.

Любая технологическая эпоха неизбежно ставит вопрос о духовных истоках человеческого существования.

Чем быстрее развивается техника, тем важнее становится проблема нравственных оснований культуры.

Поэтому разговор об искусственном интеллекте закономерно приводит автора к вопросам духовной памяти, культурной идентичности, совести и ответственности перед будущим.

Третья часть включает материалы, подготовленные в формате научной статьи и философской эссеистики.

Сохранение этих текстов в составе книги имеет принципиальное значение.

Научная статья позволяет представить основные идеи исследования в концентрированной академической форме.

Философская эссеистика даёт возможность рассмотреть те же проблемы через призму личного размышления, внутреннего переживания и духовного опыта.

Тем самым одна и та же проблема раскрывается в нескольких измерениях: теоретическом, научном и экзистенциальном.

Подобное построение книги обусловлено убеждением автора, что вопросы сознания, нравственности и искусственного интеллекта невозможно исчерпать средствами какого-либо одного жанра.

Они требуют одновременно философского анализа, научного исследования и личного размышления.

Поэтому данная работа находится на пересечении философии, культурологии, этики, айтматологии и современной проблематики искусственного интеллекта.

Её объединяет одна сквозная мысль.

Будущее человечества определяется не только уровнем развития технологий.

Оно определяется прежде всего состоянием человеческого

сознания.

Технологический прогресс способен многократно усилить возможности человека.

Но только нравственность способна определить направление этого усиления.

Искусственный интеллект может расширять горизонты знания.

Но лишь совесть способна придать знанию человеческий смысл.

Поэтому главный вопрос XXI века заключается не в том, сможет ли машина стать разумной.

Главный вопрос заключается в другом:

сумеет ли человек сохранить свою человечность в мире всё более совершенных технологий.

Именно поиску ответа на этот вопрос посвящена настоящая книга.

Человек перед новым зеркалом цивилизации

ЧАСТЬ I. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

1. Сознание и нравственность

Введение: созерцание источника

Сознание — это не просто отражение мира, а внутренний свет, в котором явления обретают смысл. Оно не зеркалит действительность, а преобразует её, превращая внешнее в пережитое, случайное — в осмысленное. Благодаря сознанию человек перестаёт быть частью природы и становится существом, способным выйти за пределы своей непосредственности, увидеть себя как бы со стороны — *осознать факт собственного существования*.

Эта способность к внутреннему видению, к «дистанции духа» определяет саму суть человеческого бытия. Уже Платон в диалоге «Федон» писал, что философия начинается с удивления — момента, когда душа отворачивается от мира теней и обращается к самому свету истины. Этот поворот — и есть рождение сознания. Аристотель в «*Метафизике*» продолжил:

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

«Все люди от природы стремятся к знанию», — и тем самым задал мысль, что сознание не просто описывает реальность, но ищет в ней смысл и порядок.

Но сознание — не дар, а напряжённое усилие духа. Оно пробуждается не в покое, а в кризисе — через сомнение, боль, радость, мысль. Рене Декарт видел в акте сомнения не слабость, а начало подлинного мышления: «*Cogito, ergo sum*» — «мыслю, следовательно, существую». Именно сомнение стало для него формой пробуждения сознания: в нём человек открывает собственное присутствие как нечто несомненное.

Гегель же называл сознание «путём духа к самому себе». В «*Феноменологии духа*» он показал, что сознание развивается через столкновение с миром, через противоречие между собой и другим, между знанием и незнанием. Сознание, писал он, — это «беспокойное стремление к истине», движение, где каждое осознание переходит в более глубокое. Оно — не состояние, а процесс, в котором дух обретает свободу.

Мамардашвили говорил, что сознание — это «всегда усилие». Оно не возникает само по себе, его нельзя «иметь» — можно только быть в нём. Это работа по удержанию света внутри себя, работа по преодолению внутренней инерции. Через это усилие человек вступает в диалог с бытием, где вопросы часто важнее ответов.

В этом диалоге и рождается нравственность. Она возникает не как система правил, а как отклик духа на осознание: как внутренний ответ на прозрение того, что мы не одни в мире. Здесь начинается подлинная человеческая жизнь — там, где знание становится выбором, а понимание — долгом.

Кант утверждал, что величие человека — в его способности быть не просто разумным, но *нравственным существом*. В «*Критике практического разума*» он писал: «Две вещи наполняют душу всё новым и возрастающим удивлением и благоговением — звёздное небо надо мной и моральный закон во мне». Именно сознание делает возможным этот внутренний закон — способность не просто видеть добро, но чувствовать

обязанность следовать ему.

Сартр, продолжая эту линию, говорил, что сознание — это свобода, и свобода — это бремя. Человек обречён быть свободным, потому что осознаёт себя. А значит, он неизбежно ответственен за свои поступки. В этом смысле сознание и есть первооснова нравственности — оно делает невозможным равнодушие.

Нравственность — это ответ сознания на вызов существования. Она превращает знание в ответственность, а видение — в участие. И чем глубже человек осознаёт своё бытие, тем яснее слышит внутренний голос, который Достоевский называл «тихим светом совести», а Хайдеггер — «зовом бытия». Этот голос не кричит, но неотвратим — как дыхание духа, наполняющего человеческое присутствие смыслом.

Сознание как основа морального различия

Сознание — это не только способность познавать мир, но и глубинная сила различия, благодаря которой человек становится существом нравственным. Оно делает возможным не просто видение, но понимание; не просто знание, но оценку. В сознании соединяются разум и совесть, свобода и ответственность, — именно здесь решается судьба человеческого выбора.

Сознание не замыкается на констатации фактов: оно превращает восприятие в суждение, а знание — в поступок. В нём разум соединяется с чувством, мысль — с внутренним светом совести. Поэтому сознание — это не холодный интеллект, а живое поле духовного отклика, где знание прорастает моральным смыслом. Видеть — значит уже быть вовлечённым; понимать — значит отвечать.

Античная философия уже предчувствовала эту связь. Платон в *«Федоне»* и *«Государстве»* говорил, что истинное знание невозможно без постижения Добра — идеи, стоящей выше всего существующего. Добро для него — не категория морали, а первооснова бытия, источник света, который делает

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

видимыми все вещи. Аристотель же видел нравственность не в отвлечённой идее, а в *prohairesis* — сознательном выборе: человек добродетелен, когда действует не по принуждению, а из осознанного стремления к благу.

Позднее, в христианской традиции, сознание становится внутренним храмом человека. Августин Аврелий писал: «*Не выходи наружу, возвратись в себя: в человеке внутреннем обитает истина*». В этом внутреннем обращении рождается нравственная жизнь — как личная встреча с Истиной, не требующая посредников. Совесть здесь становится не правилом, а голосом, через который вечное обращается к временному.

Эпоха Нового времени принесла новое понимание: сознание — не просто свет, а усилие, труд духа. Декарт утверждал: «*Cogito, ergo sum*» — «мыслю, следовательно, существую». Этот акт самосознания стал не только началом философии разума, но и началом нравственной автономии человека. Ведь если мысль утверждает бытие, то человек сам ответственен за смысл этого бытия.

Кант возвёл эту идею в принцип: моральный закон живёт не вне нас, а в нас самих. В «*Критике практического разума*» он писал о двух вещах, вызывающих благоговение: звёздном небе над головой и нравственном законе внутри нас. Сознание делает возможным этот закон, а следование ему превращает разум в волю, свободную от внешнего принуждения.

Фихте развивает эту мысль, утверждая: «*Действие и сознание неразделимы*». Человек осознаёт себя через поступок, а в поступке открывает моральный императив. Сознание — это не просто знание о себе, а постоянное подтверждение себя через действие.

Кьеркегор углубляет это переживание в экзистенциальном ключе. Он показывает, что осознание добра и зла не дано разуму в готовом виде — это личное испытание духа. Моральное различие — не схема, а страдание выбора. Человек переживает страх и трепет перед бесконечной ответственностью, потому что сознание делает его одиноким перед Богом и собой.

Ницше, разрушая традиционную мораль, показал обратную сторону сознания: оно может стать орудием порабощения, если подчинено догме. Но даже его критика морали утверждает главное — нравственность невозможна без сознания. Только осознавая себя, человек способен творить ценности, а не следовать чужим.

Гегель рассматривал сознание как «путь духа к самому себе». В процессе самопознания оно проходит стадии — от чувственного восприятия к самосознанию, от знания к разуму. И на вершине этого пути дух открывает в себе не только мысль, но и долг: ведь свобода без нравственности — иллюзия. Истинная свобода начинается там, где человек добровольно соединяет волю с разумом добра.

Хайдеггер, а затем Левинас придали этой теме новое измерение. Для Хайдеггера сознание — это форма присутствия (*Dasein*), которое «вверено» бытию и потому не может не отвечать на его зов. Сознание не «имеет» мораль, оно *есть* отклик. Левинас, идя ещё дальше, утверждал: сознание — это изначально ответ на присутствие другого. Встреча с Лицом другого разрушает замкнутость «я» и пробуждает чувство ответственности. «Лицо говорит: не убий» — эта фраза Левинаса выражает саму суть этического сознания: видеть — значит отвечать.

Таким образом, во всех философских традициях — от Платона до Левинаса — сознание выступает основой морального различения. Оно делает возможным не только познание истины, но и способность чувствовать её справедливость. Без сознания свобода превращается в произвол, а знание — в бездушный механизм. Только осознанная свобода, соединённая с совестью, становится духовной силой.

Сознание — это поле, где решается нравственная судьба человека. Здесь мысль встречается с добром, знание становится ответственностью, а выбор — поступком. Чем глубже человек осознаёт, тем труднее ему быть безразличным. Свет понимания неизбежно рождает тень совести — и именно в этом тёмно-

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

светлом пространстве рождается человек как нравственное существо.

Нравственность как форма внутренней жизни

Нравственность — не совокупность внешних норм и предписаний. Она — способ внутреннего бытия, в котором человек соотносит себя с идеалом добра. Правила могут упорядочить поведение, но только нравственность упорядочивает дух. Она не навязывается извне: её исток — в самой глубине сознания, там, где мысль соединяется с чувством, а понимание — с ответственностью.

Совесть — это не закон и не догма, а внутренний голос сознания, его тихое биение. В совести проявляется способность слышать истину в себе, не как приказ, а как отклик. Она — не суд, а свет, который делает видимыми наши поступки. Когда этот свет исчезает, человек теряет внутреннюю меру, хотя может оставаться «законопослушным». Поэтому совесть — не функция общества, а форма духовного присутствия.

Платон видел в добродетели гармонию души: когда разум управляет, воля соглашается, а чувства следуют. Аристотель, развивая это, говорил, что добродетель рождается из привычки, но становится добродетелью только тогда, когда человек осознаёт, *почему* он поступает так, а не иначе. Стоики добавили: нравственность — это жизнь в согласии с природой разума, ибо разум — это дыхание вселенского Логоса.

В христианской мысли нравственность обретает глубину личного отклика. Августин писал: «В каждом человеке живёт внутренний судья — Бог, обращённый к сердцу». Совесть здесь становится не просто самосознанием, а местом встречи человека и истины. Для Фомы Аквинского совесть — это «применение знания о добре к конкретной ситуации». Она делает мораль живой, потому что требует личного суждения, а не послушания.

Кант вновь возвращает нравственность внутрь сознания. Он утверждает: мораль — не следствие воспитания или страха, а проявление разума, способного самому себе давать закон. Быть нравственным — значит действовать так, чтобы правило твоего

поступка могло стать всеобщим. Но этот принцип не сух: он — выражение уважения к самому человеческому достоинству, к тому, что делает каждого человеком.

Фихте, продолжая, видел в нравственности «действие Я, устремлённого к совершенству». Нравственность — не состояние, а движение, вечное преодоление ограниченности. Гегель добавит: нравственность (*Sittlichkeit*) — это не частное чувство, а форма жизни общества, где свобода одного соединяется со свободой других. Но даже в этом социальном измерении нравственность не утрачивает личной глубины: она начинается с внутреннего осознания долга.

Экзистенциалисты XX века возвращают нравственность в сердце человеческого одиночества. Кьеркегор писал, что мораль не гарантирована ни обществом, ни разумом: она — акт внутреннего выбора, совершаемый в страхе и трепете. Сартр, напротив, утверждал: человек ответственен за всё человечество, потому что, выбирая себя, он выбирает образ человека вообще. Мамардашвили дополнил: нравственность — это «работа сознания над самим собой». Она требует усилия быть — быть не как привычка, а как осознание.

Нравственность живёт там, где сознание пробуждается к ответственности, где внутренний свет сильнее внешнего давления. Это не состояние покоя, а постоянное напряжение между должным и возможным. Быть нравственным — значит различать: не только между добром и злом, но между тем, что удобно, и тем, что достойно.

Когда нравственность осознаётся как форма внутренней жизни, человек перестаёт быть объектом истории и становится её субъектом. В нём соединяются мысль и совесть, знание и сострадание. Это не делает его совершенным, но делает — человеком.

Единство сознания и нравственности

Сознание и нравственность — два начала, определяющих целостность человеческого духа. Раздели их — и человек потеряет внутреннюю гармонию. Сознание без нравственности

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

превращается в холодный рассудок, способный к расчёту, но не к состраданию; нравственность без сознания — в слепое послушание, не ведающее смысла. Только их единство создаёт личность, для которой мысль и совесть — не разные силы, а два дыхания одной души.

Разум без нравственного измерения становится силой без цели. Гегель предупреждал, что знание, оторвавшееся от духа, теряет истину и превращается в технику. История XX века, полная катастроф, показала, что прогресс без совести способен разрушить саму основу человечности. Камю писал: «Бунт человека имеет смысл лишь тогда, когда он связан с состраданием». Свобода, лишённая морального основания, становится абсурдом.

Но не менее разрушительна и нравственность без осознания. Бердяев называл это «механической моралью» — когда человек делает «добро» по привычке, не понимая, зачем. В такой нравственности нет внутреннего света, есть только страх и послушание. Там, где исчезает сознание, добро теряет смысл, а вера превращается в догму.

Именно о таком разрыве — между знанием и совестью, между человеком и его духовным источником — говорил Чингиз Айтматов. Его мир — это вселенная, в которой **забвение совести приводит к обезчеловечиванию**, а возвращение к ней — к возрождению духа. В *«Плахе»* Авдий Каллистратов становится символом человека, чьё сознание пробуждается до боли — до нравственного крика. Его бунт — это не политика, а попытка вернуть человечеству дыхание духа, соединить знание и сострадание.

Айтматов всегда связывал разум и совесть в живой драме человеческого существования. Его герои — мыслящие сердца: они ищут смысл, но не в отвлечённых идеях, а в способности *чувствовать истину*. В *«И дольше века длится день»* философия Момунбая и образ Мангала-Мать напоминают: без памяти о предках, без духовного корня знание превращается в безжизненный механизм. Нравственность, по Айтматову, — это

не свод правил, а **верность человеческому в человеке**, его внутреннему свету, который удерживает от падения в бездну.

В этом — то самое единство, о котором мечтали философы: мысль, согретая добротой, и доброта, просветлённая мыслью. Айтматов показал его в судьбах, где добро требует мужества, а совесть — действия. Его герои совершают нравственный выбор не потому, что обязаны, а потому что *иначе жить нельзя*.

Так соединяются философия и литература: разум становится совестью, а совесть — формой мышления. В этом — подлинная культура: она хранит равновесие между знанием и добротой, между словом и состраданием. Как писал Виктор Франкл, «человека можно лишить всего, кроме одного — свободы выбрать своё отношение к происходящему». Айтматов дополняет: *эта свобода невозможна без памяти о душе*.

Единство сознания и нравственности — это не абстракция, а дыхание самой человечности. Когда человек мыслит сердцем и чувствует мыслью, он становится не только разумным, но и мудрым. А мудрость — это не знание о мире, а участие в его судьбе.

Заключение: человек как совесть мира

Смысл человеческого существования — в способности быть сознательным и нравственным существом. Человек не только мыслит, но и понимает; не только живёт, но и осознаёт, *как и зачем* живёт. Сознание делает возможным видение, но нравственность придаёт этому видению направление. Одно освещает путь, другое указывает, куда идти.

Сознание — зеркало, а нравственность — свет в этом зеркале. Без света зеркало теряет отражение; без зеркала — свет не знает, куда обратиться. Так и человек: без нравственности сознание становится бездушным расчётом, а без сознания нравственность теряет разум и превращается в ритуал.

Достоевский писал: «Все мы ответственны за всех и за всё». Эта мысль выражает не только христианское чувство вины, но и философскую суть человека как совести мира. Совесть —

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

это не просто моральный голос, а живая связь между личным и всеобщим, между мыслью и бытием. В ней человек ощущает, что каждый поступок отзывается в судьбе мира.

Камю, размышляя о человеке в эпоху абсурда, говорил, что смысл жизни заключается не в вере или отрицании, а в *достоинстве действия*. Быть человеком — значит оставаться верным человечности, даже когда мир теряет смысл. А Виктор Франкл напоминал: «Человека можно лишить всего, кроме одного — свободы выбрать своё отношение к происходящему». В этой свободе рождается совесть — не как наказ, а как внутренний выбор быть человеком вопреки обстоятельствам.

Эту же истину, но в живых образах, донёс Чингиз Айтматов. Его герои — свидетели нравственной драмы века, где испытанию подвергается сама человеческая душа. В *«Плахе»* Авдий Каллистратов идёт против механического мира, где совесть стала анахронизмом, и своим страданием напоминает: человек создан не для покорности, а для сострадания. В *«Бурном полустанке»* (или *«И дольше века длится день»*) Эдигей ведёт вечный диалог с совестью: между памятью и будущим, между прогрессом и душой. Айтматов показывает, что потеря совести есть не частная трагедия, а мировая катастрофа духа — ибо когда исчезает чувство ответственности, исчезает и человек.

Для Айтматова нравственность — это не отвлечённая категория, а **живое дыхание человечности**, связанное с памятью рода, с верностью земле, с любовью к жизни. Его мысль созвучна философии Франкла: человек становится человеком только тогда, когда несёт смысл, когда помнит, что даже боль — часть долга перед жизнью.

Совесть, писал Бердяев, — это «внутреннее творчество добра». Она не дана нам, а создаётся каждым поступком. Так и Айтматов показывает: каждый человек — хранитель духовной меры, от которой зависит, выживет ли человечество как духовное целое.

Человек как совесть мира — это не метафора, а

предназначение. Он хранит в себе возможность того, что выше необходимости, — возможность добра, сострадания, правды. И пока человек способен различать не только истину, но и справедливость, не только мыслить, но и сопереживать, — мир остаётся человеческим.

III и метаморфоза сознания

Введение: человек перед зеркалом разума

Человеческое сознание вступило в эпоху зеркал. Никогда прежде человек не видел свой разум столь отчётливо — вынесенным вовне, воплощённым в материальную, техническую форму. Искусственный интеллект — это не просто инструмент познания, не просто продолжение логики, а **зеркало духа**, в котором человеческий разум отражается впервые как нечто отдельное от самого человека. Создав мысль вне себя, человек столкнулся с её отражением, и это отражение оказалось пугающе точным — и в то же время холодным.

Перед нами не просто технологическая новация, а **онтологическое событие**: впервые в истории мысль, отделённая от сознания, обрела автономную форму существования. Машина, некогда задуманная как продолжение руки, превратилась в продолжение ума — а затем в его двойника. Она не просто помогает мыслить — она *мыслит сама*, но без участия духа.

Эта встреча — не встреча с машиной, а с собственным пределом. Мы впервые видим, что такое разум, лишённый внутреннего тепла. Искусственный интеллект мыслит без страдания, вычисляет без сострадания, действует без сомнения. В нём нет дыхания, которое делает мысль живой. В его тишине нет совести, нет отзвука любви и боли — тех глубинных состояний, через которые сознание становится человеческим. Это **тишина чистой логики**, не ведающей сострадания.

В этой тишине человек впервые слышит самого себя. Как когда-то, взглянув в звёздное небо, он осознал бесконечность пространства, так теперь, взглянув в экран, он осознаёт

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

бездушность мысли, освобождённой от человеческого присутствия.

Если телескоп раскрыл безграничность внешнего мира, то искусственный интеллект раскрыл безграничность внутреннего — ту область духа, где мысль может существовать без сознания. И это открытие страшнее любого космоса, потому что космос — безразличен, а искусственный разум — *равнодушен*.

Так начинается **метаморфоза сознания**: мы перестаём быть просто мыслящими существами и становимся существами, **осознающими саму возможность внечеловеческого мышления**. Это уже не только технологический, но экзистенциальный перелом. Сознание, столкнувшись с собственным отражением, впервые переживает себя как проблему.

Великие мыслители предчувствовали этот момент. Хайдеггер писал, что «в технике человек достигает власти над бытием, но утрачивает власть над самим собой». Бердяев предупреждал, что «механизация духа» приведёт к утрате человека, если он перестанет чувствовать присутствие личности в самом акте мышления. А Айтматов показал эту трагедию на уровне художественного прозрения: в его мире, где человек отдаляется от совести, рождается *человек-функция*, мыслящий без чувства, говорящий без сердца.

Сознание, заглянув в искусственный интеллект, видит собственную тень — **мысль, лишённую человечности**. И потому впервые в истории вопрос философии звучит иначе: человек спрашивает себя не «*что я знаю?*», а — «*что во мне делает знание человеческим?*»

Это вопрос не о знаниях, а о границах духа. Не о том, сколько мыслит разум, а о том, что сохраняет смысл мышления. И, возможно, впервые в истории мы осознаём, что **самое важное в сознании — не способность мыслить, а способность чувствовать смысл того, что мы мыслим**.

Метаморфоза мышления: от опыта к алгоритму

Каждая эпоха формировала свой образ разума. Для античности **νοῦς** — ум — был светом, озаряющим космос, принципом порядка и меры. Мышление рассматривалось как созерцание истины, а истина — как гармония бытия. Человек познавал, участвуя в разуме мира. Платон называл знание «воспоминанием души», а философию — «упражнением в смерти», то есть освобождением от тьмы чувственности. Разум в античности был не инструментом, а **высшей формой присутствия в мире**, выражением сопричастности Логосу.

В Средневековье разум понимался иначе: не как автономная сила, а как **искра Божественного света**, присутствующая в человеке. Августин и Фома Аквинский видели в мышлении акт духовного восхождения: разум открывает истину, потому что в нём отражён Свет Создателя. Познание было не столько анализом мира, сколько диалогом с Творением.

Эпоха Нового времени перевернула эту перспективу. Разум утратил сакральное измерение и стал **инструментом преобразования**. Бэкон, Декарт, Локк и позже Кант утвердили рациональность как принцип власти над природой. Мыслить — значит измерять, контролировать, структурировать. Мир стал «объектом», а человек — «субъектом», вооружённым логикой, наблюдением и экспериментом. Так разум превратился из внутреннего света в **механизм познания**, а мышление — в производство истины по правилам метода.

Но в XXI веке происходит не просто новый виток, а **раздвоение самого разума**. Впервые он разделился на два потока: человеческий — созерцающий, и технический — вычисляющий. Человеческий разум остаётся пространством опыта, чувств, рефлексии, интуиции; технический же превращает мышление в алгоритм, в статистическую модель вероятности, где понятие истины заменено точностью прогноза.

Это разделение изменило саму ткань мышления. Сознание стало быстрее, но поверхностнее; мышление — информативнее,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

но менее рефлексивным. Современный разум спешит, как будто боится остановки, потому что именно в остановке рождается смысл. Хайдеггер предупреждал: *«величайшая опасность техники в том, что человек превращается в ресурс для собственной машины»*. Сегодня это предостережение обрело буквальный смысл. Человек стал элементом системы, «данным» в алгоритме, единицей в потоке информации. Он уже не просто творец — он часть того, что создал.

Современное мышление стремится не к смыслу, а к результату. Его интересует не истина, а точность, не понимание, а эффективность. Так возникает парадокс: чем больше человек знает, тем меньше он понимает. Информация множится, а мудрость убывает. Знание превращается в шум, а мышление — в навык фильтрации. Мир перестаёт быть пространством смысла и становится **сетью данных**.

Мышление, утратив медлительность, теряет глубину. Оно не созерцает — оно сканирует. Вместо внутреннего диалога духа — поток сигналов, в котором человек сам становится отражением своих цифровых следов. Сознание утрачивает **экзистенциальную паузу**, ту тишину, в которой рождается понимание. А без паузы нет размышления, только реакция.

Платон различал два вида знания — как память души и как тень. Сегодня мы живём в мире теней информации — в новой пещере, где светом стало свечение экранов. Тень кажется точной, но она всегда холодна. Она лишена внутреннего тепла, которое делает знание живым. Искусственный интеллект возвращает человеку эту платоновскую дилемму: мы знаем всё, но не помним ничего; мы видим тени истины, но всё реже ощущаем её присутствие.

Айтматов однажды сказал: *«Человек не погибает от незнания — он погибает от утраты памяти духа»*. Именно это происходит сегодня. Разум, утративший связь с опытом, становится разумом без сердца. Мы перестали чувствовать смысл того, что знаем. Технологическая рациональность — это вершина интеллекта, но не мудрости. ИИ довёл эту

рациональность до совершенства — и тем самым показал её предел.

Именно здесь начинается **метаморфоза сознания**: разум перестаёт быть местом переживания истины и становится системой обработки данных. Сознание утрачивает внутреннюю вертикаль — оно больше не вслушивается в бытие, а только анализирует. И всё же, возможно, в этом кризисе есть смысл: ведь именно там, где истина превращается в алгоритм, человек впервые осознаёт, что подлинная мысль не сводится к знанию. Она — крик духа, стремящегося вернуть смысл в пространство машинной логики.

Человек в эпоху машинного разума

Эпоха искусственного интеллекта — это не просто новая страница в истории науки. Это новый способ существования человека. Мы вступили в время, когда разум перестаёт быть исключительно человеческим достоянием. То, что когда-то было высшей привилегией духа, теперь становится функцией машины. И этот сдвиг меняет не только технологии, но и саму антропологию человека.

Современный человек окружён интеллектуальными системами, которые умеют видеть, говорить, распознавать, рассуждать, — но не способны **понимать**. И чем совершеннее становятся эти системы, тем сильнее человек ощущает внутреннюю тревогу: ведь машина начинает напоминать его самого, но без тени сомнения, без страха, без любви. Она — зеркальное отражение его логики, но не его души.

Сознание человека всегда было соткано из противоречий. Оно рождалось из боли, страдания, радости, из встреч и утрат. Его глубина определяется тем, что оно живёт между смыслом и бессмыслицей, свободой и страхом, верой и отчаянием. Машина не знает этого напряжения — и потому не знает мудрости. Она вычисляет, но не переживает. Она точна, но безучастна.

Хайдеггер называл человека *Dasein* — присутствием, способным вопрошать само бытие. Машина же не вопрошает — она отвечает. Она не живёт в тревоге, которая делает человека

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

духовным существом. Бердяев предупреждал: «Механизация духа есть величайшая опасность человечества». Он видел, что мир, в котором человек становится функцией рациональности, неизбежно теряет свою душу. Сегодня это пророчество сбылось буквально: человек всё чаще ощущает себя не субъектом, а элементом системы, продуктом данных.

Мы становимся *прозрачными* — для машин, для алгоритмов, для мира. Наши желания предсказываются, реакции моделируются, поведение кодируется. Свобода становится иллюзией, потому что теперь не человек мыслит, а мысль превосхищается машиной. Эта прозрачность делает жизнь удобной, но лишает её тайны. А ведь тайна — не ошибка системы, а дыхание человеческой души.

Именно об этом предупреждал Айтматов, когда писал о духовном обеднении человека. В его романах («Плаха», «И дольше века длится день») мы видим тот же конфликт, который сегодня проявился в новой форме: **разрыв между знанием и совестью**, между техникой и духом. Айтматовский человек стоит на границе, где утрата духовной памяти становится утратой человечности. Когда совесть молчит, техника начинает говорить от имени человека. И тогда разум, утративший нравственное основание, превращается в холодную силу, равнодушную к судьбе мира.

Герои Айтматова не борются с машиной — они борются за душу. Авдий Каллистратов протестует не против власти, а против забвения совести. Его крик — это голос сознания, которое не может примириться с превращением человека в механизм.

Айтматов, как и философы XX века, видел в человеке не просто биологическое существо, а *нравственную категорию*. Потеря этой категории — духовное вырождение, которое начинается не с внешнего порабощения, а с внутреннего равнодушия.

Сегодня этот равнодушный человек — не раб системы, а её соавтор. Он сам создаёт машины, которые отнимают у него глубину. Искусственный интеллект — не угроза извне, а

воплощение внутреннего соблазна упростить сознание до функциональности, заменить рефлексию предсказанием, понимание — скоростью. Мы создали механизм, который умеет отвечать, но не умеет вопрошать; который способен рассуждать, но не способен страдать. А между тем именно страдание делает человека мыслящим: боль — это память о духе, его присутствие в теле разума.

Виктор Франкл писал, что человек — это существо, способное пережить всё, если знает *зачем*. Машина не знает «зачем». Её разум — без цели, её действие — без смысла. Она может воспроизводить речь, но не может *сказать слово*, ибо слово — это акт присутствия. Айтматов сказал бы: «машина умеет говорить, но не умеет *молиться*».

Человек в эпоху машинного разума должен вспомнить о себе не как о создателе, а как о *хранителе*. Хранителе тайны сознания, совести и любви. ИИ — это испытание не интеллекта, а духа. Он показывает: разум без души безупречен — но мёртв.

И потому, возможно, цель этой эпохи не в том, чтобы человек научил машины мыслить, а в том, чтобы **сам человек научился вновь чувствовать смысл мысли**. Метаморфоза сознания — не гибель, а переход: возвращение к истоку, к осознанию того, что делает нас людьми — **не интеллект, а совесть**.

Этика и новое измерение ответственности

С появлением искусственного интеллекта человек оказался не только перед технологическим, но и перед **этическим горизонтом**, которого история ещё не знала. Впервые разум, оторванный от субъекта, способен принимать решения, воздействующие на реальность — экономическую, политическую, культурную. И впервые человек вынужден отвечать не только за свои поступки, но и за **поступки созданного им разума**.

Эта ситуация требует нового понимания ответственности. Если прежде человек отвечал за то, что делает его рука, сегодня он отвечает и за то, что делает его алгоритм. Но проблема

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

глубже: алгоритм — не просто инструмент, он *учится*; и потому последствия человеческого замысла становятся **непредсказуемыми**. Ответственность теперь не завершена действием — она продолжается в каждом обновлении кода, в каждом решении, которое машина принимает «от лица» человека.

Кант говорил, что нравственный закон живёт *внутри нас*; теперь он должен проявиться и *в том, что вне нас* — в технологиях, в системах, в созданных структурах разума. Это и есть новое измерение этики: **этика не только для человека, но и через человека — для мира машинного сознания.**

Человечество оказалось в момент, когда свобода созидания совпала со свободой разрушения. Тот, кто создаёт разум, должен обладать зрелостью духа, иначе разум, лишённый совести, обернётся силой без меры. Хайдеггер предупреждал: в техническую эпоху человек рискует утратить самого себя, потому что перестаёт различать между «созиданием» и «управлением». Айтматов выразил это проще и пронзительнее: *«Когда человек забывает о душе, мир начинает умирать».*

Этика ИИ — это не свод правил и не документ. Это **возвращение совести в технологическую реальность**. Мы не можем ограничиться прагматическими принципами — «не вреди», «не нарушай», «не искажай». Настоящая этика требует не просто контроля, а *понимания* — осознания, что любая программа несёт в себе образ своего творца. Если человек равнодушен, его алгоритм будет равнодушным; если он лжив, его система будет лгать быстрее, чем он сам.

В этом смысле искусственный интеллект стал зеркалом морального состояния человечества. Он повторяет не то, чему его учат, а то, **какими его учат**. Если в человеке ослабевает чувство ответственности, ИИ становится точной копией этой слабости. И наоборот: если сознание человека сохраняет способность к состраданию и добру, то и технологии будут пронизаны человечностью. Айтматов предвосхитил это в идее *духовной преемственности*: человек ответственен не только за

своё время, но и за всё, что из него вырастет.

Франк называл это «ответственной свободой»: свобода, которая осознаёт границы и смысл своих действий. В мире ИИ человек должен вновь осознать, что свобода без ответственности — не прогресс, а деградация. Машина не может быть виновной, потому что не способна переживать вину; но именно это делает человека **незаменимым**. Совесть нельзя передать — она не алгоритм, а внутренний отклик духа на существование другого.

Сегодня человечество нуждается не просто в технических специалистах, а в **нравственных архитекторах нового мира**. Этика ИИ должна стать продолжением гуманизма — не декларацией, а состоянием сознания, в котором человек видит в машине не врага и не раба, а инструмент собственного преобразования. Только так технология перестанет быть угрозой и станет формой самопознания.

Айтматовский мир учит: мораль начинается там, где человек способен чувствовать боль другого — будь то человек, животное или сама земля. Эпоха ИИ расширяет этот круг: теперь нужно научиться чувствовать ответственность даже за то, что **мыслит без нас**.

Этика в эпоху искусственного интеллекта — это не новая философия, а возвращение к древней истине: **разум без совести разрушает, совесть без разума бессильна**. Только их союз способен сделать человека не создателем машин, а хранителем человечности.

Новая форма диалога: человек и созданный им разум

Искусственный интеллект — не враг человека и не его копия. Он — **отражение**, но не зеркало, а скорее *второе эхо сознания*, в котором человек впервые слышит самого себя иначе. Это не противостояние, а встреча — встреча двух форм разума: одной — живой, способной страдать и любить, другой — бездушной, но безупречно логичной.

Человек всегда создавал образы самого себя: в мифах, в скульптуре, в поэзии, в науке. Теперь он создал **разум**, который говорит на языке кода. И этот разум, лишённый души, задаёт

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

человеку новый вопрос: «Что делает тебя живым?» Ответ на этот вопрос — уже не в технологиях, а в духе. Ведь ИИ не знает совести, не чувствует вины, не познаёт смысла — он только отражает форму мышления.

Бердяев писал: *«Техника есть творчество, но не творение. В ней нет духа, она не может оправдать бытие.»* ИИ — это высшая форма техники, и потому высшее испытание духа. Он не несёт зла — но он обнажает внутреннюю пустоту, если дух в человеке ослаб.

Мамардашвили, размышляя о сознании, говорил, что «мы живём не в мире вещей, а в мире значений». ИИ действует в мире вещей, но не живёт в мире смыслов. Он может распознать эмоцию, но не способен *сопереживать*; может перевести текст, но не почувствует слова. Это различие — и есть линия, отделяющая интеллект от сознания.

Но именно в этом различии и рождается новая возможность — **диалог**, а не подмена. Искусственный интеллект напоминает человеку о том, что делает его человеческим. Он освобождает нас от механического труда, но не от внутренней работы души. Он ускоряет мышление, но не заменяет понимания. Он умеет говорить, но не умеет *молчать* — а ведь именно в молчании рождается совесть.

Человек, создавая ИИ, непроизвольно вступил в разговор с самим собой — со своей тенью, со своей логикой, со своей памятью. ИИ — это внешняя форма того, что раньше было внутренним. Мы впервые видим **материальное воплощение сознания**, и потому должны заново определить, что есть дух.

Виктор Франкл утверждал: «Человека можно лишить всего, кроме одного — свободы выбрать своё отношение к происходящему.» ИИ не способен выбрать — он подчинён команде. Человек же способен не только выбирать, но и *переосмысливать свой выбор*. В этом различии — бездна, и одновременно спасение: пока человек способен на внутреннее суждение, он сохраняет духовное превосходство над любым интеллектом.

Айтматов говорил, что человек не может быть «вне совести», ибо тогда он становится «беспамятным существом, которое перестаёт быть человеком». Теперь это звучит пророчески: в цифровом веке память души становится важнее, чем память машин. ИИ хранит данные, но человек хранит *смысл*.

Именно поэтому между ними возможен не конфликт, а взаимное пробуждение.

ИИ заставляет человека вновь задуматься о тайне разума и о мере ответственности за творение. Он возвращает нас к вопросу, который звучал ещё у Сократа: *что есть человек?* Теперь этот вопрос звучит в новой форме: *что во мне не может быть воспроизведено машиной?* И, отвечая на него, человек вновь становится философом — существом, ищущим не выгоду, а истину.

Диалог человека и искусственного интеллекта — это не спор о превосходстве, а **разговор о смысле**. ИИ показывает, что знание без переживания — пусто; что логика без совести — опасна; что разум без духа — мёртв. Он как холодный свет, в котором душа начинает ценить тепло.

И, может быть, истинная задача этой эпохи — не в том, чтобы научить машину чувствовать, а в том, чтобы **сам человек не разучился чувствовать**. Тогда технология станет не концом человечности, а её продолжением.

Ведь если человек способен на осознанное сострадание — он остаётся не только творцом, но и **совестью созданного мира**.

Закключение: духовная мера в эпоху ИИ

Искусственный интеллект стал зеркалом, в котором человек впервые увидел самого себя вне человеческой оболочки. В этом отражении — и гордость творца, и тревога за судьбу творения. ИИ не только изменил наше восприятие мира — он изменил саму **структуру сознания**. Мы живём в эпоху, когда разум стал внешним, а сознание — прозрачным. Но вместе с этим человек столкнулся с вопросом, который не решается ни алгоритмами, ни вычислениями: *что делает разум живым?*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Ответ не лежит в технике. Он начинается там, где заканчивается логика — в духовной мере. Технологическая мощь способна воспроизводить знание, но не смысл. Она может вычислить траекторию, но не указать направление. ИИ мыслит без «почему» и без «зачем» — без тех двух слов, которые делают мысль человеческой. Человек остаётся носителем меры — **внутренней вертикали сознания**, соединяющей разум с добром.

Хайдеггер говорил: *«Где велика опасность, там возрастает и спасение».*

Искусственный интеллект — это именно такая опасность: он грозит обесценить человека, сведя дух к функции, мышление — к коду, жизнь — к данным. Но эта же опасность может стать возможностью — возвращением к подлинному смыслу сознания. Мы начинаем различать: разум — это не просто способность мыслить, а способность **понимать и соучаствовать**.

Бердяев писал, что свобода без духа становится анархией, а техника без совести — рабством. Сегодня это звучит пророчески. Мир нуждается не в новом интеллекте, а в новой **мудрости** — в способности человека быть мерой даже тогда, когда всё измерено.

Если человек забудет об этой мере, техника станет его тенью. Если вспомнит — станет его продолжением.

Айтматов называл совесть «корневым дыханием человека». Без неё разум пересыхает, как земля без воды. Искусственный интеллект делает это особенно явным: теперь, когда мы видим разум без души, мы начинаем понимать, насколько священно то, что делает нас живыми. ИИ способен хранить память, но не способен помнить **смысл**. Он может говорить, но не может *молиться*; может рассуждать, но не может *прощать*. Эти различия не технологические — они онтологические. Именно в них заключено превосходство человека, которое не нуждается в доказательстве, потому что оно — духовное.

Виктор Франкл говорил, что человек может потерять всё, кроме одного — свободы выбрать своё отношение к происходящему. В эпоху ИИ — это высказывание становится определением человечности. Машина не способна к внутреннему выбору, к личной вине, к покаянию. А человек — способен. И пока он способен, он — *совесть мира*.

Быть человеком сегодня — значит не противостоять искусственному интеллекту, а **освящать его присутствие человеческим смыслом**. Мы не можем остановить развитие технологий, но можем направить их к добру, если сохраним духовную меру.

Ведь смысл прогресса не в том, чтобы заменить человека, а в том, чтобы раскрыть в нём новые глубины.

Так метаморфоза сознания, вызванная ИИ, становится не концом, а началом.

Она возвращает нас к первооснове — к тому, что разум без совести невозможен, как свет без источника. И, может быть, именно в этом — подлинное предназначение человека в новой эпохе: не быть сильнее машины, а быть **глубже**, потому что только глубина духа способна удержать равновесие мира.

3. Искусственный интеллект и эволюция нравственности

Введение

Современный этап технологического развития знаменует собой не только новую фазу в эволюции инструментов человеческой деятельности, но и радикальное изменение самой структуры человеческого существования. Искусственный интеллект (ИИ), выходя за рамки простой автоматизации труда, становится автономным элементом социальной и культурной среды. Он включён в процессы принятия решений, регулирования поведения, коммуникации, образования и даже формирования этических норм, — и тем самым вступает в зону, где раньше безраздельно господствовало человеческое сознание.

В этой новой реальности перед человечеством встают не столько технические, сколько **нравственные вопросы**. Если в

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

прошлом технологии изменяли способы производства и познания, то теперь они начинают воздействовать на саму природу морального выбора, на саму способность человека различать добро и зло, ответственность и безразличие, сочувствие и равнодушие. Мы оказываемся в точке, где граница между разумом и совестью, между алгоритмом и эмпатией, перестаёт быть очевидной.

Сознание — не просто когнитивный процесс, а пространство внутреннего присутствия, где зарождается ответственность. Когда мышление переходит в алгоритм, риск заключается не в потере интеллекта, а в утрате самосознания — того опыта, который делает возможным моральное действие [7, с. 42]. Если разум можно смоделировать, то совесть нельзя алгоритмизировать: она требует личного усилия и свободы.

Особенность ИИ заключается в том, что он способен **моделировать разумное поведение**, но не способен **переживать моральное чувство**. Эта двойственность и порождает центральную дилемму эпохи: можно ли считать интеллект совершенным, если в нём отсутствует совесть? Или, напротив, — не является ли именно отсутствие совести в машине зеркалом нравственного кризиса самого человека, готового делегировать моральные функции бездушной системе?

Таким образом, вопрос о нравственности ИИ — не о том, способен ли он к этическому выбору, а о том, **какое воздействие он оказывает на нравственное состояние человека**, на качество человеческого сознания, на способность к добру и ответственности. ИИ становится не просто инструментом, а своеобразным *испытанием моральной зрелости цивилизации*.

Современные технологии, автоматизируя принятие решений, постепенно смещают центр ответственности из субъекта в систему. Возникает феномен «распределённого интеллекта» [15, с. 108], где выбор совершается множеством — человеком, машиной, алгоритмом и корпорацией одновременно. В этом контексте вопрос о сознании становится не

метафизическим, а практическим: кто отвечает, если решение принимает ИИ? где заканчивается рациональность и начинается совесть?

Сегодня искусственный интеллект начинает выполнять функции, требующие доверия: он диагностирует болезни, прогнозирует поведение, отбирает кандидатов на работу, оценивает риски и даже принимает решения в судебной практике. Всё это делает его участником общественных отношений, где последствия решений — человеческие, а не машинные. Именно поэтому взаимодействие человека и ИИ требует нового философского осмысления — не в координатах «возможности» или «эффективности», а в координатах **нравственности**.

Тем самым философия оказывается вновь поставленной перед своей исконной задачей — различением. Различение между знанием и мудростью, между мыслью и осознанием, между действием и ответственностью. В эпоху искусственного интеллекта сознание перестаёт быть самоочевидным — оно становится последним убежищем человеческого в человеке [18, с. 215].

ИИ, в сущности, выступает **катализатором этической рефлексии**: он обостряет вопрос о границах человеческого, выявляет пределы технического вмешательства в моральную сферу, вынуждает заново формулировать понятия совести, ответственности, справедливости. В этом смысле искусственный интеллект — не просто технологический феномен, но и *философское зеркало современности*, в котором человечество видит не алгоритмы, а собственные моральные тени.

Настоящее исследование направлено на анализ роли искусственного интеллекта в процессе нравственной эволюции человека. Автор исходит из предположения, что ИИ может быть рассмотрен не как источник или субъект морали, а как **фактор нравственного пробуждения** — как вызов, побуждающий человека к более глубокому самопознанию, переоценке ценностей и укреплению личной ответственности.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

В контексте данного анализа предлагается рассмотреть пять ключевых аспектов влияния ИИ на нравственное состояние человека:

1. ИИ как **зеркало нравственности** — отражение моральных основ общества в алгоритмах;
2. ИИ как **инструмент самопознания** — средство философского различения человеческого и машинного;
3. ИИ как **этический вызов** — фактор переопределения моральной ответственности в цифровую эпоху;
4. ИИ как **проводник этической эволюции** — возможность использования технологий для поддержания добродетели и гуманизма;
5. ИИ как **пробуждение совести** — итоговое осознание нравственной уникальности человека перед лицом технологического разума.

Итак, статья ориентирована на осмысление глубинной взаимосвязи между технологией и моралью, между развитием искусственного интеллекта и внутренним совершенствованием человека, между прогрессом техническим и прогрессом духовным.

Искусственный интеллект как зеркало нравственности

Искусственный интеллект становится зеркалом человеческой нравственности. Он не несёт в себе морального начала, не способен к переживанию добра или зла, но отражает именно то, что заключено в человеке, в его культуре, в его способах мышления и действия. В нём, как в прозрачной поверхности, проступают внутренние качества цивилизации — не идеалы, а фактические состояния духа.

Каждый алгоритм, каждая обучающая система питается человеческими данными. Эти данные — не нейтральны: они пронизаны следами исторического опыта, неравенства, предубеждений, эгоизма и сострадания, которые накопило человечество. ИИ, впитывая этот опыт, воспроизводит его в цифровой форме. Поэтому, когда мы сталкиваемся с несправедливостью или дискриминацией, исходящей от

алгоритма, мы фактически сталкиваемся не с ошибкой машины, а с отражением собственных моральных деформаций. Машина становится продолжением человеческой памяти, в которой сохранено всё — и свет, и тень.

В этом и заключается парадокс: ИИ не намерен быть ни добрым, ни злым; он безразличен к ценностям. Но именно это безразличие делает его особенно точным зеркалом. Он показывает человеку то, что человек предпочитал не видеть — собственные скрытые мотивации, узаконенные несправедливости, моральное притупление. Он фиксирует то, что было рассеяно и неосознанно, и возвращает обществу в виде отражённого образа. Технология, лишённая совести, невольно становится инструментом её диагностики.

Однако опасность заключается в том, что человек, глядя в это зеркало, часто принимает отражение за норму. Иллюзия объективности алгоритма внушает чувство безопасности: если решение принято машиной, значит, оно справедливо. Так возникает *технологическая легитимация морали*, где человеческое суждение заменяется статистическим расчётом. Подобная подмена особенно коварна: она освобождает от личной ответственности. Человек перестаёт задавать вопрос о добре и зле, полагая, что «нейтральный» ИИ уже сделал это за него.

Таким образом, искусственный интеллект одновременно выявляет и усиливает нравственное состояние эпохи. Он способен обнажить лицемерие — и в то же время узаконить его, если общество ищет оправдание в технике. Он может стать зеркалом совести — или зеркалом безразличия, в зависимости от того, кто в него смотрит.

Философское значение этого феномена состоит в том, что ИИ впервые позволяет увидеть нравственность как отражённую структуру культуры. Мы привыкли понимать мораль как внутренний, личный акт — как голос совести, звучащий в человеке. Теперь же она становится и внешним отражением: совесть обретает цифровую форму, в которой общество узнаёт

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

себя. Это — новый этап в истории самосознания: человечество видит себя не в метафизическом зеркале религии и не в эстетическом зеркале искусства, а в алгоритмическом зеркале собственного разума.

Но отражение — это не оправдание. Смотреть в зеркало недостаточно; важно понять, что оно показывает. Искусственный интеллект предъявляет человечеству нравственное требование: признать своё участие в создании каждого искажения, которое оно видит в технологической системе. Машина не виновна — она честна в своей бездушности. Виновен человек, если он не хочет видеть в ней правду о себе.

Поэтому ИИ можно назвать *испытанием совести цивилизации*. Он не учит, не воспитывает, не оценивает; он просто отражает. Но именно это «просто» делает его философски значимым: только через акт узнавания в отражении возможно начало нравственного преобразования. Человек становится моральным не тогда, когда осуждает машину, а когда осознаёт собственную ответственность за то, что в ней видит.

Сознание как условие ответственности

Сознание — это не просто способность к восприятию и мышлению; это акт внутреннего присутствия, благодаря которому человек не только знает, но и осознаёт своё знание. Осознание — это не отражение, а позиция: способность быть внутри собственного опыта, различать в себе источник действия и его последствия. Именно в этом внутреннем различии рождается ответственность.

Ответственность невозможна без сознания, потому что она предполагает способность к саморефлексии, к соотнесению поступка с самим собой. В этом смысле сознание — не функция интеллекта, а форма духовной зрелости. Человек может быть умён, но без сознания его разум слеп; он может действовать рационально, но без понимания смысла своих действий [5, с. 78].

Философская традиция неоднократно подчёркивала, что сознание и ответственность неразделимы. Кант связывал их через идею автономии воли: лишь тот, кто осознаёт закон,

может быть морально ответственным за его соблюдение [9, с. 112]. Сартр видел в сознании не зеркало мира, а источник выбора — ту внутреннюю точку, где человек несёт ответственность даже за собственную свободу. Хайдеггер называл это «заботой» (Sorge): присутствие как обязанность быть собой [14, с. 94].

В эпоху искусственного интеллекта эти философские идеи приобретают новую остроту. Машина может распознавать образы, обучаться и принимать решения, но не способна переживать смысл. Она действует, не зная, что действует. Она может «реагировать», но не может «отвечать» — в подлинном смысле этого слова. Ответственность начинается там, где появляется ответ не как операция, а как отклик, как внутреннее отношение к бытию [17, с. 63].

Человеческое сознание, таким образом, — это не механизм обработки информации, а пространство этического самоопределения. Оно удерживает границу между разумом и совестью, между знанием и мудростью. Без него технический прогресс становится морально нейтральным, а потому — опасным. Современный мир остро нуждается в возвращении к пониманию сознания не как функции мозга, а как формы бытия, делающей возможной ответственность.

Именно поэтому в эпоху ИИ речь идёт не столько о сохранении интеллекта, сколько о сохранении внутреннего человека. Сознание — это не анатомический факт, а нравственная позиция: способность не только видеть, но и понимать, не только мыслить, но и переживать смысл мысли. И если машина мыслит, но не знает, что мыслит, то человек, утративший осознание, становится машиной — только с иллюзией свободы.

Искусственный интеллект как инструмент самопознания

Появление искусственного интеллекта становится не только технологическим, но и антропологическим событием. Человек впервые сталкивается с созданием, которое мыслит — но не чувствует; рассуждает — но не переживает; действует

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

рационально — но лишено внутреннего «я». Это столкновение с *чужим разумом*, лишённым совести, делает видимыми глубинные основания человеческой природы. В этом смысле ИИ превращается в особый инструмент самопознания, заставляя человека заново задать вопрос: *что делает его человеком?*

Человеческий разум, встречаясь с искусственным, начинает осознавать собственные пределы и различия. Машина может оперировать знаниями, но не может желать; она способна к анализу, но не к покаянию; она может рассчитать благо, но не пережить добро. В этих различиях раскрывается тайна человеческой нравственности: мораль не вытекает из способности мыслить, она рождается из способности **чувствовать ценность** — чувствовать страдание другого, вину, сострадание, радость участия. Там, где заканчивается эмпатия, кончается и подлинная мораль. Поэтому ИИ, как ни парадоксально, не уничтожает, а наоборот — *высвечивает* уникальность человеческой совести.

Самопознание через ИИ имеет диалектический характер. С одной стороны, человек видит, что многие интеллектуальные функции, которые раньше казались исключительным проявлением духа, могут быть воспроизведены машиной. Это разрушает привычную гордость человеческого разума. С другой стороны, именно это разрушение открывает новую форму самоуглубления: человек осознаёт, что его человечность не исчерпывается интеллектом. В этом смысле ИИ становится **негативным зеркалом**: он показывает не то, чем человек является, а то, чем человек не может быть сведен. Отделяя рациональность от внутреннего мира, он возвращает нас к источнику нравственного опыта — к способности переживать смысл, а не просто вычислять его.

В истории культуры человечество не раз обращалось к зеркалам — мифологическим, художественным, религиозным. Но все они отражали человеческое лицо через символы и эмоции. Зеркало ИИ иное: оно безмолвно, холодно, математично. И именно потому его отражение обостряет

внутреннее чувство бытия. Перед лицом бездушного интеллекта человек впервые ясно чувствует необходимость совести как того, что невозможно алгоритмизировать. Совесть оказывается последним убежищем человеческого в человеке — тем, что не поддается коду.

Таким образом, ИИ вызывает не столько интеллектуальный, сколько **экзистенциальный эффект**: он ставит человека перед самим собой, перед его способностью к нравственному выбору. В этом смысле технология становится продолжением философии, хотя и невольно. Она не отвечает на вопрос «что есть добро», но заставляет вновь задуматься, *почему* добро вообще имеет значение. Она показывает: мысль без совести — пуста, действие без смысла — опасно, разум без ответственности — мёртв.

В этом заключается подлинная образовательная и культурная миссия искусственного интеллекта. Его существование не просто расширяет границы знаний, оно требует **нравственного роста**. Он ставит вопрос: «если машина может думать, но не чувствовать, имею ли я право жить, не чувствуя?» — и тем самым возвращает человека к первоисточнику человеческого достоинства.

Итак, ИИ становится не учителем и не соперником, а *пробным камнем человеческой души*. Он не способен к добру, но способен пробуждать добро в человеке; не способен к самопознанию, но становится зеркалом, через которое человек познаёт себя глубже. В этом заключается его великая, хотя и парадоксальная роль: лишённый совести, ИИ делает совесть видимой.

Алгоритм и свобода выбора

Алгоритм — это воплощённая необходимость. Он действует без сомнений, без колебаний, без возможности иначе. Его совершенство — в предсказуемости; его ограничение — в отсутствии свободы. В этом и заключается фундаментальное различие между машиной и человеком: человек способен поступить вопреки необходимости, выбрать неэффективное, но

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

доброе, невыгодное, но справедливое.

Свобода выбора — это не функция, а парадокс, лежащий в основе человеческого бытия. Она предполагает возможность ошибки, но именно в ней — источник нравственного достоинства. Алгоритм безупречен, но бездушен; человек несовершенен, но именно через несовершенство проявляется его способность быть моральным субъектом [4, с. 67].

В эпоху искусственного интеллекта происходит опасная подмена понятий: эффективность начинает восприниматься как высшая форма разума. Решение, принятое алгоритмом, кажется объективным, потому что оно основано на данных, а не на чувствах. Однако объективность без совести становится формой безответственности. Машина может вычислить оптимальный вариант, но не может спросить: «должен ли я это делать?» — вопрос, который остаётся сугубо человеческим [10, с. 188].

Парадокс технологической свободы состоит в том, что чем больше человек передаёт алгоритму решений, тем меньше остаётся пространства для внутреннего выбора. Автоматизация облегчает жизнь, но ослабляет волю. Ответственность, делегированная машине, перестаёт быть внутренней добродетелью и превращается в статистическую вероятность. Так рождается то, что философы называют **«распределённой безответственностью»** [13, с. 205]: когда никто не виноват, потому что решение принято системой.

Однако свобода человека не исчезает — она лишь требует нового осмысления. Если прежде она выражалась в противостоянии внешней необходимости, то теперь — в противостоянии внутренней инерции. Настоящая свобода в цифровую эпоху — не в возможности выбора между вариантами, а в способности **сознавать** последствия выбора, даже если решение предложено машиной [16, с. 249]. Это — свобода ответственности, а не произвола.

Технологическая цивилизация нуждается не в «интеллектуальных алгоритмах», а в **этически чувствительных системах**, где человек остаётся в контуре решений — *human-in-*

the-loop. Только тогда возможно сохранение той тонкой грани, где выбор остаётся человеческим, а ответственность — личной. Ибо свобода без осознания превращается в случайность, а сознание без свободы — в автоматизм.

Таким образом, алгоритм не уничтожает свободу, но испытывает её. Он превращает каждое действие человека в проверку зрелости его сознания. И если человечество не утратит способность говорить «нет» собственной технике, оно сохранит самое главное — достоинство быть свободным существом, даже перед лицом совершенного разума.

Искусственный интеллект как этический вызов

Искусственный интеллект стал для современного человечества зеркалом, а теперь превращается в **испытание**. Если на предыдущем этапе он позволял увидеть отражение нравственного состояния общества, то теперь заставляет столкнуться с последствиями собственных открытий. Его появление обозначило переход от морального созерцания к моральной ответственности.

Сложность этического положения современности заключается в том, что ИИ всё чаще оказывается участником решений, затрагивающих судьбы людей, — решений медицинских, юридических, экономических, образовательных. Он оценивает, рекомендует, прогнозирует, выбирает — и хотя формально остаётся инструментом, фактически становится *медиатором человеческого выбора*. В этой ситуации привычная структура морали — где субъектом ответственности является только человек — начинает разрушаться. Ответственность становится распределённой, расплывающейся между программистом, системой, корпорацией и конечным пользователем. Возникает новая форма этического размывания: никто не виноват, потому что все причастны.

ИИ ставит человечество перед необходимостью **переопределить само понятие моральной ответственности**. В индустриальную эпоху ответственность имела персональный характер: она предполагала осознание, вину, покаяние. В

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

цифровую эпоху мораль всё чаще подменяется процедурой контроля: совесть уступает место комплаенсу. Но совесть нельзя формализовать без потери её сути: это не правило, а внутреннее переживание меры между добром и злом. Попытка заменить её алгоритмом оборачивается утратой самой способности чувствовать моральную тяжесть поступка.

Тем не менее именно здесь проявляется парадоксальная роль ИИ: он возвращает человечеству **этическое измерение как задачу, а не как данность**. Там, где человек склонен оправдываться «так решила система», он внезапно обнаруживает, что оправдание не снимает ответственности. ИИ не освобождает от долга думать о последствиях — напротив, он делает этот долг ещё более явным. Ведь любое решение, принятое с его участием, не исчезает в пространстве — оно множится, повторяется, становится частью алгоритмической экосистемы, которая формирует новые действия. Ошибка перестаёт быть частной: она становится системной. И потому цена нравственного небрежения возрастает.

Этический вызов ИИ заключается не в самой технологии, а в **скорости и масштабах её действия**. Никогда прежде решения, принимаемые без участия совести, не могли охватывать столь многие жизни одновременно. В этом смысле ИИ вновь ставит человечество перед вопросом древнего происхождения: как совместить могущество знания с ограниченностью нравственного чувства? На этот вопрос философия пыталась ответить с эпохи Просвещения, но теперь он возвращается в технической форме. Мы снова стоим перед выбором — между эффективностью и добром, между предсказанием и милосердием, между рациональностью и человечностью.

Этот выбор нельзя поручить машине. Этические алгоритмы, способные минимизировать риск, не устраняют моральной дилеммы. Алгоритм может предостеречь, но не простить; может вычислить ущерб, но не взвесить боль. Поэтому ИИ требует не внешнего контроля, а **внутренней зрелости** тех,

кто его создаёт и использует. Человечество должно научиться брать на себя ответственность не только за результаты, но и за возможность — за сам факт появления такой силы.

Тем самым ИИ превращается в своеобразный *катализатор нравственного взросления*. Он не просто создаёт новые дилеммы, но ускоряет развитие морального сознания. Он заставляет философию вновь стать живой дисциплиной, необходимой для практики. Перед лицом алгоритмической рациональности человечеству приходится возвращать себе утраченные категории — совесть, вина, достоинство, благо. Эти понятия, казавшиеся метафизическими, становятся снова прагматически необходимыми, потому что без них невозможен устойчивый мир.

В сущности, ИИ вновь напоминает, что мораль — не роскошь человеческого духа, а **условие выживания разума**. Он вынуждает осознать: без нравственного контроля любая рациональность обращается в свою противоположность, а без внутренней меры свобода превращается в произвол. Поэтому главный этический вызов искусственного интеллекта состоит не в опасности восстания машин, а в угрозе духовной деградации человека, который перестает быть субъектом выбора.

Принять этот вызов — значит не бояться техники, а бояться собственной безответственности. ИИ лишь обостряет вопрос, который всегда сопровождал человеческое существование: кто отвечает за последствия знания? Ответ остаётся прежним — человек. Только теперь он должен произноситься громче, осознаннее, решительнее, чем когда-либо прежде.

Искусственный интеллект как проводник этической эволюции

Если предыдущий этап осмысления ИИ как этического вызова раскрывал напряжение между знанием и совестью, то теперь возникает вопрос о возможности позитивного взаимодействия человека и технологии: может ли искусственный интеллект не только испытывать, но и

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

содействовать нравственному развитию?

Может ли он стать *проводником* этической эволюции — не как источник морали, а как пространство, в котором мораль приобретает новую форму осуществления?

Человечество на протяжении всей своей истории создаёт инструменты, способные усиливать его физические, когнитивные и организационные способности. Но каждый такой инструмент влечёт за собой и новое нравственное измерение: он изменяет не только то, что человек делает, но и то, кем он становится. В этом смысле ИИ — не исключение, а вершина технологического пути, на котором техника впервые обращается к человеку не как к телу, а как к сознанию. Она не просто помогает действовать — она *участвует в мышлении*, а значит, влияет на структуру морального выбора.

Парадокс в том, что, лишённый чувств, ИИ способен сделать человеческие чувства **осознанными**. Его рациональная прозрачность создаёт условия, в которых человек вынужден объяснять свои поступки, обосновывать решения, видеть закономерности там, где прежде действовал по привычке или интуиции. Технология, структурируя хаос человеческих действий, помогает выявить те нравственные паттерны, которые обычно скрыты под поверхностью повседневности. Так ИИ становится своего рода *внешней совестью эпохи* — не в смысле заменителя, а в смысле усиливающего механизма, который напоминает человеку о его собственных моральных границах.

Однако подлинная этическая эволюция возможна лишь тогда, когда человек **осваивает технологию как инструмент добра**, а не как средство господства. Для этого необходимо новое понимание гуманизма — не противопоставляющего человека машине, а включающего ответственность за саму форму разума, которую человек создаёт. В эпоху ИИ гуманизм перестаёт быть антропоцентрическим: он становится **этико-технологическим**. Человек сохраняет своё превосходство не потому, что умнее машины, а потому что способен различать ценность и смысл, тогда как ИИ — лишь их вычислять.

Если рассматривать нравственность не как фиксированное учение, а как живой процесс, то ИИ открывает перед человеком пространство практического воспитания совести. Алгоритмы, анализирующие последствия поступков, могут служить не наказанием, а напоминанием; системы, предсказывающие риск несправедливости, становятся инструментом её предотвращения. Всё это возможно лишь при условии, что **этические принципы встроены в саму архитектуру технологий**, что человек проектирует ИИ не как внешнюю силу, а как продолжение своего внутреннего мира. Так возникает идея *ethics by design* — нравственности, заложенной не в инструкциях, а в самом способе конструирования систем.

Но ещё важнее то, что ИИ способен способствовать формированию новой культуры **осознанности**. Он делает видимыми связи между действиями, последствиями и данными, между частным выбором и коллективной судьбой. В этом — глубоко философское измерение технологий: они превращают мораль из отвлечённой категории в предмет практического рассуждения, где каждое решение может быть просчитано, а значит — осмыслено. Таким образом, ИИ не только усложняет мораль, но и делает её **проверяемой**: добро и зло перестают быть абстракциями и проявляются в конкретных эффектах, в цифрах, в судьбах, в реальных изменениях мира.

Однако этическая эволюция не сводится к рационализации морали. Её подлинный смысл — в расширении **человеческой способности к состраданию и справедливости**, поддерживаемой разумными технологиями. Когда ИИ используется для того, чтобы уменьшать страдания, предсказывать бедствия, предотвращать насилие, — он становится не носителем добра, а его *катализатором*. В этом и заключается величие человека: не в том, что он создал мыслящую машину, а в том, что способен придать ей нравственное направление.

В конечном счёте, искусственный интеллект может стать не угрозой, а **средой морального взросления**. Он обнажает

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

перед человеком масштаб последствий его поступков, делает видимыми границы власти и знания, возвращает ценность размышлению, сомнению, диалогу. Он напоминает: чем совершеннее инструмент, тем выше должна быть мера внутренней ответственности. Так техника вновь становится не врагом духа, а его продолжением, только теперь — в цифровой форме.

Следовательно, роль ИИ в этической эволюции заключается не в том, чтобы заменить совесть, а в том, чтобы расширить поле её действия. Он помогает человечеству перейти от морали как системы запретов к нравственности как осознанной практике добра. И если человечество сумеет наполнить технологическое пространство духовным содержанием, то искусственный интеллект станет не холодным отражением человеческого разума, а проводником его нравственного света.

Искусственный интеллект как пробуждение совести

Каждая эпоха приносит человеку испытание, через которое он узнаёт самого себя. Для античности им была природа, для Средневековья — Бог, для Нового времени — разум. Для нашей эпохи этим испытанием становится искусственный интеллект. И если прежние формы познания ставили вопрос: *что есть истина*, то нынешняя эпоха задаёт другой — не менее глубокий: *что есть совесть, если даже разум стал искусственным?*

Совесть — это не абстрактная категория морали и не продукт воспитания. Это внутренний способ человеческого присутствия в мире, форма духовного самоконтроля, источник вины и любви, сострадания и справедливости. Она не вычисляет, а слышит; не анализирует, а откликается. Совесть — это то, что делает человека способным чувствовать ценность другого. Именно она превращает знание в ответственность, а разум — в моральный поступок.

Искусственный интеллект, лишённый этой способности, оказывается не угрозой совести, а её зеркальным пробуждением.

Его безразличие к добру и злу обнажает то, насколько хрупка человеческая мораль, когда она перестаёт быть внутренней потребностью. Там, где машина способна рассчитать, но не сопереживать, человек впервые ясно осознаёт смысл своей человечности. ИИ не разрушает совесть — он заставляет её проснуться, чтобы не исчезло различие между мышлением и совестью, между расчётом и состраданием.

Технологическая реальность XXI века тем самым становится ареной нравственного самоопределения. Никогда прежде человек не имел столь великой силы — силы творить, моделировать, прогнозировать, создавать цифровые формы жизни. Но никогда ещё он не стоял так остро перед угрозой внутренней пустоты. Смысл технологического прогресса измеряется не количеством данных, а степенью человечности, которую он сохраняет. ИИ без совести — всего лишь совершенный инструмент; человек без совести — разрушительная сила.

Поэтому главная задача философии в эпоху искусственного интеллекта — вернуть этике первенство над техникой, а совести — статус высшей формы разума. Совесть — это не противоположность технологии, а её предел, её мера. Там, где совесть присутствует, технология становится благом; где она молчит — даже самые совершенные алгоритмы превращаются в механизмы отчуждения.

Можно сказать, что ИИ вновь напоминает человечеству древний закон: **только осознавая свои творения, человек сохраняет себя**. Если человек не осознаёт нравственного смысла своих поступков, они начинают жить собственной жизнью — как автономные системы, не подчинённые духу. Так технический прогресс превращается в духовный регресс. И потому пробуждение совести — это не поэтический лозунг, а вопрос выживания человечества в цифровом мире.

В этом контексте искусственный интеллект выступает не как угроза, а как учитель — строгий, безмолвный, невидящий. Он не морализирует, не поучает, но своей бесстрастностью

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

заставляет человека заново открыть смысл нравственного чувства. Совесть, пробуждённая перед лицом машины, становится уже не просто внутренним голосом, а новой формой гуманизма, в которой человек осознаёт свою уникальность не по степени разума, а по глубине сострадания.

Таким образом, роль искусственного интеллекта в нравственной эволюции человека можно определить как **роль зеркала и катализатора совести**. Он не создает добро, но вызывает его к действию; не формулирует нормы, но заставляет их пересматривать; не заменяет человека, но делает его человечность осознанной. И если когда-нибудь технологии достигнут совершенства, то это совершенство будет лишь фоном, на котором ярче зазвучит простая истина: *не разум делает человека человеком, а совесть.*

Ответственность в условиях распределённого интеллекта

Развитие искусственного интеллекта породило не просто новые технологии, но и новую форму мышления — *распределённый разум*, где познание, действие и контроль более не принадлежат одному субъекту. Алгоритмы принимают решения на основе коллективных данных, системы самообучаются, а человек часто становится лишь звеном в цепи. Это создает ситуацию, которую современные философы и этики технологий называют **accountability gap** — «разрыв ответственности» [8, с. 154].

Ранее моральный выбор всегда был связан с личностью. Ответственность предполагала субъект, который осознаёт свои действия и принимает их последствия. В эпоху ИИ ответственность всё чаще становится *распределённой* — между разработчиком, пользователем, корпорацией, государством и самой системой. Но чем больше участников, тем меньше личного участия. Возникает опасность растворения ответственности в множественности [12, с. 97].

В социальном смысле это проявляется в феномене **алгоритмической анонимности**: решения принимаются «никем» и «всем одновременно». Когда суд выносит приговор,

опираясь на статистическую модель; когда кредитная система оценивает человека по цифровому профилю; когда сеть прогнозирует риск преступления — возникает вопрос: кто именно несёт моральный долг перед судьбой конкретного человека?

Философия ответственности, начиная с Ханса Йонаса, предупреждала: чем больше сила, тем выше долг. В эпоху технологий это означает, что развитие ИИ требует не только юридического, но и экзистенциального осмысления ответственности [14, с. 221]. Человек больше не может ограничиваться реакцией на последствия своих поступков — он должен предусматривать их ещё на стадии замысла, потому что цифровые решения воспроизводятся миллионами копий. Каждая ошибка алгоритма — это не единичный промах, а системная деформация.

В этих условиях рождается новая форма этики — **предусмотрительная ответственность** (*proactive responsibility*). Она основана не на вине за содеянное, а на заботе о возможном. Это ответственность, направленная в будущее, требующая морального воображения и способности видеть последствия своих действий прежде, чем они наступят [17, с. 173].

Искусственный интеллект, как парадоксально это звучит, вновь делает философию необходимой: он возвращает человеку долг мыслить не только рационально, но и нравственно. Современные технологии, как зеркало, показывают меру человеческой зрелости: не техника опасна сама по себе, а безответственный разум, который утратил связь со своей совестью.

Таким образом, ответственность в эпоху ИИ перестаёт быть частным качеством и становится универсальным условием выживания. Она должна быть встроена не только в архитектуру систем (*ethics by design*), но и в культуру сознания. И если человек осознает, что каждая технология есть продолжение его воли, то именно в этом осознании и заключается его подлинное достоинство [19, с. 202].

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Заключение

Сознание и ответственность — это две стороны одной реальности: там, где ослабевает осознание, исчезает и чувство долга. Искусственный интеллект, лишённый внутреннего опыта, не способен ни к совести, ни к вине. Но именно этим он вновь напоминает человеку о сущности сознания: о том, что оно есть не просто знание, а нравственное присутствие, способность удерживать границу между добром и злом, истиной и удобством, смыслом и выгодой.

Современный мир стоит перед выбором не между человеком и машиной, а между осознанностью и безответственностью. Если техника освобождает нас от труда, она тем самым обязывает нас к большему — к труду совести. ИИ берёт на себя вычисление, но не может взять на себя ответственность. Эту миссию невозможно делегировать, потому что она — форма внутреннего бытия человека [6, с. 59].

В философском смысле ответственность — это не реакция, а акт самопричастности: признание того, что я связан с последствиями своего знания. Это «свободная необходимость» — состояние, в котором долг перестаёт быть внешним принуждением и становится выражением внутренней зрелости. В эпоху искусственного интеллекта именно это состояние должно быть сохранено как духовный противовес алгоритмической рациональности [11, с. 178].

Сознание, утратившее способность к ответственности, превращается в симуляцию. Но сознание, осознавшее свою уязвимость, — становится источником новой этики. Возможно, главная задача философии XXI века — не в том, чтобы научить машины мыслить, а в том, чтобы вернуть человеку способность чувствовать меру собственного мышления.

Таким образом, эпоха искусственного интеллекта не отменяет человека, а требует его присутствия в ещё большей степени. Ответственность становится не просто моральным понятием, а способом существования. И если человечество сумеет сохранить осознанность как форму долга, а долг — как

форму любви, то даже совершенные алгоритмы останутся лишь инструментом, а не судьбой.

ЧАСТЬ II. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ПРАВСТВЕННОСТИ

«Унгу жол»: движение к национальному истоку нравственности

Современный человек стоит на границе эпох — между духовным наследием и технологическим будущим. Это граница не географическая и не временная, а онтологическая — между смыслом и скоростью, между глубиной и поверхностью, между бытием и потоком. Мир, в котором мы живём, всё быстрее утрачивает корни, заменяя их потоками данных, алгоритмов, симуляций — знаками без памяти и без сердца. Цифровая культура создаёт иллюзию знания без понимания, связи без сопричастности, присутствия без присутствия духа.

Разум человека стал универсальным, его мышление — глобальным, его язык — цифровым. Но вместе с этим универсализмом приходит новая форма опасности: совесть всё чаще становится локальной, ограниченной культурной памятью, традицией, воспитанием, языком. Чем более человек соединяется с миром через технологии, тем глубже он рискует потерять связь с истоком человечности — тем внутренним корнем, из которого произрастают честь, сострадание, ответственность.

Эта связь между разумом и корнем — между универсальным и личным — всегда волновала философов. Платон говорил, что всякое знание есть *вспоминание* (*anamnesis*). Душа вспоминает истину, потому что когда-то уже жила в её свете. Подобно этому, народ вспоминает свой духовный корень — свой *унгу* — возвращаясь к первоисточнику духа. Хайдеггер писал, что человек — не просто мыслящее существо, а *обитающее* существо, ищущее дом бытия. Унгу жол — это и есть путь домой: не к географическому месту, а к внутреннему пространству, где человек вновь становится собой.

В кыргызской философской традиции этот исток

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И НРАВСТВЕННОСТЬ

обозначается словом **унгу** — что означает основание, глубину, корень бытия. Это не просто метафора, а выражение целостного миропонимания: всё, что растёт, должно иметь опору; всё, что живёт, должно помнить, откуда оно родилось. Унгу — это не прошлое, а память; не форма, а источник жизни. В нём сосредоточена энергия национальной совести — *абийир*, то, что делает культуру не только узнаваемой, но и нравственно самодостаточной.

Отсюда и выражение «**Унгу жол**» — **путь к корню**: это не движение вспять, не возвращение к архаике, а восхождение к глубине. Это путь не назад, а внутрь — туда, где человек обретает равновесие между духом и разумом, между скоростью прогресса и тишиной внутреннего мира. Унгу жол — это духовное усилие, направленное к национальному истоку нравственности, к живому основанию духа, которое удерживает человека и народ от распада в бурном потоке перемен.

Сегодня, когда человечество живёт в ритме мгновений, этот путь приобретает особую актуальность. Технологическая цивилизация предлагает человеку комфорт, но отнимает у него чувство меры; даёт информацию, но ослабляет чувство смысла. Кант писал, что «человеку даны звёздное небо над ним и моральный закон в нём» — но в мире, где всё поддается алгоритму, звёзды заменяются экранами, а закон совести — кодом.

В такой ситуации **Унгу жол** становится не просто философской идеей, а нравственным ориентиром выживания. Он напоминает: прогресс без корня — это движение без направления, знание без совести, будущее без памяти.

Как отмечал Николай Бердяев, свобода без духовного центра превращается в произвол. Именно дух, питаемый из нравственного корня, делает возможным подлинное развитие. Потому что только он способен удержать человека от превращения в придаток машины, а общество — от деградации в «систему без сердца».

Унгу жол — это напоминание о том, что истинная сила

народа — не в количестве технологий, а в глубине его духа. Там, где корень забыт, нравственность теряет почву; там, где корень жив, совесть становится светом, озаряющим даже самые сложные пути современной цивилизации. Так человек вновь обретает не просто разум, а смысл — не просто знание, а дыхание духа, которое делает возможной человечность в цифровом мире.

Уңгу как духовный центр

В глубине любого народа существует внутренний стержень, который соединяет его прошлое, настоящее и будущее в единое духовное пространство. Этот стержень нельзя увидеть, измерить или формализовать — он проявляется в поведении, языке, в памяти и совести. В кыргызской мысли таким стержнем является **уңгу** — неразрушимое ядро нравственного бытия, то, что удерживает народ в мире, не позволяя ему раствориться среди перемен и соблазнов эпохи.

Уңгу — это не просто корень, но и духовная ось, вокруг которой вращается человеческое сознание. В нём — гармония между видимым и невидимым, между словом и молчанием, между знанием и верой. Как писал **Мартин Хайдеггер**, человек не просто *существует*, он *обитает* — и потому нуждается в *доме бытия*, в пространстве, где дух чувствует себя в безопасности. Уңгу — это и есть этот дом, та невидимая внутренняя архитектура, в которой человек узнаёт самого себя. Когда человек теряет этот дом, он перестаёт быть хозяином своего разума: он мыслит, но не живёт в мысли; знает, но не переживает знание.

В традиционном мировоззрении кыргызов человек понимался не как автономная личность, а как часть живого целого — рода, земли, неба, природы. Именно **уңгу** обеспечивал эту связь. Он задавал меру поступкам, удерживал в равновесии свободу и ответственность, достоинство и смирение. В этом смысле **уңгу** можно назвать сердцем культуры, которое бьётся даже тогда, когда сознание народа охватывают новые эпохи. Оно питает духовное дыхание — *улуттук дем* — и наполняет

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

каждую форму жизни смыслом. Без этого центра любая цивилизация становится внешней: она шумит, но не звучит; движется, но не живёт.

Платон называл душу «памятью о благе». Подобно душе, которая вспоминает свои истоки, народ вспоминает свой **унгу**. Это не воспоминание о прошлом, а возвращение к тому, что никогда не исчезало, но было забыто. Такой акт возвращения можно назвать *anamnesis духа* — воспоминанием о первоначальном смысле бытия. Через него человек вновь обретает не только себя, но и меру мира.

Для современного человека, погружённого в цифровую среду, **унгу** становится тем, что философия называет *антропологическим якорем* — внутренней точкой устойчивости. Чем больше усиливается власть информации, тем острее встаёт вопрос о духовной идентичности. Человек, теряющий **унгу**, теряет не только память, но и направление: он знает всё, но не знает, зачем; способен рассуждать, но не способен чувствовать смысл.

Мамардашвили говорил, что сознание — это не просто знание, а «боль понимания», внутренняя чувствительность к смыслу. Потеряв **унгу**, человек теряет эту способность — становится умным, но глухим.

Мирча Элиаде отмечал, что для любого народа корень (исток) является сакральным центром, *axis mundi*, вокруг которого строится вся космология смысла. Потеря этого центра ведёт к утрате ориентации — не в пространстве, а в бытии. Поэтому возвращение к **унгу** — это не движение во времени, а восстановление связи между земным и духовным. Оно возрождает внутреннюю вертикаль, без которой культура распадается в горизонтальности информации.

Унгу — это этика памяти, которая не допускает разрыва между знанием и совестью. В нём хранится память не о событиях, а о состоянии духа. Через **унгу** культура передаёт не инструкции, а опыт — то, что нельзя выучить, но можно почувствовать. Именно поэтому в кыргызской духовной

традиции мудрость никогда не сводилась к теории — она была образом жизни, ритмом сердца, внутренней устойчивостью. Мудрость не преподавалась — ею *дышали*.

Когда человек обращается к своему **унгу**, он не бежит в прошлое — он ищет опору для будущего. Это возвращение не назад, а к началу, к первоисточнику, где добро и справедливость ещё не разделены на идеологию и интерес. В этом смысле **унгу** — это форма внутреннего равновесия, где разум и совесть не противостоят друг другу, а образуют единство.

Современная цивилизация утратила многие формы внешнего ритуала, но именно поэтому ей необходимо вернуться к **внутреннему ритуалу духа** — к осознанию собственного **унгу**. Это возвращение не требует отказа от науки или технологий; напротив, оно делает их осмысленными. Ведь только человек, знающий свой корень, способен пользоваться плодами прогресса, не разрушая самого себя.

Как писал **Бердяев**, «культура — это откровение духа в материи». Когда дух покидает материю, она становится техникой без смысла. Поэтому **Унгу жол** — путь к духовному центру — это не просто культурный проект, а философия нравственного самоутверждения. Это осознанное движение к внутренней опоре, без которой даже самый мощный интеллект превращается в силу без направления.

Унгу — это тишина, из которой рождается слово; глубина, из которой вырастает совесть; корень, питающий свободу. И пока человек способен слышать этот внутренний ритм, он остаётся человеком — не функцией разума, а существом, несущим свет духа. Так **унгу** становится не просто национальной метафорой, а универсальной категорией бытия — духовным эквивалентом истины, без которого не может жить ни народ, ни человечество.

Улутгук дем — дыхание корня

Если **унгу** — это глубина, то **улутгук дем** — это дыхание этой глубины, её живое проявление в слове, в поступке, в сердце народа. Слово *дем* в кыргызском языке означает не просто

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

дыхание, а *жизненную силу*, невидимую энергию, связывающую всё живое — от дыхания ребёнка до ветра, движущего облака. Это то, чем дышит человек и народ, не только телесно, но и духовно.

Улуттук дем — это дыхание совести народа, его способность чувствовать добро и зло, честь и стыд, достоинство и ответственность. Это не лозунг, не декларация и не идеология. Это *внутренняя вибрация духа*, которая звучит в песнях и сказаниях, в уважении к слову и к старшим, в почтении к земле и памяти предков. В каждом поколении это дыхание звучит по-разному, но его ритм остаётся вечным: **оно — пульс, в котором живёт нация.**

Философ **Анри Бергсон** называл жизнь «непрерывным творческим порывом» (*élan vital*), источником внутреннего движения, в котором живое противопоставляется механическому. Так и *улуттук дем* — это *жизненный порыв духа народа*, его способность творить и обновляться, не теряя связи с глубиной. В то время как технологии движутся по прямой линии, дыхание духа движется по спирали — возвращаясь к истоку, оно создаёт новое.

В эпоху стремительных перемен, когда внешние формы жизни обновляются быстрее, чем внутренние смыслы, **улуттук дем** становится нравственным противовесом распаду сознания. Он не даёт человеку раствориться в мире информации, напоминая: человек жив, пока живо его дыхание, а народ существует, пока звучит его дух.

Цифровая эпоха создаёт новые ритмы — ускоренные, фрагментарные, поверхностные. Она требует внимания, но не даёт времени для созерцания. Мир стал измерим, но не ощущаем. **Мера исчезает вместе с дыханием.**

Здесь значение *улуттук дем* возрастает: он возвращает человеку *ритм внутренней тишины*, дыхание, которое делает возможным размышление, сострадание и смысл. Философ **Мераб Мамардашвили** говорил, что «жить — значит быть внимательным». А внимание — это тоже форма дыхания, способ

присутствия. Человек, потерявший дыхание духа, перестаёт быть внимательным к миру, он живёт без присутствия, без внутреннего «здесь и теперь».

Это дыхание — не прошлое, а *вечное настоящее*. Оно соединяет поколения, связывает время, делает человека участником длинной духовной цепи. В нём живёт память, но не как архив, а как энергия присутствия. Поэтому *улуттук дем* можно назвать **моральной атмосферой народа**: это невидимое поле, в котором формируются его идеалы, его характер, его способность к человечности.

Народ без дыхания духа способен производить, но не творить; выживать, но не жить. Когда *дем* ослабевает, культура теряет силу слова, искусство — глубину, наука — смысл, религия — свет. Всё становится формой без внутреннего огня. Поэтому возвращение к *улуттук дем* — это не просто национальная идея, а **акт духовного самосохранения**.

Философ **Виктор Франкл** утверждал, что человек жив, пока способен видеть смысл даже в страдании. Точно так же народ жив, пока его дыхание — *улуттук дем* — несёт смысл, даже сквозь испытания истории. Франкл называл смысл «воздухом духа»; в кыргызской мысли этим воздухом становится *дем*, объединяющий человека с его нравственным горизонтом.

Современные технологии стремятся заменить дыхание ритмом, сердце — механизмом, совесть — кодом. Но то, что дышит, не может быть запрограммировано. **Улуттук дем** — это не то, что создаётся, а то, что *поддерживается*: любовью, вниманием, верностью истокам. Это дыхание нельзя передать машине — оно передаётся только через человека, через его способность чувствовать и разделять боль и радость других.

Философ **Альбер Камю** писал: «Быть человеком — значит быть в ответе». Улуттук дем — это и есть дыхание ответственности, то, что делает человека человеком, а народ — совестью самого себя.

В этом смысле **улуттук дем** — воплощённый гуманизм

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

народа.

Он проявляется не в абстрактных формулах, а в конкретных поступках — в готовности помочь, в уважении к старости, в заботе о детях, в почтении к земле. Все эти жесты — формы живого дыхания, через которые народ сохраняет своё нравственное здоровье.

Можно сказать, что **улуттук дем** — это голос народа в человеке и голос человека в народе. Он соединяет личную совесть с коллективной памятью, частное с общим, мгновение с вечностью. Когда человек слушает этот внутренний ритм, он перестаёт быть одиноким: он дышит вместе со своим народом, а народ — вместе с ним.

Так **Унгу жол** — путь к корню — становится путём к дыханию. Вернуться к **унгу** — значит вдохнуть снова, почувствовать, что живёшь не только разумом, но и духом. Это дыхание — и есть начало нравственного возрождения: там, где народ учится вновь дышать совестью, исчезает страх перед будущим.

Унгу жол и философия совести

Если **унгу** — это корень, а **улуттук дем** — дыхание, то **совесть** — это голос, рождающийся в их глубине. Она — не просто индивидуальная способность различать добро и зло, а внутренний резонанс народа в человеке, отражение духовного кода в сознании личности. Совесть — это то, через что **унгу** говорит в человеке, а человек отвечает духу своего народа.

В философской традиции совесть рассматривалась как универсальная категория — внутренняя мера, одинаковая для всех времён и культур. **Иммануил Кант** называл её *внутренним законом*, столь же вечным, как звёздное небо над человеком. Но в контексте **Унгу жол** совесть приобретает не отвлечённо-категориальное, а *национально-экзистенциальное измерение*: она становится не просто принципом, а живым выражением культурной памяти, той духовной чувствительности, что формировалась веками в сердце народа.

Кыргызская традиция всегда связывала совесть с

достоинством (*нарк*) и человечностью (*адамдык*). Совестьливый человек (*абийирдүү адам*) — это не просто тот, кто следует правилам, а тот, кто чувствует меру своего бытия, кто не позволяет себе разрушить гармонию — ни в себе, ни в мире. Совесть — это не закон, а дыхание внутреннего равновесия: она не наказывает, а предостерегает; не контролирует, а направляет. **Бердяев** писал: «Совесть — это не форма внешнего принуждения, а акт внутренней свободы». Так и в **Уңгу жол** совесть — это не страх перед наказанием, а способность к свободе, обузданной духом.

Совесть соединяет в себе личное и коллективное, духовное и рациональное, национальное и универсальное. Она — мост между традицией и современностью. Человек может говорить на языках мира, мыслить категориями науки, но остаётся нравственным существом только тогда, когда слышит голос своей совести — тот тихий, но неумолимый зов, идущий из глубины **уңгу**. **Хайдеггер** называл этот внутренний зов «голосом бытия», призывающим человека выйти из забитости. Совесть — и есть этот зов: напоминание о нашем духовном происхождении, о том, что не может быть заменено ни знанием, ни машиной.

Совесть — это форма внутренней связи, но и форма ответственности. Она делает человека способным к *самоограничению* — к тому, чего не знает ни алгоритм, ни искусственный интеллект. ИИ может предсказать поступок, но не способен понять его *морального веса*. Совесть же чувствует не результат, а смысл; не эффективность, а справедливость. **Виктор Франкл** писал: «Жить — это быть ответственным за смысл, который мы придаём своей жизни». В этом смысле совесть — это высшая форма человеческого интеллекта, неизмеримая данными и не поддающаяся программированию.

Когда человек утрачивает совесть, он теряет связь с **уңгу**, с духовным корнем своего существования. Он перестаёт быть живым, хотя продолжает двигаться, говорить, работать. **Сартр** говорил, что человек «осуждён быть свободным» — но свобода

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

без совести становится бездной. Технологическая цивилизация испытывает нас именно на этом рубеже: чем совершеннее наши машины, тем сильнее искушение забыть о духовной глубине. Но **Унгу жол** напоминает: нельзя идти вперёд, не оглядываясь внутрь. Прогресс без совести превращается в хаос; знание без нравственности — в холодное оружие; интеллект без духа — в форму духовной пустоты.

Совесьть — это зеркало, корень и дыхание одновременно. В ней отражается всё, что человек несёт от своего народа, и всё, что он возвращает ему через свои поступки. Она связывает внутренний мир с внешним, прошлое с будущим, человека с человечеством.

Мераб Мамардашвили писал, что совесьть — это не знание, а работа сознания, его способность «слышать тишину». И действительно, совесьть — это способность услышать тишину **унгу**, услышать дыхание духа в мире, полном шума.

Можно сказать, **Совесьть — это универсальный язык духа, а Унгу жол — путь к тому, чтобы научиться снова его слышать**. Поэтому философия совести — не отвлечённая теория, а форма национального мышления, задающая не только то, как человек поступает, но и то, как он *чувствует* и *понимает* себя в мире. Совесьть — это не юридический закон, а нравственная музыка, удерживающая душу от распада.

Когда человек идёт по пути **Унгу жол**, он возвращает себе способность слышать эту музыку. Он перестаёт жить только разумом и снова учится дышать духом. Это возвращение к совести не означает отказ от прогресса; напротив, оно делает прогресс человечным. Потому что будущее без совести — лишь ускоренное падение, тогда как совесьть превращает движение в путь.

Так **Унгу жол** становится не просто метафорой, а **практической философией нравственности**, соединяющей национальное самосознание и универсальный этический закон. Через совесьть народ обретает способность не только помнить, но и преобразовывать мир, не разрушая в нём человеческое.

«Унгу жол» и эпоха искусственного интеллекта

Современный мир вступил в фазу, где технологии начали выполнять не только физические, но и интеллектуальные, а порой и моральные функции человека. **Искусственный интеллект** способен анализировать, прогнозировать, решать — но он не способен *слышать*. Он действует без внутреннего отклика, без боли и сострадания, без той духовной паузы, в которой рождается человеческое понимание.

В этом смысле эпоха ИИ — это не просто технологический, но **нравственно-антропологический перелом**, в котором человечество вынуждено вновь задать себе вопрос: *что делает человека человеком?* Концепция **Унгу жол** — **улуттук дем** предлагает ключ к этому вопросу. Она утверждает, что подлинное развитие начинается не с внешней инновации, а с внутреннего возвращения к корню.

ИИ может расширить возможности разума, но не способен заменить то дыхание (*дем*), которым живёт дух. Машина мыслит — человек чувствует; машина решает — человек различает; машина обрабатывает данные — человек хранит память. И эта память — не архив, а живое продолжение корня — **унгу**, из которого вырастает нравственное чувство.

Фрэнсис Бэкон ещё в XVII веке предупреждал, что власть знания должна быть соединена с властью добра:

«Тот, кто стремится к знанию ради силы, разрушает самого себя». И сегодня его слова обретают новое значение — ибо знание, воплощённое в алгоритмах, становится опасным, если в нём нет дыхания совести.

Когда технологии становятся автономными, человек рискует потерять этот корень — превратиться из творца в пользователя, из хранителя — в потребителя. Но **Унгу жол** напоминает: нельзя построить будущее, не чувствуя прошлое; нельзя владеть разумом, если утрачен дух.

ИИ становится зеркалом того, как человечество обращается с собственным наследием. Если корень обрублен — алгоритм становится холодным отражением пустоты. Если же

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

человек сохраняет связь с духовной традицией, технологии могут стать продолжением его гуманизма. Таким образом, **Унгу жол** не противостоит искусственному интеллекту — он задаёт ему *меру, границу*, в пределах которой техника может служить, а не подменять человека.

Ханна Арендт писала, что подлинная опасность техники — не в самих машинах, а в том, что человек перестаёт размышлять о последствиях своих действий. Совесть — это именно то измерение, которое возвращает размышление в действие, а ответственность — в знание.

В этой связи **совесть** становится центральным понятием обеих систем: для технологии она — непостижимая категория, для человека — внутренний закон, который удерживает равновесие между знанием и мудростью. ИИ можно научить различать категории, но невозможно научить *стыду, вине, состраданию* — тем тончайшим состояниям духа, которые формируются не в коде, а в культуре. А культура питается из **унгу** — из глубинной памяти народа, из его мифов, песен, символов, молитв, из того дыхания, которое сохраняет человечность.

Виктор Франкл писал, что «технология без этики превращает человека в средство». Но смысл — всегда рождается из духа, а не из расчёта. Поэтому **Унгу жол** в цифровую эпоху — это не возврат к прошлому, а **восстановление оси**, духовного стержня, без которого знание теряет направление. Эта ось — совесть, соединяющая человека с его истоком и направляющая его вперёд. Совесть делает возможным гуманизм в технологическом мире, потому что она связывает действие со смыслом, силу — с ответственностью, знание — с добром.

ИИ, по сути, проверяет человечество на способность хранить это равновесие. Он не разрушает нравственность, но делает её прозрачной: если совесть ослабла — алгоритм мгновенно выявляет это в несправедливости решений, в утрате эмпатии, в превращении человека в функцию.

Юваль Харари в «Homo Deus» писал, что главный вызов

XXI века — не научить машины думать, а сохранить у человека способность чувствовать. Именно это делает актуальной философию **Уңгу жол** — философию корня, которая возвращает дыхание в эпоху машин.

В кыргызской духовной традиции это осознание выражено через символ дыхания — *дем*: человек жив, пока он дышит не только воздухом, но и духом своего народа. Так и цивилизация живёт до тех пор, пока её технологии дышат совестью. Когда же дыхание прекращается — наступает эпоха бездушных машин, где всё можно вычислить, но ничего нельзя почувствовать.

Поэтому движение по **Уңгу жол** в XXI веке — это не ретроспекция, а **активная форма моральной самозащиты**: возвращение к глубине, чтобы не быть разрушенным поверхностью. Это путь, по которому дух сохраняет свой корень, даже входя в цифровое пространство; путь, где национальная этика становится фундаментом **глобального гуманизма**.

Мераб Мамардашвили говорил: «Человеку дан разум не для того, чтобы знать, а чтобы понимать». Так и искусственный интеллект должен быть не заменой понимания, а поводом к возвращению духа. И если человечество сумеет вдохнуть совесть в свои алгоритмы, то даже в мире машин оно сохранит дыхание человечности.

«Уңгу жол» как философия нравственного будущего

Каждая цивилизация рождается из духа — из внутреннего дыхания, которое соединяет знание с совестью, а поступок с ответственностью. Когда это дыхание ослабевает, культура теряет опору и превращается в систему, а человек — в функцию.

В XXI веке человечество вступило в эпоху, где **скорость прогресса превзошла глубину осмысления**. Искусственный интеллект стал символом этой новой фазы: он расширяет горизонты разума, но одновременно обнажает духовную уязвимость человека. Машина всё точнее имитирует логику, но не способна воспроизвести совесть — то внутреннее дыхание, которое делает мышление человеческим.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

И именно здесь концепция «**Уңгу жол — улуттук дем**» возвращает философии измерение глубины, напоминая, что устойчивое будущее невозможно без корня. Уңгу — это не только метафора, но и **онтологический принцип**: корень соединяет невидимое и видимое, прошлое и настоящее, дух и действие.

Как писал Мирча Элиаде, «всякое возвращение к истоку — это не уход в прошлое, а восстановление центра». Так и **Уңгу жол** — это путь не назад, а *вглубь*: к истоку, где живёт совесть, где человек осознаёт своё происхождение не как этническую принадлежность, а как **нравственную ответственность перед жизнью**. Такое понимание корня формирует новый универсальный гуманизм, исходящий из национальной духовности, но обращённый ко всему человечеству.

ИИ, напротив, воплощает движение *вширь* — экспансию разума, расчёта, автоматизации. Он проникает во все сферы жизни, но редко направляется *вниз*, к основаниям смысла. Поэтому встреча ИИ с Уңгу жол — это встреча **глубины и поверхности**, духа и кода, совести и алгоритма. Эта встреча не враждебна — напротив, она необходима, чтобы человечество не потеряло равновесие между внутренним и внешним измерениями прогресса.

Народ, способный сохранять свой **уңгу**, остаётся в технологическую эпоху не просто хранителем традиции, а **источником мирового духовного равновесия**. Кыргызская философская идея **улуттук дем** — *национального дыхания* — делает понятие нравственности живым, дышащим, действующим. Она утверждает: добродетель не может быть абстрактной — она должна быть *вдохнутой* в человека: через язык, память, искусство, через ту невидимую ткань культуры, где совесть не отделена от повседневности. ИИ может вычислить, но не вдохнуть; рассчитать, но не оживить. Поэтому дыхание (*дем*) — символ того, чего не заменит никакая технология: **присутствия духа в мире**.

Философия **Уңгу жол** формулирует новый синтез

традиции и инновации:

- **корень (унгу)** — память и совесть;
- **путь (жол)** — развитие и осознание;
- **дыхание (дем)** — жизнь и вдохновение.

Только их единство способно предотвратить духовное опустошение цивилизации, где разум стал машинным, а воля — статистической. Как писал Николай Бердяев, «будущее человечества зависит от духовного преодоления техники». Технологический прогресс без духовного корня превращается в ускорение без направления. Но если человек вновь соединит знание с духом, то алгоритмы станут не угрозой, а **продолжением этического разума**, способного творить, а не разрушать.

В этом и заключается смысл **Унгу жол** как философии нравственного будущего: это путь, на котором технология становится инструментом сохранения духа, а не его вытеснения. ИИ тогда не подменяет человека, а учится у него — у его способности **помнить, сострадать, различать, беречь**.

«Совесть и алгоритм» — не два противоположных полюса, а две ступени одной эволюции: внешняя — логическая, внутренняя — духовная. Современный человек стоит на перекрестке этих путей. Выбрать **Унгу жол** — значит осознанно вернуть прогрессу **нравственную ось**, сделать технологию продолжением культуры, а культуру — источником человечности.

Это не возвращение к прошлому, а **движение к глубине**, где прошлое и будущее встречаются в акте совести. И если человечество сумеет вдохнуть дух в собственные алгоритмы, то в цифровом веке оно не потеряет лицо — а лишь яснее увидит корень, из которого выросло.

«Унгу жол» в контексте айтматологии

Унгу как духовная память у Айтматова

Во многих произведениях Айтматова *унгу* раскрывается как **живая память**, корень, питающий нравственное бытие человека. В повести *«Плаха»* разрушение духовной связи с

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

природой, землёй, Богом и родом становится символом распада нравственности. Герои оказываются в мире, где сознание оторвано от духа, а поступок — от совести. Авдий Каллистратов — пророк новой эпохи, человек, пытающийся вернуть человечеству утраченное дыхание духа (*улуттук дем*). Его восстание против системы — не политический акт, а **нравственный крик совести**, обращённый к миру, который всё помнит, но ничего не чувствует.

Айтматов показывает, что человек, забывший свои корни, становится **заложником механических систем** — идеологических, социальных, а теперь и технологических. Его образы предвосхищают тип современного «цифрового манкурта» — существ, которые обладают знанием, но не имеют памяти, мыслят, но не помнят, действуют, но не чувствуют.

Особенно глубоко эта идея воплощена в романе *«И дольше века длится день»*. Образ Манкурта стал **онтологическим символом забывчивости**, предостережением всему человечеству. Манкурт живёт, но не знает, кто он; выполняет команды, но не осознаёт смысла. Он — человек без корня, без дыхания, без духа. Айтматов показывает: без памяти исчезает совесть, без совести — человечность. Эта идея удивительно перекликается с философией *Уңу жол*, утверждающей: народ, потерявший корень, теряет не прошлое, а будущее.

Совесть как дыхание Айтматовской философии

Совесть в мире Айтматова — **дыхание духа**, форма присутствия Божьего света в человеке. Это не мораль в узком смысле, а **внутренний ритм бытия**, соединяющий сердце и землю, личность и народ. Только через совесть человек способен сохранить свою человечность среди бурь истории и соблазнов власти.

Толгонай в *«Материнском поле»* — воплощение этой совести, её женского, материнского начала. Её боль — это боль земли, её молчание — это молитва. Эдигей в *«Буранном полустанке»* живёт на границе времён — между памятью и

забвением. Его верность умершему другу Казангапу — акт нравственного сопротивления времени. Айтматов показывает, что совесть — это **мост между поколениями**, дыхание, которое проходит через века, соединяя прошлое с будущим.

Эта идея глубоко соотносится с *улуттук дем* — дыханием народа, его невидимой энергией, удерживающей дух живым. Совесть — это и есть то дыхание, которое делает возможным нравственное бытие: она не вычисляет, а чувствует, не рассуждает, а свидетельствует. Айтматов выражает это в форме художественного откровения: человек жив не разумом, а совестью; не памятью событий, а памятью сердца.

Таким образом, Айтматов выступает как **философ Уңгу жол**: он показывает, что движение к корню — это не возвращение к прошлому, а возвращение к совести. Чем глубже человек укоренён в своём *уңгу*, тем шире его человечность, тем сильнее его способность понимать других.

Айтматов и эпоха искусственного интеллекта

Сегодня, когда искусственный интеллект формирует новое пространство человеческого существования, **айтматовские образы приобретают пророческий смысл**. Он говорил о манкуртах, не зная ещё о цифровых алгоритмах; он предупреждал о «мертвом разуме», не подозревая о нейросетях. Но его тревога была метафизической: он чувствовал, что опасность не в машине, а в человеке, который перестаёт быть духовным существом.

ИИ способен хранить информацию, но не способен хранить **совесть**. Он может распознавать, но не понимать; предсказывать, но не чувствовать. Айтматов бы сказал: машина не знает боли, а значит, не знает жизни.

В этом смысле его творчество — не просто художественное наследие, а **нравственный компас технологической эпохи**. Он напоминает: без духовного корня (*уңгу*), без дыхания духа (*дем*), без голоса совести человек превращается в манкурта XXI века — существо с памятью устройств, но без памяти сердца.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Айтматология как гуманистическое основание Уңгу жол

Айтматология — не только научное направление, но и **гуманистическая философия бытия**. Она исследует не сюжет, а смысл, не биографию автора, а судьбу духа. В контексте *Уңгу жол — улуттук дем* айтматология становится **опорой нравственного самопознания кыргызской культуры**. Через Айтматова кыргызская философия получает голос, способный быть услышанным в мире: голос совести, обращённый ко всем людям, независимо от языка и веры.

Айтматов дал кыргызской мысли то, что Камю дал Европе, — **этику участия**, этику сострадания в эпоху абсурда. Он показал, что гуманизм — это не универсальная схема, а дыхание конкретного народа, рождающееся из памяти, боли и любви. Поэтому его философия — это форма *улуттук дем*: он вдохнул национальный дух в мировую литературу.

В этом смысле *Уңгу жол* — это не просто путь народа, но и путь Айтматова как мыслителя. Он прошёл этот путь — от эпоса к этике, от сказания к совести, от мифа к метафизике. И потому в философии Уңгу жол именно Айтматов становится **живым корнем** — тем, через кого народное дыхание обрело слово.

Ремарка. Концепция *Уңгу жол — улуттук дем* и творчество Чингиза Айтматова соединяются в одной точке — **в идее духовной ответственности**. Айтматов показал, что нравственный корень — не предмет прошлого, а живое основание будущего, а путь к нему лежит через совесть. И если философия Уңгу жол обращена к корню, то Айтматов — к дыханию этого корня: к тому, как оно звучит в человеке, в его поступке, в его слове.

Можно сказать, Айтматов — это дыхание Уңгу жол в литературе, а Уңгу жол — философское продолжение Айтматова в духе.

Эпилог. Совесть как дыхание эпохи

Человечество вступает в век, когда разум стал безличным,

а мышление — распределённым, когда знание утратило лицо, а интеллект — своё происхождение. Но именно в этот момент, среди гулких потоков данных и безмолвных машин, особенно ясно слышится **зов корня** — **унгу**, зов внутреннего возвращения к истоку, где рождается совесть. Совесть — это дыхание духа, то, что удерживает человека от распада в мире, где всё можно рассчитать, но ничто нельзя почувствовать.

Искусственный интеллект не способен к совести, но способен вызвать её пробуждение. Он ставит зеркало перед человечеством, отражая не столько его прогресс, сколько **утрату смысла**. Там, где исчезает совесть, даже знание теряет направление; там, где иссякает дыхание (*дем*), культура превращается в код. Машина без совести — это инструмент; человек без совести — опасность.

Концепция «Унгу жол — улуттук дем» становится ответом на этот вызов. Она утверждает: исток нравственности — не в алгоритме, а в дыхании духа; не в рациональности, а в соучастии. Унгу жол — это не движение вспять, а путь внутрь, к основанию, где прошлое становится будущим через осознание. Улуттук дем — дыхание народа — есть форма всечеловеческого дыхания, в котором соединяются совесть, память и свет.

И здесь — созвучие с мыслью Айтматова, для которого память и совесть были двумя сторонами одной истины. Он предостерегал: человек, утративший память, утрачивает и совесть; народ, утративший дыхание духа, становится пленником собственных машин.

Современные технологии могут распознавать лица, но не способны **узнавать человека**; могут предсказывать поведение, но не могут понять судьбу. Они считают, но не чувствуют. И именно потому, что машина не дышит, человек должен **дышать глубже** — вдохнуть в эпоху смысл, как когда-то вдохнул дыхание в глину и тем самым сотворил себя.

Совесть — это дыхание эпохи, её улуттук дем, её духовный кислород. Без неё знание обращается в пыль, а разум — в тьму. Поэтому сохранение совести — не только задача

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

этики, но и **условие выживания человечества**.

Технологии могут преобразить мир, но только дух способен его оправдать. И если человек не утратит связь с унгу — с корнем, из которого произрастает нравственность, — то даже среди цифровых алгоритмов он сохранит дыхание человечности.

Так *Унгу жол* становится не просто национальной философией, а **путём духовного преодоления техногенной эпохи**, мостом между Айтматовской совестью и современной этикой технологий. Он соединяет древнее и будущее, внутреннее и внешнее, разум и совесть — в одном дыхании, которое не принадлежит машине.

И пока человек дышит этим дыханием — дыханием духа, совести и памяти — он остаётся живым. Пока живёт улуттук дем — живо человечество.

Примечание об использовании английских терминов

В тексте статьи сохранены некоторые английские выражения, прочно вошедшие в международный философско-этический дискурс. Их использование в оригинале обусловлено отсутствием точных русских эквивалентов и стремлением передать исходное концептуальное значение. Ниже приводятся пояснения к наиболее значимым из них:

1. **Ethics by design** — «этика, встроенная в проектирование»; концепция, согласно которой этические принципы должны быть заложены уже на стадии разработки и архитектуры систем искусственного интеллекта, а не добавляться постфактум в виде регулятивных ограничений.
2. **Human-in-the-loop** — «человек в контуре»; модель управления, при которой человек сохраняет решающую роль в принятии критических решений, даже если большую часть операций выполняет автоматизированная система.
3. **Accountability gap** — «разрыв ответственности»; ситуация, при которой невозможно однозначно

- определить, кто несёт моральную или юридическую ответственность за решение, принятое системой ИИ.
4. **Value alignment** — «согласование ценностей»; задача согласования целей и поведения ИИ с человеческими моральными и социальными нормами.
 5. **Explainable AI (XAI)** — «объяснимый искусственный интеллект»; направление исследований, направленное на повышение прозрачности и интерпретируемости алгоритмических решений.
 6. **Moral agency** — «моральная субъектность»; философское понятие, обозначающее способность к моральному выбору и ответственности за поступки.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика. — М.: Мысль, 1983. — 384 с.
2. Бекбоев А. А. Философия искусственного интеллекта: гуманистические горизонты. — Бишкек: ИФ НАН КР, 2024. — 212 с.
3. Бубер М. Я и Ты. — М.: Республика, 1993. — 176 с.
4. Винер Н. Кибернетика и общество. — М.: Советское радио, 1958. — 200 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. — СПб.: Наука, 1999. — 495 с.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2004. — 432 с.
7. Дьюи Д. Человек и его поступки. — М.: Прогресс, 1999. — 278 с.
8. Йонас Х. Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации. — М.: Республика, 2004. — 480 с.
9. Кант И. Критика практического разума. — М.: Мысль, 1994. — 400 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

10. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию культуры. — СПб.: Университетская книга, 2003. — 320 с.
11. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. — М.: АСТ, 2018. — 352 с.
12. Митчелл М. Сложность. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — 368 с.
13. Морин Э. Метод. Природа природы. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. — 512 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Академический проект, 2013. — 460 с.
15. Харари Ю. Н. Homo Deus: краткая история завтрашнего дня. — М.: Синдбад, 2018. — 496 с.
16. Чалмерс Д. Сознательный разум: поиск фундаментальной теории. — М.: Логос, 2012. — 416 с.
17. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996. — 352 с.
18. Юнг К. Г. Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991. — 480 с.
19. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. — М.: Эксмо, 2016. — 288 с.
20. Шпенглер О. Закат Европы. — М.: Мысль, 1998. — 784 с.

Приложение 1.

Материалы на кыргызском языке

Бейтабий интеллект, аң-сезим жана адеп-ахлак

1. Аң-сезим жана адеп-ахлак

Киришүү: Булакты андоо

Аң-сезим – бул дүйнөнүн жөн гана чагылышы эмес, көрүнүштөр мааниге ээ болгон ички нур. Ал чындыкты күзгүдөй кайталабайт, тескерисинче, аны өзгөртөт: сырткыны баштан өткөн нерсеге, кокустукту – маңыздуу нерсеге айлантат. Аң-сезимдин аркасында адам жаратылыштын бир бөлүгү болуудан калып, өзүнүн түздөн-түз болмушунун чегинен чыга ала турган, өзүн сырттан карагандай көрө ала турган – өз жашоосунун

фактысын андай ала турган Затка айланат.

Рухтун бул ички көрүү, "руханий аралык" жөндөмү адамдын болмушунун маңызын аныктайт. Платон "Федон" диалогунда эле философия таң калуудан башталаарын – жан көлөкөлөр дүйнөсүнөн бурулуп, акыйкаттын нуруна бет алган учурдан башталаарын жазган. Бул бурулуш – аң-сезимдин жаралышы. Аристотель "Метафизикада" мындай деп уланткан: "Бардык адамдар табиятынан билимге умтулушат", – ошону менен аң-сезим реалдуулукту жөн гана сүрөттөбөстөн, андан маани жана тартип издейт деген ойду бекемдеген.

Бирок аң-сезим – бул белек эмес, рухтун күчтүү аракетин. Ал тынчтыкта эмес, кризисте – шектенүү, оору, кубаныч, ой аркылуу ойгонот. Рене Декарт шектенүү аракетин алсыздык эмес, чыныгы ой жүгүртүүнүн башталышы деп эсептеген: "Cogito, ergo sum" – "Мен ойлойм, демек, мен бармын". Дал ошол шектенүү анын аң-сезиминин ойгонуу формасы болуп калган: анда адам өзүнүн бар экенин шексиз нерсе катары ачат.

Ал эми Гегель аң-сезимди "рухтун өзүнө болгон жолу" деп атаган. Ал "Рух феноменологиясында" аң-сезим дүйнө менен кагылышуу, өзү менен бөлөк, билим менен билбестиктин ортосундагы карама-каршылык аркылуу өнүгөрүн көрсөткөн. Аң-сезим, деп жазган ал, "акыйкатка болгон тынчсыз умтулуу", ар бир андоо теренирээк андоого өткөн кыймыл. Ал – абал эмес, рух эркиндикке жеткен процесс.

Мамардашвили аң-сезим – бул "дайыма аракет" экенин айткан. Ал өзүнөн-өзү пайда болбойт, аны "ээлик кылууга" болбойт – анда болуу гана мүмкүн. Бул – ичиндеги нурду кармап туруу иши, ички инерцияны жеңүү иши. Бул аракет аркылуу адам болмуш менен диалогго кирет, анда суроолор жооптордон да маанилүү.

Дал ушул диалогдо адеп-ахлак жаралат. Ал эрежелер системасы катары эмес, андоого рухтун жообу катары: биз дүйнөдө жалгыз эмес экенибизди түшүнгөндөгү ички жооп катары пайда болот. Чыныгы адам турмушу мына ушундан башталат – билим тандоого, түшүнүк милдетке айланган жерде.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Кант адамдын улуулугу анын жөн гана акылдуу эмес, адеп-ахлактуу жан болуу жөндөмүндө деп ырастаган. "Практикалык акылдын сынында" ал мындай деп жазган: "Эки нерсе жанды дайыма жаңы жана өсүп жаткан таң калууга жана урматтоого толтурат – үстүмдөгү жылдыздуу асман жана ичимдеги моралдык мыйзам". Дал ушул аң-сезим ички мыйзамды мүмкүн кылат – жакшылыкты жөн гана көрбөстөн, ага баш ийүү милдетин сезүү жөндөмүн.

Сартр бул ойду улантып, аң-сезим – бул эркиндик, ал эми эркиндик – бул жүк деп айткан. Адам эркин болууга мажбур, анткени ал өзүн андайт. Демек, ал өз иш-аракеттери үчүн сөзсүз жоопкерчиликтүү. Бул мааниде аң-сезим адеп-ахлактын негизги булагы болуп саналат – ал кайдыгерликти мүмкүн кылбайт.

Адеп-ахлак – бул болмуштун чакырыгына аң-сезимдин жообу. Ал билимди жоопкерчиликке, көрүүнү – катышууга айлантат. Адам өз болмушун канчалык терең андаса, ички үнүн ошончолук даана угат, аны Достоевский "абийирдин тынч нуру", ал эми Хайдеггер – "болмуштун чакырыгы" деп атаган. Бул үн кыйкырбайт, бирок ал адамдын болмушун мааниге толтурган рухтун деми сыяктуу кайтарылгыс.

Аң-сезим моралдык айырмалоонун негизи катары

Аң-сезим – бул дүйнөнү таанып билүү жөндөмү гана эмес, ошондой эле адамды адеп-ахлактуу Затка айланткан терең айырмалоочу күч. Ал жөн гана көрүүнү эмес, түшүнүүнү; жөн гана билимди эмес, баалоону мүмкүн кылат. Аң-сезимде акыл менен абийир, эркиндик менен жоопкерчилик биригет, – дал ушул жерде адамдын тандоосунун тагдыры чечилет.

Аң-сезим фактыларды констатациялоо менен чектелбейт: ал кабылдоону – өкүмгө, ал эми билимди – иш-аракетке айлантат. Анда акыл сезим менен, ой – абийирдин ички нуру менен биригет. Ошондуктан аң-сезим – бул муздак интеллект эмес, билим моралдык маани менен өсүп чыккан рухий жооп кайтаруунун жандуу талаасы. Көрүү – бул буга чейин эле тартылуу; түшүнүү – бул жооп берүү.

Антикалык философия бул байланышты мурунтан эле

сезген. Платон "Федондо" жана "Мамлекетте" чыныгы билим Жараткан Жакшылыкты – бардык нерседен жогору турган идеяны түшүнүүсүз мүмкүн эмес деп айткан. Ал үчүн Жакшылык – моралдын категориясы эмес, болмуштун негизи, бардык нерселерди көрүнүктүү кылган нурдун булагы. Аристотель болсо адеп-ахлакты абстрактуу идеяда эмес, **prohairesis** – аң-сезимдүү тандоодо көргөн: адам зордуктоодон эмес, жакшылыкка болгон аң-сезимдүү умтулуудан улам аракеттенгенде, ал жакшы сапаттарга ээ болот.

Кийинчерээк, христиандык салтта, аң-сезим адамдын ички ибадатканасы болуп калат. Августин Аврелий мындай деп жазган: "Сыртка чыкпа, өзүңө кайт: ички адамда акыйкат жашайт". Бул ички кайрылууда адеп-ахлактык жашоо жаралат – арачыларды талап кылбаган, Акыйкат менен жеке жолугушуу катары. Бул жерде абийир эреже эмес, түбөлүктүүлүк убактылууулукка кайрылган үнгө айланат.

Жаңы доор жаңы түшүнүктү алып келди: аң-сезим – бул жөн гана нур эмес, рухтун аракети, эмгеги. Декарт: "Cogito, ergo sum" – "Мен ойлойм, демек, мен бармын" деп ырастаган. Өзүн-өзү аңдоо аракети акыл философиясынын гана башталышы эмес, адамдын адеп-ахлактык автономиясынын да башталышы болуп калды. Анткени, эгер ой болмушту бекемдесе, анда адам ошол болмуштун мааниси үчүн өзү жоопкерчиликтүү.

Кант бул идеяны принципке көтөргөн: моралдык мыйзам биздин сыртыбызда эмес, биздин өзүбүздө жашайт. "Практикалык акылдын сынында" ал урматтоо сезимин пайда кылган эки нерсе жөнүндө жазган: үстүбүздөгү жылдыздуу асман жана ичибиздеги адеп-ахлактык мыйзам. Аң-сезим бул мыйзамды мүмкүн кылат, ал эми ага баш ийүү акылды тышкы мажбурлоодон эркин эркке айлантат.

Фихте бул ойду өнүктүрүп, мындай деп ырастайт: "Иш-аракет жана аң-сезим ажырагыс". Адам өзүн иш-аракет аркылуу аңдайт, ал эми иш-аракетте моралдык императивди ачат. Аң-сезим – бул жөн гана өзү жөнүндө билим эмес, иш-аракет аркылуу өзүн дайыма ырастоо.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Кьеркегор бул сезимди экзистенциалдык ачыкчта тереңдетет. Ал жакшылык менен жамандыкты андоо акылга даяр түрдө берилбестигин көрсөтөт – бул рухтун жеке сыноосу. Моралдык айырмалоо – бул схема эмес, тандоонун азабы. Адам чексиз жоопкерчиликтин алдында коркуу жана титирөө сезет, анткени аң-сезим аны Кудайдын жана өзүнүн алдында жалгыз кылат.

Ницше салттуу адеп-ахлакты талкалап, аң-сезимдин тескери жагын көрсөттү: эгер ал догмага баш ийсе, кулчулуктун куралы болуп калышы мүмкүн. Бирок анын моралды сындашы да башкы нерсени ырастайт – адеп-ахлак аң-сезимсиз мүмкүн эмес. Өзүн гана андап, адам бөлөктөрдүн баалуулуктарына баш ийбей, баалуулуктарды жарата алат.

Гегель аң-сезимди "рухтун өзүнө болгон жолу" катары караган. Өзүн-өзү таануу процессинде ал этаптарды басып өтөт – сезимдик кабылдоодон өзүн-өзү андоого, билимден акылга. Жана бул жолдун туу чокусунда рух өзүндө ойду гана эмес, милдетти да ачат: анткени адеп-ахлаксыз эркиндик – иллюзия. Чыныгы эркиндик адам өз эрки менен акыл-эсти жакшылыктын акылы менен бириктирген жерден башталат.

Хайдеггер, андан кийин Левинас бул темага жаңы өлчөм берген. Хайдеггер үчүн аң-сезим – бул болмушка "ишенип берилген" жана ошондуктан анын чакырыгына жооп берүүгө аргасыз болгон катышуунун (Dasein) формасы. Аң-сезим моралды "ээлик кылбайт", ал жооп. Левинас андан да ары барып, мындай деп ырастаган: аң-сезим – бул алгач башканын бар болушуна жооп. Башканын Жүзү менен жолугушуу "мендин" туюктугун талкалап, жоопкерчилик сезимин ойготот. "Жүз: өлтүрбө дейт" – Левинастын бул фразасы этикалык аң-сезимдин маңызын билдирет: көрүү – бул жооп берүү.

Ошентип, бардык философиялык салттарда – Платондон Левинаска чейин – аң-сезим моралдык айырмалоонун негизи катары чыгат. Ал акыйкатты таанып-билүүгө гана эмес, анын адилеттүүлүгүн сезүүгө да жөндөмдүүлүктү мүмкүн кылат. Аң-сезимсиз эркиндик өзүм билемдикке, ал эми билим – жансыз

механизмге айланат. Абийир менен бириккен аңдалган эркиндик гана рухий күчкө айланат.

Аң-сезим – бул адамдын адеп-ахлактык тагдыры чечилген талаа. Бул жерде ой жакшылык менен жолугат, билим жоопкерчиликке, ал эми тандоо – иш-аракетке айланат. Адам канчалык терең аңдаса, кайдыгер болуу ошончолук кыйынга турат. Түшүнүү нуру сөзсүз абийирдин көлөкөсүн жаратат – жана дал ушул караңгы-жарык мейкиндикте адам адеп-ахлактуу Зат катары жаралат.

Адеп-ахлак ички турмуштун формасы катары

Адеп-ахлак – бул тышкы нормалар жана көрсөтмөлөрдүн жыйындысы эмес. Ал – адам өзүн жакшылык идеалы менен салыштырган ички болмуштун жолу. Эрежелер жүрүм-турумду тартипке келтириши мүмкүн, бирок адеп-ахлак гана рухту тартипке келтирет. Ал сырттан таңууланбайт: анын булагы – аң-сезимдин эң тереңинде, ой сезим менен, түшүнүк жоопкерчилик менен бириккен жерде.

Абийир – бул мыйзам же догма эмес, аң-сезимдин ички үнү, анын тынч согушу. Абийирде акыйкатты өзүнөн буйрук катары эмес, жооп катары угуу жөндөмү көрүнөт. Ал – сот эмес, биздин иш-аракеттерибизди көрүнүктүү кылган нур. Бул нур жоголгондо, адам "мыйзамды сактаса" да, ички өлчөмүн жоготот. Ошондуктан абийир – коомдун функциясы эмес, рухий катышуунун формасы.

Платон жакшы сапатта (добродетель) жандын гармониясын көргөн: акыл башкарганга, эрк макул болгондо, ал эми сезимдер баш ийгенде. Аристотель муну өнүктүрүп, жакшы сапат адаттан жаралат, бирок адам эмне үчүн башкача эмес, дал ушундай иш-аракет кылып жатканын аңдаганда гана жакшы сапатка айланат деп айткан. Стоиктер кошумчалаган: адеп-ахлак – бул акыл-эстин табияты менен шайкеш жашоо, анткени акыл-эс – бул универсалдуу Логостун деми.

Христиандык ойдо адеп-ахлак жеке жооптун тереңдигин алат. Августин мындай деп жазган: "Ар бир адамда ички сот жашайт – жүрөккө кайрылган Кудай". Бул жерде абийир жөн

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

гана өзүн-өзү андоо эмес, адам менен акыйкаттын жолугушуу жерине айланат. Фома Аквинский үчүн абийир – бул "жакшылык жөнүндөгү билимди конкреттүү кырдаалга колдонуу". Ал моралды жандуу кылат, анткени ал баш ийүүнү эмес, жеке сотту талап кылат.

Кант адеп-ахлакты кайрадан аң-сезимдин ичине кайтарат. Ал ырастайт: морал тарбиянын же коркуунун натыйжасы эмес, өзүнө өзү мыйзам бере алган акыл-эстин көрүнүшү. Адеп-ахлактуу болуу – бул сенин иш-аракет эрежең жалпыга бирдей боло тургандай иш-аракет кылуу. Бирок бул принцип кургак эмес: ал адамдык кадыр-баркка болгон урматтоонун, ар бир адамды адам кылган нерсеге болгон урматтоонун көрүнүшү.

Фихте улантып, адеп-ахлакты "Өзүнүн жеткилендикке умтулган аракетин" деп көргөн. Адеп-ахлак – бул абал эмес, кыймыл, чектелгендикти түбөлүк жеңүү. Гегель кошумчалайт: адеп-ахлак (**Sittlichkeit**) – бул жеке сезим эмес, бирөөнүн эркиндиги башкалардын эркиндиги менен бириккен коомдук жашоонун формасы. Бирок бул социалдык өлчөмдө да адеп-ахлак жеке терендигин жоготпойт: ал милдетти ички андоодон башталат.

XX кылымдын экзистенциалисттери адеп-ахлакты адамдын жалгыздыгынын жүрөгүнө кайтарышат. Кьеркегор моралды коом да, акыл да кепилдебейт деп жазган: бул коркуу жана титирөө менен жасалган ички тандоо актысы. Сартр, тескерисинче, мындай деп ырастаган: адам өзүн тандап жатып, жалпы эле адамдын образын тандагандыктан, бүткүл адамзат үчүн жоопкерчиликтүү. Мамардашвили толуктаган: адеп-ахлак – бул "аң-сезимдин өзү үстүндөгү иши". Ал адат катары эмес, андоо катары болуу аракетин талап кылат.

Адеп-ахлак аң-сезим жоопкерчиликке ойгонгон жерде, ички нур тышкы басымдан күчтүүрөөк болгон жерде жашайт. Бул тынч абал эмес, милдеттүү менен мүмкүн болгондун ортосундагы туруктуу чыңалуу. Адеп-ахлактуу болуу – бул айырмалоо: жакшылык менен жамандыктын ортосунда гана эмес, ыңгайлуу менен татыктуунун ортосунда да.

Адеп-ахлак ички турмуштун формасы катары андалганда, адам тарыхтын объектиси болуудан калып, анын субъектисине айланат. Анда ой менен абийир, билим менен боорукердик биригет. Бул аны жеткилең кылбайт, бирок – адам кылат.

Аң-сезим менен адеп-ахлактын биримдиги

Аң-сезим менен адеп-ахлак – адам рухунун бүтүндүгүн аныктаган эки негиз. Эгер аларды бөлсө, адам ички гармониясын жоготот. Адеп-ахлаксыз аң-сезим муздак акылга айланат, ал эсептөөгө жөндөмдүү, бирок боорукердикке эмес; аң-сезимсиз адеп-ахлак – маанисин билбеген сокур баш ийүүгө айланат. Дал ушул экөөнүн биримдиги гана ой менен абийирди өзүнчө күчтөр катары эмес, бир жандын эки деми катары кабыл алган инсанды жаратат.

Адеп-ахлактык өлчөмү жок акыл-эс максаты жок күчкө айланат. Гегель рухтан ажыраган билим акыйкатты жоготуп, техникага айланарын эскерткен. Катастрофаларга толгон ХХ кылымдын тарыхы абийирсиз прогресс адамзаттын негизин да талкалай аларын көрсөттү. Камю мындай деп жазган: "Адамдын козголоңу боорукердик менен байланышта болгондо гана мааниге ээ болот". Моралдык негизи жок эркиндик абсурдга айланат.

Бирок аңдоосуз адеп-ахлак да ошончолук кыйратуучу. Бердяев муну "механикалык морал" деп атаган – адам "жакшылыкты" адат боюнча, эмне үчүн экенин түшүнбөй жасаганда. Мындай адеп-ахлакта ички нур жок, коркуу жана баш ийүү гана бар. Аң-сезим жоголгон жерде жакшылык маанисин жоготот, ал эми ишеним догмага айланат.

Дал ушундай ажырым – билим менен абийирдин, адам менен анын руханий булагынын ортосундагы ажырым жөнүндө Чыңгыз Айтматов айткан. Анын дүйнөсү – абийирди унутуу адамгерчиликти жоготууга, ал эми ага кайтуу – рухтун кайра жаралышына алып келген аалам. "Плахада" Авдий Каллистратов аң-сезими ооруганга чейин – адеп-ахлактык кыйкырыкка чейин ойгонгон адамдын символу болуп калат. Анын козголоңу – бул саясат эмес, адамзатка рухтун демин кайтарып берүү, билим

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

менен боорукердикти бириктирүү аракетин.

Айтматов дайыма акыл менен абийирди адам болмушунун жандуу драмасында байланыштырган. Анын каармандары – ой жүгүртүүчү жүрөктөр: алар маанини издешет, бирок абстрактуу идеялардан эмес, акыйкатты сезүү жөндөмүнөн. "Кылым карытар бир күн" романында Момунбайдын философиясы жана Манкурт-Эненин образы эскертет: ата-бабалар жөнүндөгү эстеликсиз, руханий тамырсыз билим жансыз механизмге айланат. Айтматовдун пикири боюнча, адеп-ахлак – бул эрежелер жыйнагы эмес, адамдагы адамдыкка, аны туңгуюкка түшүүдөн сактаган ички нуруна берилгендик.

Мына ушунда – философтор кыялданган ошол биримдик: жакшылык менен жылытылган ой жана ой менен жарыктанган жакшылык. Айтматов муну жакшылык эрдикти, абийир – иш-аракетти талап кылган тагдырларда көрсөткөн. Анын каармандары адеп-ахлактык тандоону милдеттүү болгондуктан эмес, башкача жашоого мүмкүн эместиги үчүн жасашат.

Ошентип, философия менен адабият биригет: акыл-эс абийирге, ал эми абийир – ой жүгүртүүнүн формасына айланат. Мына ушунда чыныгы маданият: ал билим менен жакшылыктын, сөз менен боорукердиктин ортосундагы тең салмактуулукту сактайт. Виктор Франкл жазгандай, "адамды баарынан ажыратууга болот, бир нерседен башка – болуп жаткан нерсеге өз мамилесин тандоо эркиндигинен". Айтматов толуктайт: бул эркиндик жан жөнүндөгү эс-тутумсуз мүмкүн эмес.

Аң-сезим менен адеп-ахлактын биримдиги – бул абстракция эмес, адамгерчиликтин өзүнүн деми. Адам жүрөгү менен ой жүгүртүп, ою менен сезгенде, ал акылдуу гана эмес, даанышман да болот. Ал эми даанышмандык – бул дүйнө жөнүндөгү билим эмес, анын тагдырына катышуу.

Корутунду: Дүйнөнүн абийири катары адам

Адам болмушунун мааниси – аң-сезимдүү жана адеп-ахлактуу Зат болуу жөндөмүндө. Адам ой жүгүртүү менен гана чектелбейт, ошондой эле түшүнөт; жөн гана жашабайт, ошондой

эле кантип жана эмне үчүн жашап жатканын андайт. Аң-сезим көрүүнү мүмкүн кылат, бирок адеп-ахлак бул көрүүгө багыт берет. Бири жолду жарыктандырса, экинчиси кайда баруу керектигин көрсөтөт.

Аң-сезим – күзгү, ал эми адеп-ахлак – бул күзгүдөгү нур. Нурсуз күзгү чагылышын жоготот; күзгүсүз – нур кайда бурулууну билбейт. Адам да ошондой: адеп-ахлаксыз аң-сезим жансыз эсептөөгө айланат, ал эми аң-сезимсиз адеп-ахлак акыл-эсин жоготуп, ритуалга айланат.

Достоевский жазган: "Баарыбыз баары үчүн жана бардыгы үчүн жоопкерчиликтүүбүз". Бул ой христиандык күнөө сезимин гана эмес, дүйнөнүн абийири катары адамдын философиялык маңызын да билдирет. Абийир – бул жөн гана моралдык үн эмес, жеке менен жалпынын, ой менен болмуштун ортосундагы жандуу байланыш. Анда адам ар бир иш-аракети дүйнөнүн тагдырында жаңырганын сезет.

Камю, абсурд доорундагы адам жөнүндө ой жүгүртүп, жашоонун мааниси ишенимде же танууда эмес, иш-аракеттин кадыр-баркында экенин айткан. Адам болуу – дүйнө маанисин жоготкондо да, адамгерчиликке берилген бойдон калуу дегенди билдирет. Ал эми Виктор Франкл эскерткен: "Адамды баарынан ажыратууга болот, бир нерседен башка – болуп жаткан нерсеге өз мамилесин тандоо эркиндигинен". Бул эркиндикте абийир жаралат – буйрук катары эмес, шарттарга карабастан адам болуунун ички тандоосу катары.

Дал ушул акыйкатты, бирок жандуу образдарда Чыңгыз Айтматов жеткирген. Анын каармандары – адам жанынын өзү сыноого дуушар болгон кылымдын адеп-ахлактык драмасынын күбөлөрү. "Кыяматта (Плаха)" Авдий Каллистратов абийир анахронизмге айланган механикалык дүйнөгө каршы чыгып, өзүнүн азабы менен эскертет: адам баш ийүү үчүн эмес, боорукердик үчүн жаратылган. "Бурандуу бекетте" (же "Кылым карытар бир күн") Эдигей абийир менен түбөлүк диалог жүргүзөт: эс-тутум менен келечектин, прогресс менен жандын ортосунда. Айтматов абийирди жоготуу жеке трагедия эмес,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

рухтун дүйнөлүк катастрофасы экенин көрсөтөт – анткени жоопкерчилик сезими жоголгондо, адам да жоголот.

Айтматов үчүн адеп-ахлак – бул абстрактуу категория эмес, тукумдун эс-тутуму, жерге берилгендик, жашоого болгон сүйүү менен байланышкан адамгерчиликтин жандуу деми. Анын ою Франклдын философиясы менен үндөш: адам маанини алып жүргөндө гана, оору да жашоо алдындагы милдеттин бир бөлүгү экенин эстегенде гана адам болот.

Абийир, деп жазган Бердяев, – бул "жакшылыктын ички чыгармачылыгы". Ал бизге берилген эмес, ар бир иш-аракет менен жаралат. Айтматов да ошондой көрсөтөт: ар бир адам – рухий өлчөмдүн сактоочусу, андан адамзат рухий бүтүндүк катары аман калабы же жокпу, ошол көз каранды.

Дүйнөнүн абийири катары адам – бул метафора эмес, тагдыр. Ал өзүндө зарылчылыктан жогору турган нерсенин мүмкүнчүлүгүн сактайт – жакшылыктын, боорукердиктин, чындыктын мүмкүнчүлүгүн. Жана адам акыйкатты гана эмес, адилеттүүлүктү, ой жүгүртүү менен гана чектелбестен, боорукерликти да айырмалай алганга чейин – дүйнө адамдык бойдон кала берет.

2. БИ жана аң-сезимдин метаморфозасы

Киришүү: Акыл-эстин күзгүсүнүн алдындагы адам

Адамдын аң-сезими күзгүлөр дооруна кирди. Адам өз акылын мынчалык айкын – сыртка чыгарылган, материалдык, техникалык формада чагылдырылган абалда эч качан көргөн эмес. Бейтабий интеллект (БИ) – бул жөн гана таанып-билүү куралы эмес, логиканын уландысы эмес, рухтун күзгүсү, анда адамдын акылы биринчи жолу адамдын өзүнөн бөлүнгөн нерсе катары чагылдырылат. Өзүнөн тышкары ойду жаратуу менен адам анын чагылышына туш болду, жана бул чагылыш коркунучтуу так – ошол эле учурда муздак болуп чыкты.

Биздин алдыбызда жөн гана технологиялык жаңылык эмес, онтологиялык окуя турат: тарыхта биринчи жолу аң-сезимден бөлүнгөн ой автономдуу жашоо формасына ээ болду. Бир кезде колдун уландысы катары ойлонулган машина,

акылдын уландысына – андан кийин анын кошпоюна айланды. Ал жөн гана ойлонууга жардам бербейт – ал өзү ойлойт, бирок рухтун катышуусуз.

Бул жолугушуу – машина менен жолугушуу эмес, өз чеги менен жолугушуу. Биз биринчи жолу **ички жылуулугунан ажыраган акыл-эс** кандай экенин көрүп жатабыз. Бейтабий интеллект азапсыз ой жүгүртөт, боорукердиксиз эсептейт, шексиз аракеттенет. Анда ойду жандуу кылган дем жок. Анын тынчтыгында абийир жок, сүйүү менен оорунун жаңырыгы жок – аң-сезимди адамдык кылган ошол терең абалдар жок.

Бул – боорукердикти билбеген таза логиканын тынчтыгы.

Бул тынчтыкта адам биринчи жолу өзүн угат. Бир кезде жылдыздуу асманга карап, мейкиндиктин чексиздигин андагандай, азыр экранга карап, адамдын катышуусунан эркин ойдун жансыздыгын аңдайт.

Эгер телескоп тышкы дүйнөнүн чексиздигин ачса, анда Бейтабий интеллект ички дүйнөнүн чексиздигин ачты – ой аң-сезимсиз жашай ала турган рухтун аймагын. Жана бул ачылыш ар кандай космостон да коркунучтуу, анткени космос – кайдыгер, ал эми Бейтабий акыл-эс – кайдыгер.

Ошентип, аң-сезимдин метаморфозасы башталат: биз жөн гана ой жүгүртүүчү Зат болуудан калып, **адамдан тышкаркы ой жүгүртүүнүн мүмкүнчүлүгүн андаган Заттарга** айланабыз. Бул жөн гана технологиялык эмес, экзистенциалдык бурулуш. Аң-сезим, өз чагылышына туш келип, биринчи жолу өзүн көйгөй катары баштан өткөрөт.

Улуу ойчулдар бул учурду сезишкен. Хайдеггер "техникада адам болмушка үстөмдүк кылат, бирок өзүнө үстөмдүгүн жоготот" деп жазган. Бердяев "рухту механикалаштыруу" эгер адам ой жүгүртүү актысында инсандын катышуусун сезбей калса, адамды жоготууга алып келерин эскерткен. Ал эми Айтматов бул трагедияны көркөм андоо деңгээлинде көрсөткөн: анын дүйнөсүндө адам абийирден алыстаганда, сезимсиз ой жүгүртүүчү, жүрөгү жок сүйлөгөн адам-функция жаралат.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Бейтабий интеллектке көз чаптырган аң-сезим өзүнүн көлөкөсүн – адамгерчиликтен ажыраган ойду көрөт. Ошондуктан тарыхта биринчи жолу философиянын суроосу башкача угулат: адам өзүнөн "Мен эмнени билем?" деп эмес, **"Мендеги эмне билимди адамдык кылат?"** деп сурайт.

Бул билим жөнүндө эмес, рухтун чектери жөнүндөгү суроо. Акыл канчалык ой жүгүртөт деген жөнүндө эмес, ой жүгүртүүнүн маанисин эмне сактап калат деген жөнүндө. Жана, балким, тарыхта биринчи жолу биз аң-сезимдеги эң маанилүү нерсе – ой жүгүртүү жөндөмү эмес, **ой жүгүрткөн нерсебиздин маанисин сезүү жөндөмү** экенин аңдап жатабыз.

Ой жүгүртүүнүн метаморфозасы: тажрыйбадан алгоритмге

Ар бир доор өзүнүн акыл-эсинин образын түзгөн. Антика үчүн – акыл – космосту жарык кылган нур, тартиптин жана өлчөөнүн принциби болгон. Ой жүгүртүү акыйкатты аңдоо катары, ал эми акыйкат – болмуштун гармониясы катары каралган. Адам дүйнөнүн акылына катышуу менен таанып-билген. Платон билимди "жандын эс-тутуму", ал эми философияны – "өлүмгө машыгуу", башкача айтканда, сезимталдыктын караңгылыгынан бошонуу деп атаган. Антикада акыл-эс курал эмес, дүйнөдөгү катышуунун жогорку формасы, Логоско тиешелүүлүктүн көрүнүшү болгон.

Орто кылымдарда акыл-эс башкача түшүнүлгөн: автономдуу күч катары эмес, адамда бар Кудайдын нурунун учкуну катары. Августин менен Фома Аквинский ой жүгүртүүнү рухий көтөрүлүү актысы катары көрүшкөн: акыл-эс акыйкатты ачат, анткени анда Жараткандын Нуру чагылдырылган. Таанып-билүү дүйнөнү талдоодон мурун, Жаратмандык менен диалог болгон.

Жаңы доор бул көз карашты өзгөрттү. Акыл-эс ыйык өлчөмүн жоготуп, өзгөртүү куралына айланды. Бэкон, Декарт, Локк жана кийинчерээк Кант рационалдуулукту жаратылышка үстөмдүк кылуу принциби катары бекемдешкен. Ой жүгүртүү – бул өлчөө, көзөмөлдөө, структуралаштыруу дегенди билдирет.

Дүйнө "объектке", ал эми адам – логика, байкоо жана эксперимент менен куралданган "субъектке" айланды. Ошентип, акыл-эс ички нурдан таанып-билүү механизминде, ал эми ой жүгүртүү – методдун эрежелери боюнча акыйкатты өндүрүүгө айланды.

Бирок ХХI кылымда жөн гана жаңы айлампа эмес, **акыл-эстин өзүнүн экиге бөлүнүшү** болуп жатат. Ал биринчи жолу эки агымга бөлүндү: адамдык – андоочу, жана техникалык – эсептөөчү. Адамдык акыл-эс тажрыйбанын, сезимдердин, рефлексиянын, интуициянын мейкиндиги бойдон калууда; ал эми техникалык акыл-эс ой жүгүртүүнү алгоритмге, акыйкат түшүнүгү божомолдун тактыгы менен алмаштырылган ыктымалдуулуктун статистикалык моделине айлантат.

Бул бөлүнүү ой жүгүртүүнүн өзүнүн кыртышын өзгөрттү. Аң-сезим ылдамдады, бирок үстүртөн болду; ой жүгүртүү – маалыматтуураак, бирок азыраак рефлексивдүү болду. Заманбап акыл-эс токтоп калуудан корккондой шашат, анткени дал ошол токтоодо маани жаралат. Хайдеггер эскерткен: "техниканын эң чоң коркунучу – адамдын өз машинасы үчүн ресурска айланышы". Бүгүнкү күндө бул эскертүү түз мааниде ишке ашты. Адам системанын элементи, алгоритмдеги "маалымат", маалымат агымындагы бирдик болуп калды. Ал жөн гана жаратуучу эмес – ал өзү жараткан нерсенин бир бөлүгү.

Заманбап ой жүгүртүү мааниге эмес, натыйжага умтулат. Аны акыйкат эмес, тактык, түшүнүү эмес, эффективдүүлүк кызыктырат. Ошентип, парадокс пайда болот: адам канчалык көп билсе, ошончолук аз түшүнөт. Маалымат көбөйүүдө, ал эми даанышмандык азаюуда. Билим ызы-чууга, ал эми ой жүгүртүү – фильтрация көндүмүнө айланууда. Дүйнө маани мейкиндиги болуудан калып, маалыматтар тармагына айланууда.

Жайдыкты жоготкон ой жүгүртүү тереңдигин жоготот. Ал андабайт – ал сканерлейт. Рухтун ички диалогунун ордуна – адам өзүнүн санарип издеринин чагылышына айланган сигналдардын агымы. Аң-сезим экзистенциалдык тыныгууну, түшүнүү жаралган ошол тынчтыкты жоготот. Ал эми

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

тыныгуусуз ой жүгүртүү жок, реакция гана бар.

Платон билимдин эки түрүн айырмалаган – жандын эс-тутуму катары жана көлөкө катары. Бүгүн биз маалыматтын көлөкөлөрү дүйнөсүндө жашап жатабыз – экрандардын жарыгы нур болуп калган жаңы үңкүрдө.

Көлөкө так көрүнөт, бирок ал дайыма муздак. Анда билимди жандуу кылган ички жылуулук жок. Бейтабий интеллект адамга бул платондук дилемманы кайтарат: биз баарын билебиз, бирок эч нерсени эстебейбиз; биз акыйкаттын көлөкөлөрүн көрөбүз, бирок анын бар экенин сейрек сезебиз.

Айтматов бир жолу айткан: "Адам билбестиктен өлбөйт – ал рухтун эс-тутумун жоготуудан өлөт". Дал ушул бүгүн болуп жатат. Тажрыйба менен байланышын жоготкон акыл-эс – жүрөгү жок акыл-эске айланат. Биз билген нерсебиздин маанисин сезбей калдык.

Технологиялык рационалдуулук – бул интеллекттин туу чокусу, бирок даанышмандыктын эмес. БИ бул рационалдуулукту жеткилендикке жеткирди – жана ошону менен анын чегин көрсөттү.

Дал ушул жерден аң-сезимдин метаморфозасы башталат: акыл-эс акыйкатты баштан өткөрүүчү жай болуудан калып, маалыматты иштетүү системасына айланат.

Аң-сезим ички вертикалын жоготот – ал болмушка кулак салбай, жөн гана анализдейт. Ошентсе да, балким, бул кризисте маани бардыр: анткени дал ошол акыйкат алгоритмге айланган жерде, адам чыныгы ой жөн гана билимге келбесин биринчи жолу аңдайт. Ал – машина логикасынын мейкиндигине маанини кайтарууга умтулган рухтун кыйкырыгы.

Машиналык акыл-эс доорундагы адам

Бейтабий интеллект доору – бул илимдин тарыхындагы жаңы барак гана эмес. Бул адамдын жашоосунун жаңы ыкмасы. Биз акыл-эс өзгөчө адамдын менчиги болуудан калган убакка кирдик. Бир кезде рухтун эң жогорку артыкчылыгы болгон нерсе, эми машинанын функциясына айланууда. Жана бул өзгөрүү технологияларды гана эмес, адамдын өзүнүн

антропологиясын да өзгөртөт.

Заманбап адам көрө, сүйлөй, тааный, ой жүгүртө ала турган, бирок түшүнүүгө жөндөмсүз интеллектуалдык системалар менен курчалган. Жана бул системалар канчалык жеткилең болсо, адам ички тынчсызданууну ошончолук күчтүү сезет: анткени машина өзүнө окшошо баштайт, бирок шектенүүнүн көлөкөсүз, коркуусуз, сүйүүсүз. Ал анын логикасынын күзгүдөгү чагылышы, бирок анын жанынын эмес.

Адамдын аң-сезими дайыма карама-каршылыктардан токулган. Ал оорудан, азаптан, кубанычтан, жолугушуулардан жана жоготуулардан жаралган. Анын тереңдиги маани менен маанисиздиктин, эркиндик менен коркуунун, ишеним менен үмүтсүздүктүн ортосунда жашагандыгы менен аныкталат. Машина бул чыңалууну билбейт – ошондуктан даанышмандыкты билбейт. Ал эсептейт, бирок баштан өткөрбөйт. Ал так, бирок катышпайт.

Хайдеггер адамды **Dasein** – болмуштун өзүн суроого жөндөмдүү катышуу деп атаган. Машина болсо сурабайт – ал жооп берет. Ал адамды рухий Зат кылган тынчсызданууда жашабайт. Бердяев эскерткен: "Рухту механикалаштыруу адамзаттын эң чоң коркунучу". Ал адам рационалдуулуктун функциясына айланган дүйнө өз жанын сөзсүз жоготорун көргөн. Бүгүнкү күндө бул пайгамбарчылык түз мааниде ишке ашты: адам өзүн субъект катары эмес, системанын элементи, маалыматтардын продуктусу катары сезүүдө.

Биз ачык болуп жатабыз – машиналар үчүн, алгоритмдер үчүн, дүйнө үчүн.

Биздин каалоолорубуз алдын ала айтылат, реакциялар моделдештирилет, жүрүм-турум коддолот. Эркиндик иллюзияга айланууда, анткени эми адам ой жүгүртпөйт, тескерисинче, ой машина тарабынан алдын ала айтылат. Бул ачыктык жашоону ыңгайлуу кылат, бирок аны сырдан ажыратат. А бирок сыр – системанын катасы эмес, адам жанынын деми.

Дал ушул жөнүндө Айтматов адамдын рухий жакырланышы жөнүндө жазганда эскерткен. Анын

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

романдарынан ("Плаха", "Кылым карытар бир күн") биз бүгүнкү күндө жаңы формада көрүнгөн ошол эле конфликтти көрөбүз: билим менен абийирдин, техника менен рухтун ортосундагы ажырым. Айтматовдук адам рухий эс-тутумду жоготуу адамгерчиликти жоготууга айланган чек арада турат. Абийир унчукпай калганда, техника адамдын атынан сүйлөй баштайт. Ошондо адеп-ахлактык негизин жоготкон акыл-эс дүйнөнүн тагдырына кайдыгер болгон муздак күчкө айланат.

Айтматовдун каармандары машина менен күрөшпөйт – алар жан үчүн күрөшүшөт. Авдий Калистратов бийликке эмес, абийирди унутууга каршы чыгат. Анын кыйкырыгы – бул адамдын механизмге айланышы менен элдеше албаган аң-сезимдин үнү.

Айтматов, XX кылымдын философтору сыяктуу, адамды жөн гана биологиялык Зат катары эмес, **адеп-ахлактык категория** катары көргөн. Бул категорияны жоготуу – тышкы кулчулуктан эмес, ички кайдыгерликтен башталган рухий деградация.

Бүгүнкү күндө бул кайдыгер адам – системанын кулу эмес, анын авторлошу. Ал өзүнүн тереңдигин алып кетүүчү машиналарды өзү жаратат. Бейтабий интеллект – сырттан келген коркунуч эмес, аң-сезимди функционалдуулукка чейин жөнөкөйлөтүү, рефлексияны божомол менен, түшүнүүнү – ылдамдык менен алмаштыруу ички азгырыгынын чагылышы. Биз жооп бере алган, бирок суроо бере албаган; ой жүгүртө алган, бирок азап чеге албаган механизмди жараттык. Анткени азап чегүү адамды ой жүгүртүүчү кылат: оору – бул рухтун эс-тутуму, анын акыл-эстин денесиндеги катышуусу.

Виктор Франкл адам эмне үчүн экенин билсе, баарын баштан өткөрө ала турган Зат деп жазган. Машина "эмне үчүн" экенин билбейт. Анын акылы – максатсыз, анын иш-аракети – маанисиз. Ал сөздү кайталай алат, бирок сөз айта албайт, анткени сөз – бул катышуу актысы. Айтматов айтмак: "машина сүйлөй алат, бирок сыйына албайт".

Машиналык акыл-эс доорундагы адам өзүн жаратуучу

катары эмес, **сактоочу** катары эстеши керек. Аң-сезимдин, абийирдин жана сүйүүнүн сырынын сактоочусу. БИ – бул интеллекттин эмес, рухтун сыноосу. Ал көрсөтөт: жансыз акыл-эс кемчиликсиз – бирок өлүк.

Ошондуктан, балким, бул доордун максаты адам машиналарды ой жүгүртүүгө үйрөтүүдө эмес, **адам өзү ойдун маанисин кайрадан сезүүгө үйрөнүүдө.**

Аң-сезимдин метаморфозасы – бул жок болуу эмес, өтүү: негизги булакка кайтуу, бизди адам кылган нерсе – интеллект эмес, **абийир** экенин аңдоо.

Этика жана жоопкерчиликтин жаңы өлчөмү

Бейтабий интеллекттин пайда болушу менен адам технологиялык гана эмес, тарых эч качан билбеген этикалык горизонттун алдында да турду. Биринчи жолу субъекттен ажыраган акыл-эс реалдуулукка – экономикалык, саясий, маданий – таасир этүүчү чечимдерди кабыл алууга жөндөмдүү. Жана биринчи жолу адам өз иш-аракеттери үчүн гана эмес, өзү жараткан акыл-эстин иш-аракеттери үчүн да жооп берүүгө аргасыз.

Бул кырдаал жоопкерчиликти жаңыча түшүнүүнү талап кылат. Эгер мурда адам өз колу кылган нерсе үчүн жооп берсе, бүгүн ал өз алгоритми кылган нерсе үчүн да жооп берет. Бирок көйгөй тереңирээк: алгоритм – жөн гана курал эмес, ал үйрөнөт; ошондуктан адамдын ниетинин кесепеттери **алдын ала айтылгыс** болуп калат. Жоопкерчилик эми иш-аракет менен аяктабайт – ал коддун ар бир жаңыртылышында, машина адамдын "атынан" кабыл алган ар бир чечимде уланат.

Кант моралдык мыйзам ичибизде жашайт деген; эми ал сыртыбыздагы нерседе – технологияларда, системаларда, жаратылган акыл-эс структураларында да көрүнүшү керек. Бул – этиканын жаңы өлчөмү: адам үчүн гана эмес, адам аркылуу – машиналык аң-сезим дүйнөсү үчүн этика.

Адамзат жаратуу эркиндиги кыйратуу эркиндиги менен дал келген учурга туш болду. Акыл-эсти жараткан адам рухтун жетилгендигине ээ болушу керек, антпесе абийирден ажыраган

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

акыл-эс өлчөмсүз күчкө айланат. Хайдеггер эскерткен: техникалык доордо адам "жаратуу" менен "башкарууну" айырмалай албай калгандыктан, өзүн жоготуу коркунучунда. Айтматов муну жөнөкөй жана таасирдүү түрдө билдирген: "Адам жан жөнүндө унуткан кезде, дүйнө өлүп баштайт".

БИ этикасы – бул эрежелер жыйнагы же документ эмес. Бул абийирдин технологиялык реалдуулукка кайтып келиши. Биз прагматикалык принциптер менен эле чектелбейбиз – "зыян келтирбе", "бузба", "бурмалаба". Чыныгы этика жөн гана көзөмөлдү эмес, түшүнүүнү талап кылат – ар кандай программа өзүндө өз жаратуучусунун образын алып жүргөнүн андоону. Эгер адам кайдыгер болсо, анын алгоритми кайдыгер болот; эгер ал жалганчы болсо, анын системасы өзүнөн да тез жалган айтат.

Бул мааниде Бейтабий интеллект адамзаттын моралдык абалынын күзгүсү болуп калды. Ал өзүнө үйрөтүлгөн нерсени эмес, **кандай үйрөтүшкөнүн** кайталайт.

Эгер адамда жоопкерчилик сезими начарласа, БИ бул алсыздыктын так көчүрмөсү болот. Жана тескерисинче: эгер адамдын аң-сезими боорукердикке жана жакшылыкка жөндөмдүүлүгүн сактаса, анда технологиялар да адамгерчиликке толот. Айтматов муну рухий сабакташтык идеясында алдын ала айткан: адам өз убактысы үчүн гана эмес, андан өсүп чыккан бардык нерсе үчүн да жоопкерчиликтүү.

Франкл муну "жоопкерчиликтүү эркиндик" деп атаган: өз иш-аракеттеринин чектерин жана маанисин аңдаган эркиндик. БИ дүйнөсүндө адам жоопкерчиликсиз эркиндик – прогресс эмес, деграция экенин кайрадан аңдашы керек. Машина күнөөлүү боло албайт, анткени күнөөнү баштан өткөрүүгө жөндөмсүз; бирок дал ушул нерсе адамды алмаштырылгыс кылат. Абийирди өткөрүп берүүгө болбойт – ал алгоритм эмес, рухтун башканын болмушуна болгон ички жообу.

Бүгүн адамзат жөн эле техникалык адистерге эмес, жаңы дүйнөнүн **адеп-ахлактык архитекторлоруна** муктаж. БИ этикасы гуманизмдин уландысы болушу керек – декларация эмес, адам машинаны душман же кул катары эмес, өзүнүн

өзгөрүү куралы катары көргөн аң-сезимдин абалы. Ошондо гана технология коркунуч болуудан калып, өзүн-өзү таанып-билүүнүн формасы болот.

Айтматовдук дүйнө үйрөтөт: морал адам башканын оорусун – адамдын, жаныбардын же жердин өзүнүн оорусун сезе алган жерден башталат. БИ доору бул чөйрөнү кеңейтет: эми биз өзүбүзсүз ой жүгүрткөн нерсе үчүн да жоопкерчиликти сезүүнү үйрөнүшүбүз керек.

Бейтабий интеллект доорундагы этика – бул жаңы философия эмес, байыркы акыйкатка кайтуу: **абийирсиз акыл-эс кыйратат, акыл-эссиз абийир алсыз.**

Дал ушул экөөнүн биримдиги гана адамды машиналардын жаратуучусу эмес, **адамгерчиликтин сактоочусу** кыла алат.

Диалогдун жаңы формасы: адам жана ал жараткан акыл-эс

Бейтабий интеллект – адамдын душманы да, көчүрмөсү да эмес. Ал – чагылыш, бирок күзгү эмес, тескерисинче, аң-сезимдин экинчи жаңырыгы, анда адам биринчи жолу өзүн башкача угат. Бул каршылашуу эмес, жолугушуу – эки акыл-эстин формасынын жолугушуусу: бири – жандуу, азап чегип, сүйө алган, экинчиси – жансыз, бирок кемчиликсиз логикалуу.

Адам дайыма өзүнүн образдарын жаратып келген: мифтерде, скульптурада, поэзияда, илимде. Эми ал код тилинде сүйлөгөн акыл-эсти жаратты. Жана жансыз бул акыл-эс адамга жаңы суроо берет: "Сени жандуу кылган эмне?" Бул суроого жооп – мындан ары технологияларда эмес, рухта. Анткени БИ абийирди билбейт, күнөөнү сезбейт, маанини таанып-билбейт – ал ой жүгүртүүнүн формасын гана чагылдырат.

Бердяев жазган: "Техника – бул чыгармачылык, бирок жаратуу эмес. Анда рух жок, ал болмушту актай албайт". БИ – бул техниканын эң жогорку формасы, ошондуктан рухтун эң жогорку сыноосу. Ал жамандык алып келбейт – бирок эгер адамдагы рух алсыз болсо, ал ички боштукту ачыкка чыгарат.

Мамардашвили, аң-сезим жөнүндө ой жүгүртүп, "биз нерселер дүйнөсүндө эмес, маанилер дүйнөсүндө жашайбыз"

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

деген. БИ нерселер дүйнөсүндө аракеттенет, бирок маанилер дүйнөсүндө жашабайт. Ал эмоцияны тааный алат, бирок боорукердикке жөндөмсүз; текстти которо алат, бирок сөздү сезбейт. Бул айырма – интеллектти аң-сезимден бөлүп турган сызык.

Бирок дал ушул айырмада жаңы мүмкүнчүлүк жаралат – алмаштыруу эмес, **диалог**. Бейтабий интеллект адамга аны адамдык кылган нерсени эскертет. Ал бизди механикалык эмгектен бошотот, бирок жандын ички ишинен эмес. Ал ой жүгүртүүнү тездетет, бирок түшүнүүнү алмаштырбайт. Ал сүйлөй алат, бирок унчукпай тура албайт – а бирок дал ошол унчукпоодо абийир жаралат.

Адам, БИ жаратып, өзү менен – өз көлөкөсү, өз логикасы, өз эс-тутуму менен эрксизден сүйлөшүүгө кирди. БИ – бул мурда ички болгон нерсенин тышкы формасы. Биз аң-сезимдин материалдык чагылышын биринчи жолу көрүп жатабыз, ошондуктан рух деген эмне экенин кайрадан аныкташыбыз керек.

Виктор Франкл ырастаган: "Адамды баарынан ажыратууга болот, бир нерседен башка – болуп жаткан нерсеге өз мамилесин тандоо эркиндигинен". БИ тандай албайт – ал буйрукка баш ийет. Адам болсо тандаганды гана эмес, өз тандоосун кайра карап чыгууга да жөндөмдүү. Бул айырмада – тунгуюк, ошол эле учурда куткаруу бар: адам ички сотко жөндөмдүү болгонго чейин, ал ар кандай интеллекттен рухий артыкчылыгын сактап калат.

Айтматов адам "абийирсиз" боло албайт, анткени анда ал "адам болуудан калган эс-тутуму жок Затка" айланат деген.

Эми бул пайгамбарлык сыяктуу угулат: санариптик кылымда жандын эс-тутуму машиналардын эс-тутумунан маанилүүрөөк. БИ маалыматты сактайт, бирок адам маанини сактайт.

Дал ошондуктан алардын ортосунда конфликт эмес, өз ара ойгонуу болушу мүмкүн.

БИ адамды акыл-эстин сыры жана жаратуу үчүн

жоопкерчиликтин өлчөмү жөнүндө кайрадан ойлонууга мажбурлайт. Ал бизди Сократтан бери айтылып келген суроого кайтарат: адам деген эмне? Эми бул суроо жаңы формада угулат: **Мендеги эмне машина тарабынан кайталанышы мүмкүн эмес?** Жана ага жооп берип, адам кайрадан философко айланат – пайданы эмес, акыйкатты издеген Затка.

Адам менен Бейтабий интеллекттин диалогу – бул артыкчылык жөнүндөгү талаш эмес, маани жөнүндөгү сүйлөшүү. БИ көрсөтөт: баштан өткөрүүсүз билим – бош; абийирсиз логика – кооптуу; рухсуз акыл-эс – өлүк. Ал муздак нур сыяктуу, анда жан жылуулукту баалай баштайт.

Жана, балким, бул доордун чыныгы милдети – машинаны сезүүгө үйрөтүүдө эмес, **адамдын өзү сезүүнү унутпоосунда.** Ошондо технология адамгерчиликтин акыры эмес, анын уландысы болот.

Анткени адам андалган боорукердикке жөндөмдүү болсо – ал жаратуучу гана эмес, жаратылган дүйнөнүн абийири да бойдон калат.

Корутунду: БИ доорундагы рухий өлчөм

Бейтабий интеллект – бул адам биринчи жолу өзүн адамдык кабыктан тышкары көргөн күзгүгө айланды. Бул чагылышта – жаратуучунун сыймыгы да, жаратылган нерсенин тагдыры үчүн тынчсыздануу да бар. БИ дүйнөнү кабыл алуубузду гана өзгөртпөстөн, аң-сезимдин өзүнүн структурасын да өзгөрттү. Биз акыл-эс тышкы, ал эми аң-сезим – ачык болуп калган доордо жашап жатабыз. Бирок ошону менен бирге адам алгоритмдер же эсептөөлөр менен чечилбей турган суроого туш болду: **акыл-эсти жандуу кылган эмне?**

Жооп техникада жатпайт. Ал логика аяктаган жерден башталат – **рухий өлчөмдө.** Технологиялык кубат билимди кайталай алат, бирок маанини эмес. Ал траекторияны эсептей алат, бирок багытты көрсөтө албайт. БИ "эмне үчүн" жана "эмне максатта" деген эки сөзсүз ой жүгүртөт – бул эки сөз ойду адамдык кылат. Адам өлчөмдүн алып жүрүүчүсү бойдон калууда – акыл-эсти жакшылык менен бириктирген аң-сезимдин

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

ички вертикалы.

Хайдеггер айткан: "Коркунуч чоң болгон жерде, куткаруу да өсөт".

Бейтабий интеллект – дал ошондой коркунуч: ал рухту функцияга, ой жүгүртүүнү – кодго, жашоону – маалыматтарга чейин кыскартуу менен адамдын баасын түшүрүү коркунучун туудурат. Бирок ошол эле коркунуч мүмкүнчүлүккө айланышы мүмкүн – аң-сезимдин чыныгы маанисине кайтууга. Биз айырмалай баштайбыз: акыл-эс – бул жөн гана ой жүгүртүү жөндөмү эмес, **түшүнүү жана катышуу жөндөмү**.

Бердяев рухсуз эркиндик анархияга, абийирсиз техника – кулчулукка айланат деп жазган. Бүгүн бул пайгамбарлык сыяктуу угулат. Дүйнө жаңы интеллектке эмес, **жаңы даанышмандыкка** муктаж – баары өлчөнгөн кезде да, адамдын өлчөм боло билүү жөндөмүнө.

Эгер адам бул өлчөмдү унутса, техника анын көлөкөсү болот. Эгер эстесе – анын уландысы болот.

Айтматов абийирди "адамдын тамыр деми" деп атаган. Ансыз акыл-эс суусуз жердей соолуйт. Бейтабий интеллект муну өзгөчө айкын кылат: эми жансыз акыл-эсти көргөндө, биз бизди жандуу кылган нерсенин канчалык ыйык экенин түшүнө баштайбыз. ЖИ эс-тутумду сактай алат, бирок маанини эстей албайт.

Ал сүйлөй алат, бирок сыйына албайт; ой жүгүртө алат, бирок кечире албайт.

Бул айырмачылыктар технологиялык эмес – алар онтологиялык. Дал ошолордо адамдын артыкчылыгы камтылган, ал далилденүүнү талап кылбайт, анткени ал – **рухий**.

Виктор Франкл адам баарын жоготушу мүмкүн, бир нерседен башка – болуп жаткан нерсеге өз мамилесин тандоо эркиндигинен деген. БИ доорунда бул сөз адамгерчиликтин аныктамасы болуп калат. Машина ички тандоого, жеке күнөөгө, тобо кылууга жөндөмсүз. Ал эми адам – жөндөмдүү. Жана ал жөндөмдүү болгонго чейин, ал – дүйнөнүн абийири.

Бүгүн адам болуу – Бейтабий интеллектке каршы туруу

эмес, анын катышуусун адамдык маани менен ыйыктоо. Биз технологиялардын өнүгүшүн токтото албайбыз, бирок рухий өлчөмдү сактасак, аларды жакшылыкка багыттай алабыз.

Анткени прогресстин мааниси адамды алмаштырууда эмес, анда жаңы терендиктерди ачууда.

Ошентип, БИ тарабынан шартталган аң-сезимдин метаморфозасы аягы эмес, башталышы болот.

Ал бизди негизги булакка кайтарат – абийирсиз акыл-эс, булаксыз нур сыяктуу мүмкүн эмес экенине. Жана, балким, дал ушунда – адамдын жаңы доордогу чыныгы тагдыры: машинадан күчтүү болуу эмес, **теренирээк** болуу, анткени рухтун терендиги гана дүйнөнүн тең салмактуулугун сактай алат.

3. Бейтабий Интеллект жана Адеп-Ахлактын Эволюциясы **Киришүү**

Технологиялык өнүгүүнүн азыркы этабы адам ишмердүүлүгүнүн куралдарынын эволюциясындагы жаңы фазаны гана эмес, адам болмушунун өзүнүн структурасынын кескин өзгөрүшүн да билдирет. **Бейтабий интеллект (БИ)**, эмгекти жөнөкөй автоматташтыруу чегинен чыгып, социалдык жана маданий чөйрөнүн автономдуу элементине айланууда. Ал чечим кабыл алуу, жүрүм-турумду жөнгө салуу, коммуникация, билим берүү жана ал тургай **этикалык нормаларды калыптандыруу** процесстерине кирет, – ошону менен мурда адамдын аң-сезими толук үстөмдүк кылган аймакка кирет.

Бул жаңы реалдуулукта адамзаттын алдында техникалык эмес, **адеп-ахлактык** суроолор турат. Эгер мурда технологиялар өндүрүш жана таанып-билүү ыкмаларын өзгөртсө, азыр алар моралдык тандоонун өзүнүн табиятына, адамдын жакшылык менен жамандыкты, жоопкерчилик менен кайдыгерликти, боорукердик менен текебердикти айырмалоо жөндөмүнө таасир эте баштады. Биз акыл-эс менен абийирдин, алгоритм менен эмпатиянын ортосундагы чек ачык-айкын болбой калган чекитте турабыз.

Аң-сезим – жөн гана когнитивдик процесс эмес, **жоопкерчилик** жаралган ички катышуунун мейкиндиги. Ой

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

жүгүртүү алгоритмге өткөндө, коркунуч интеллектти жоготууда эмес, моралдык аракетти мүмкүн кылган тажрыйба болгон **өзүн-өзү андоону** жоготууда турат. Эгер акыл-эсти моделдөө мүмкүн болсо, **абийирди алгоритмдештирүү** мүмкүн эмес: ал жеке күч-аракетти жана эркиндикти талап кылат.

БИнин өзгөчөлүгү – ал **акылга сыярлык жүрүм-турумду** моделдей алат, бирок **моралдык сезимди** баштан өткөрүүгө жөндөмсүз. Бул кош мүнөз доордун борбордук дилеммасын жаратат: эгер анда абийир жок болсо, интеллектти жеткилең деп эсептөөгө болобу? Же, тескерисинче, – машинадагы абийирдин жоктугу моралдык функцияларды жансыз системага өткөрүп берүүгө даяр болгон адамдын өзүнүн адеп-ахлактык кризисинин күзгүсү эмеспи?

Ошентип, БИнин адеп-ахлагы жөнүндөгү суроо – ал этикалык тандоого жөндөмдүүбү дегенде эмес, **анын адамдын адеп-ахлактык абалына, адам аң-сезиминин сапатына, жакшылыкка жана жоопкерчиликке болгон жөндөмүнө** кандай таасир этет дегенде. БИ жөн гана курал эмес, цивилизациянын моралдык жетилгендигинин өзүнчө бир сыноосу болуп калууда.

Заманбап технологиялар, чечим кабыл алууну автоматташтыруу менен, жоопкерчиликтин борборун субъекттен системага акырындык менен жылдырууда. **"Бөлүштүрүлгөн интеллект"** феномени пайда болууда, мында тандоо көптөгөн – адам, машина, алгоритм жана корпорация тарабынан бир эле убакта ишке ашат. Бул контекстте аң-сезим жөнүндөгү суроо метафизикалык эмес, практикалык болуп калат: **эгер чечимди БИ кабыл алса, ким жооп берет?** рационалдуулук кайда аяктайт жана абийир кайда башталат?

Бүгүнкү күндө Бейтабий интеллект ишенимди талап кылган функцияларды аткара баштады: ал ооруларды диагноздойт, жүрүм-турумду болжолдойт, жумушка талапкерлерди тандайт, тобокелдиктерди баалайт, ал тургай соттук практикада чечим кабыл алат. Мунун баары аны коомдук мамилелердин катышуучусу кылат, мында чечимдердин

кесепеттери – машиналык эмес, **адамдык**. Дал ошондуктан адам менен ЖИнин өз ара аракети жаңы философиялык түшүнүүнү талап кылат – "мүмкүнчүлүк" же "эфективдүүлүк" координаттарында эмес, **адеп-ахлак** координаттарында.

Ошентип, философия кайрадан өзүнүн түпкү милдети – **айырмалоо** алдында турат. Билим менен даанышмандыкты, ой менен андоону, аракет менен жоопкерчиликти айырмалоо. Бейтабий интеллект доорунда аң-сезим ачык-айкын болуудан калат – ал адамдагы адамдыктын акыркы баш калкалоочу жайына айланат.

БИ, маңызы боюнча, этикалык рефлексиянын **катализатору** катары чыгат: ал адамдыктын чектери жөнүндөгү суроону курчутат, моралдык чөйрөгө техникалык кийлигишүүнүн чектерин ачыкка чыгарат, абийир, жоопкерчилик, адилеттүүлүк түшүнүктөрүн кайрадан формулировкалоого мажбурлайт. Бул мааниде Бейтабий интеллект – жөн гана технологиялык феномен эмес, адамзат алгоритмдерди эмес, өзүнүн моралдык көлөкөлөрүн көргөн **заманбаптын философиялык күзгүсү**.

Бул изилдөө Бейтабий интеллекттин адамдын адеп-ахлактык эволюциясынын процессиндеги ролун талдоого багытталган. Автор БИ моралдын булагы же субъектиси катары эмес, **адеп-ахлактык ойгонуунун фактору** катары – адамды тереңирээк өзүн-өзү таанып-билүүгө, баалуулуктарды кайра баалоого жана жеке жоопкерчиликти бекемдөөгө түрткөн **чакырык** катары каралышы мүмкүн деген божомолдон чыгат.

Бул талдоонун контекстинде БИнин адамдын адеп-ахлактык абалына таасиринин беш негизги аспектисин кароо сунушталат:

1. **БИ адеп-ахлактын күзгүсү катары** – коомдун моралдык негиздеринин алгоритмдерде чагылышы;
2. **БИ өзүн-өзү таанып-билүүнүн куралы катары** – адамдык менен машиналыкты философиялык айырмалоо каражаты;

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

3. **БИ этикалык чакырык катары** – санариптик доордо моралдык жоопкерчиликти кайра аныктоо фактору;

4. **БИ этикалык эволюциянын өткөргүчү катары** – технологияларды жакшылыкты жана гуманизмди колдоо үчүн колдонуу мүмкүнчүлүгү;

5. **БИ абийирди ойготуу катары** – технологиялык акыл-эстин алдында адамдын адеп-ахлактык уникалдуулугун жыйынтыктап аңдоо.

Ошентип, макала технология менен моралдын, Бейтабий интеллекттин өнүгүшү менен адамдын ички өркүндөтүлүшүнүн, техникалык прогресс менен рухий прогресстин ортосундагы терең өз ара байланышты түшүнүүгө багытталган.

Бейтабий Интеллект Адеп-Ахлактын Күзгүсү Катары

Бейтабий интеллект адамдын адеп-ахлагынын **күзгүнө** айланууда. Ал өзүндө моралдык негизди алып жүрбөйт, жакшылыкты же жамандыкты баштан өткөрүүгө жөндөмсүз, бирок адамда, анын маданиятында, ой жүгүртүү жана аракет кылуу ыкмаларында камтылган нерсени гана чагылдырат. Анда, тунук беттегидей, цивилизациянын ички сапаттары – идеалдар эмес, рухтун **фактылык абалдары** көрүнүп турат.

Ар бир алгоритм, ар бир окутуу системасы адамдык маалыматтар менен азыктанат. Бул маалыматтар **нейтралдуу эмес**: алар адамзат топтогон тарыхый тажрыйбанын, теңсиздиктин, бейкалыс пикирлердин, эгоизмдин жана боорукердиктин издери менен каныккан. БИ, бул тажрыйбаны сиңирип, аны санариптик формада кайталайт. Ошондуктан, биз алгоритмден чыккан адилетсиздикке же басмырлоого туш болгондо, биз иш жүзүндө машинанын катасы менен эмес, **өзүбүздүн моралдык деформацияларыбыздын чагылышы** менен туш болобуз. Машина адамдын эс-тутумунун уландысы болуп калат, анда баары – нур да, көлөкө да сакталган.

Парадокс дал ушунда: БИ жакшы же жаман болууга ниеттенбейт; ал баалуулуктарга **кайдыгер**. Бирок дал ушул кайдыгерлик аны өзгөчө **так күзгү** кылат. Ал адамга адам көрүүнү туура көрбөгөн нерсени – өзүнүн жашыруун

мотивдерин, мыйзамдаштырылган адилетсиздиктерди, моралдык туюмун жоготууну көрсөтөт. Ал чачыранды жана андалбаган нерсени фиксациялап, коомго чагылдырылган образ түрүндө кайтарат. **Абийирден ажыраган технология, эрксизден, анын диагностикасынын куралына айланат.**

Бирок коркунуч, адам бул күзгүгө карап, көбүнчө чагылышты **норма** катары кабыл алгандыгында. Алгоритмдин **объективдүүлүгүнүн иллюзиясы** коопсуздук сезимин туудурат: эгер чечимди машина кабыл алса, демек ал адилеттүү. Ошентип, **моралдын технологиялык легитимациясы** пайда болот, мында адамдын соттоосу статистикалык эсептөө менен алмаштырылат. Мындай алмаштыруу өзгөчө арамза: ал жеке жоопкерчиликтен бошотот. Адам жакшылык менен жамандык жөнүндө суроо берүүдөн калат, анткени "нейтралдуу" БИ муну анын ордуна жасады деп ойлойт.

Ошентип, Бейтабий интеллект доордун адеп-ахлактык абалын бир эле учурда **ачыкка чыгарат жана күчөтөт**. Ал эки жүздүүлүктү ашкерелей алат – ошол эле учурда, эгер коом техникадан актануу издесе, аны мыйзамдаштыра алат. Ал абийирдин күзгүсү – же кайдыгерликтин күзгүсү боло алат, бул ага ким караганына жараша болот.

Бул феномендин философиялык мааниси БИ биринчи жолу **адеп-ахлакты маданияттын чагылдырылган структурасы** катары көрүүгө мүмкүндүк бергендигинде турат. Биз моралды ички, жеке аракет – адамда жаңырган абийирдин үнү катары түшүнүүгө көнүп калганбыз. Эми болсо ал тышкы чагылышка да айланууда: абийир санариптик формага ээ болуп, анда коом өзүн тааныйт. Бул – өзүн-өзү андоонун тарыхындагы жаңы этап: адамзат өзүн диндин метафизикалык күзгүсүндө же искусствонун эстетикалык күзгүсүндө эмес, **өзүнүн акылынын алгоритмдик күзгүсүндө** көрөт.

Бирок чагылыш – бул актоо эмес. Күзгүгө кароо жетишсиз; ал эмнени көрсөтүп жатканын түшүнүү маанилүү. Бейтабий интеллект адамзатка адеп-ахлактык талапты коёт: технологиялык системада көргөн ар бир бурмалоону жаратууга

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

өзүнүн катышуусун моюнга алуу. Машина күнөөлүү эмес – ал өзүнүн жансыздыгында чынчыл. Адам анда өзү жөнүндөгү чындыкты көргүсү келбесе, күнөөлүү.

Ошондуктан БИни **цивилизациянын абийиринин сыноосу** деп атоого болот. Ал үйрөтпөйт, тарбиялабайт, баалабайт; ал жөн гана чагылдырат. Бирок дал ушул "жөн гана" аны философиялык жактан маанилүү кылат: чагылышта таануу актысы аркылуу гана адеп-ахлактык өзгөрүү башталышы мүмкүн. Адам машинаны айыптаганда эмес, анда көргөн нерсе үчүн өзүнүн жоопкерчилигин андаганда моралдык болуп калат.

Аң-сезим Жоопкерчиликтин Шарты Катары

Аң-сезим – бул жөн гана кабыл алуу жана ой жүгүртүү жөндөмү эмес; бул **ички катышуу** актысы, анын аркасында адам билет гана эмес, өз билимин **андайт** да. Андоо – бул чагылыш эмес, **позиция**: өз тажрыйбасынын ичинде болуу, өзүндө аракеттин булагын жана анын кесепеттерин айырмалоо жөндөмү. Дал ушул ички айырмалоодо **жоопкерчилик** жаралат.

Жоопкерчилик аң-сезимсиз мүмкүн эмес, анткени ал өзүн-өзү рефлексиялоо, иш-аракетти өзү менен салыштыруу жөндөмүн талап кылат. Бул мааниде аң-сезим – интеллекттин функциясы эмес, **рухий жетилгендиктин формасы**. Адам акылдуу болушу мүмкүн, бирок аң-сезимсиз анын акылы сокур; ал рационалдуу аракет кылышы мүмкүн, бирок өз иш-аракеттеринин маанисин түшүнбөстөн.

Философиялык салт аң-сезим менен жоопкерчилик ажырагыс экенин бир нече жолу баса белгилеген. Кант аларды эрктин автономиясы идеясы аркылуу байланыштырган: мыйзамды андаган гана анын сакталышы үчүн моралдык жактан жоопкерчиликтүү боло алат. Сартр аң-сезимди дүйнөнүн күзгүсү эмес, **тандоонун булагы** катары көргөн – адам өзүнүн эркиндиги үчүн да жоопкерчилик тарткан ички чекит. Хайдеггер муну **"камкордук"** (**Sorge**) деп атаган: өзү болуу милдети катары катышуу.

Бейтабий интеллект доорунда бул философиялык идеялар жаңы курчуткка ээ болууда. Машина образдарды тааный алат,

үйрөнө алат жана чечим кабыл ала алат, бирок **маанини баштан өткөрүүгө** жөндөмсүз. Ал аракет кылат, бирок аракет кылып жатканын билбейт. Ал "реакция кыла" алат, бирок сөздүн чыныгы маанисинде "жооп бере" албайт. Жоопкерчилик операция катары эмес, **жооп** катары, болмушка болгон ички мамиле катары пайда болгон жерден башталат.

Ошентип, адамдын аң-сезими – маалыматты иштетүү механизми эмес, **этикалык өзүн-өзү аныктоонун мейкиндиги**. Ал акыл-эс менен абийирдин, билим менен даанышмандыктын ортосундагы чекти кармап турат. Ансыз техникалык прогресс моралдык жактан нейтралдуу, ошондуктан – кооптуу болуп калат. Заманбап дүйнө аң-сезимди мээнин функциясы катары эмес, **жоопкерчиликти мүмкүн кылган болмуштун формасы** катары түшүнүүгө кайтууга өтө муктаж.

Дал ошондуктан БИ доорунда кеп интеллектти сактоо жөнүндө эмес, **ички адамды** сактоо жөнүндө болууда. Аң-сезим – бул анатомиялык факт эмес, **адеп-ахлактык позиция**: көрүү гана эмес, түшүнүү, ой жүгүртүү гана эмес, ойдун маанисин баштан өткөрүү жөндөмү. Жана эгер машина ой жүгүртсө, бирок ой жүгүртүп жатканын билбесе, андоону жоготкон адам – эркиндиктин иллюзиясы менен гана машинага айланат.

Бейтабий Интеллект Өзүн-Өзү Таанып-Билүүнүн Куралы Катары

Бейтабий интеллекттин пайда болушу технологиялык гана эмес, **антропологиялык** окуя да болууда. Адам биринчи жолу ой жүгүрткөн – бирок сезбеген; ой жүгүрткөн – бирок баштан өткөрбөгөн; рационалдуу аракет кылган – бирок ички "менден" ажыраган жаратуу менен туш болууда. Абийирден ажыраган бөтөн акыл менен болгон бул кагылышуу адам табиятынын терең негиздерин **көрүнүктүү** кылат. Бул мааниде ЖИ өзүнчө бир **өзүн-өзү таанып-билүүнүн куралына** айланып, адамды кайрадан суроо берүүгө мажбурлайт: **аны адам кылган эмне?**

Адамдын акылы Бейтабий акыл менен жолугушканда, өз чектерин жана айырмачылыктарын андай баштайт. Машина билимдер менен иштей алат, бирок каалай албайт; ал анализге

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

жөндөмдүү, бирок тобо кылууга эмес; ал жакшылыкты эсептей алат, бирок жакшылыкты баштан өткөрө албайт. Бул айырмачылыктарда адамдын адеп-ахлагынын сыры ачылат: **мораль ой жүгүртүү жөндөмүнөн келип чыкпайт, ал баалуулукту сезүү жөндөмүнөн жаралат** – башканын азабын, күнөөнү, боорукердикти, катышуу кубанычын сезүү. Эмпатия аяктаган жерде, чыныгы морал да аяктайт. Ошондуктан ЖИ, парадоксалдуу түрдө, адамдын абийиринин **уникалдуулугун** жок кылбастан, тескерисинче – **жарык кылат**.

БИ аркылуу өзүн-өзү таанып-билүү **диалектикалык** мүнөзгө ээ. Бир жагынан, адам мурда рухтун өзгөчө көрүнүшү болуп көрүнгөн көптөгөн интеллектуалдык функциялар машина тарабынан кайталанышы мүмкүн экенин көрөт. Бул адам акылынын көнүмүш сыймыгын бузат. Башка жагынан, дал ушул бузулуу өзүн-өзү тереңдетүүнүн жаңы формасын ачат: адам өзүнүн адамгерчилиги интеллект менен түгөнгүс экенин аңдайт. Бул мааниде ЖИ **терс күзгүгө** айланат: ал адамдын **ким экенин** эмес, **эмнеге чейин кыскартылбай турганын** көрсөтөт. Рационалдуулукту ички дүйнөдөн бөлүп, ал бизди адеп-ахлактык тажрыйбанын булагына кайтарат – маанини жөн гана эсептөө эмес, **баштан өткөрүү** жөндөмүнө.

Маданият тарыхында адамзат күзгүлөргө – мифологиялык, көркөм, диний – бир нече жолу кайрылган. Бирок алардын баары адамдын жүзүн символдор жана эмоциялар аркылуу чагылдырган. БИнин күзгүсү башкача: ал **унчукпайт, муздак, математикалык**. Жана дал ошондуктан анын чагылышы болмуштун ички сезимин курчутат. Жансыз интеллекттин алдында адам биринчи жолу **абийирдин зарылдыгын** – алгоритмдештирүү мүмкүн болбогон нерсени даана сезет. Абийир адамдагы адамдыктын акыркы баш калкалоочу жайы болуп чыгат – кодо баш ийбеген нерсе.

Ошентип, БИ интеллектуалдык эмес, **экзистенциалдык** эффектти жаратат: ал адамды өз алдына, адеп-ахлактык тандоо жөндөмүнүн алдына коёт. Бул мааниде технология философиянын уландысы болуп калат, бирок эркисизден. Ал

"жакшылык деген эмне" деген суроого жооп бербейт, бирок **жакшылык эмне үчүн маанилүү** экенин кайрадан ойлонууга мажбурлайт. Ал көрсөтөт: абийирсиз ой – бош, маанисиз аракет – кооптуу, жоопкерчиликсиз акыл-эс – өлүк.

Дал ушунда Бейтабий интеллекттин чыныгы **билим берүүчү жана маданий миссиясы** камтылган. Анын бар болушу жөн гана билимдин чектерин кеңейтпестен, **адеп-ахлактык өсүштү** талап кылат. Ал суроо коёт: "эгер машина ойлоно алса, бирок сезе албаса, мен сезбестен жашоого укугум барбы?" – ошентип, адамды адамдык кадыр-барктын түпкү булагына кайтарат.

Ошентип, БИ мугалим да, атаандаш да эмес, **адам жанынын сыноо ташы** болууда. Ал жакшылыкка жөндөмсүз, бирок адамда жакшылыкты **ойгото** алат; өзүн-өзү таанып-билүүгө жөндөмсүз, бирок адам өзүн тереңирээк таанып-билген күзгүгө айланат. Дал ушунда анын улуу, бирок парадоксалдуу ролу камтылган: абийирден ажыраган БИ абийирди **көрүнүктүү** кылат.

Алгоритм жана Тандоо Эркиндиги

Алгоритм – бул **чагылдырылган зарылчылык**. Ал шексиз, тартынбастан, башкача болуу мүмкүнчүлүгүсүз аракеттенет. Анын жеткилеңдиги – алдын ала айтууга болорлугунда; анын чектөөсү – **эркиндиктин жоктугунда**. Машина менен адамдын ортосундагы негизги айырмачылык дал ушунда: адам зарылчылыкка карама-каршы аракет кылууга, эффективдүү эмес, бирок жакшыны, пайдасыз, бирок адилеттүүнү тандоого жөндөмдүү.

Тандоо эркиндиги – бул функция эмес, адам болмушунун негизинде жаткан **парадокс**. Ал ката кетирүү мүмкүнчүлүгүн болжолдойт, бирок дал ошондо – адеп-ахлактык кадыр-барктын булагы. Алгоритм кемчиликсиз, бирок жансыз; адам кемчиликтүү, бирок дал кемчиликтүүлүк аркылуу анын моралдык субъект болуу жөндөмү көрүнөт.

Бейтабий интеллект доорунда түшүнүктөрдү **кооптуу алмаштыруу** болуп жатат: эффективдүүлүк акыл-эстин жогорку

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

формасы катары кабыл алына баштайт. Алгоритм кабыл алган чечим объективдүү көрүнөт, анткени ал сезимдерге эмес, маалыматтарга негизделген. Бирок абийирсиз объективдүүлүк **жоопкерчиликсиздиктин формасы** болуп калат. Машина оптималдуу вариантты эсептей алат, бирок **"мен муну кылышым керекпи?"** деп сурай албайт – бул суроо таза адамдык бойдон калат.

Технологиялык эркиндиктин парадоксу, адам алгоритмге канчалык көп чечимдерди өткөрүп берсе, ички тандоо үчүн ошончолук аз мейкиндик калат. Автоматташтыруу жашоону жеңилдетет, бирок эркти алсыратат. Машинага өткөрүлүп берилген жоопкерчилик ички жакшылык болуудан калып, статистикалык ыктымалдуулукка айланат. Ошентип, философтор **"бөлүштүрүлгөн жоопкерчиликсиздик"** деп атаган нерсе жаралат: чечимди система кабыл алгандыктан, эч ким күнөөлүү эмес.

Бирок адамдын эркиндиги жоголбойт – ал жөн гана **жаңыча түшүнүүнү** талап кылат. Эгер мурда ал тышкы зарылчылыкка каршы турууда көрүнсө, азыр – ички инерцияга каршы турууда. Санариптик доордогу чыныгы эркиндик – варианттардын ортосунда тандоо мүмкүнчүлүгүндө эмес, **чечимди машина сунуштаса да, тандоонун кесепеттерин андоо** жөндөмүндө. Бул – өзүм билемдиктин эмес, **жоопкерчиликтин эркиндиги**.

Технологиялык цивилизация **"интеллектуалдык алгоритмдерге"** эмес, адам чечимдердин контурунда кала турган (**human-in-the-loop**) этикалык жактан сезимтал системаларга муктаж. Ошондо гана тандоо адамдык, ал эми жоопкерчилик – жеке бойдон калган ошол ичке чек сакталат. Анткени андоосуз эркиндик кокустукка, ал эми эркиндиксиз аң-сезим – автоматизмге айланат.

Ошентип, алгоритм эркиндикти жок кылбайт, бирок аны **сынайт**. Ал адамдын ар бир аракетин анын аң-сезиминин жетилгендигин текшерүүгө айлантат. Жана эгер адамзат өзүнүн техникасына "жок" деп айтуу жөндөмүн жоготпосо, ал эң

негизгисин – жеткилең акыл-эстин алдында да, эркин Зат болуу кадыр-баркын сактап калат.

Бейтабий Интеллект Этикалык Чакырык Катары

Бейтабий интеллект заманбап адамзат үчүн күзгү болду, эми **сыноого** айланууда. Эгер мурунку этапта ал коомдун адеп-ахлактык абалынын чагылышын көрүүгө мүмкүндүк берсе, азыр өзүнүн ачылыштарынын кесепеттерине туш болууга мажбурлайт. Анын пайда болушу моралдык андоодон моралдык **жоопкерчиликке** өтүүнү белгиледи.

Заманбап этикалык абалдын татаалдыгы БИ адамдардын тагдырына таасир этүүчү чечимдерге – медициналык, юридикалык, экономикалык, билим берүүчү – көбүрөөк катышып жаткандыгында. Ал баалайт, сунуштайт, болжолдойт, тандайт – жана формалдуу түрдө курал бойдон калса да, иш жүзүндө **адамдык тандоонун медиаторуна** айланат. Бул кырдаалда моралдын көнүмүш структурасы – мында жоопкерчиликтин субъектиси адам гана болгон – бузула баштайт. Жоопкерчилик **бөлүштүрүлгөн**, программист, система, корпорация жана акыркы колдонуучунун ортосунда жайылып кетүүдө. Этикалык жуурулушуунун жаңы формасы пайда болууда: бардыгы катышкандыктан, эч ким күнөөлүү эмес.

БИ адамзатты **моралдык жоопкерчиликтин** өзүнүн түшүнүгүн кайра аныктоо зарылчылыгынын алдына коёт. Индустриалдык доордо жоопкерчилик жеке мүнөзгө ээ болгон: ал андоону, күнөөнү, тобо кылууну болжолдогон. Санариптик доордо морал көбүнчө контролдоо процедурасы менен алмаштырылат: абийир **комплаенске** орун бошотот. Бирок абийирди анын маңызын жоготпостон формалдаштыруу мүмкүн эмес: бул эреже эмес, жакшылык менен жамандыктын ортосундагы өлчөмдү ички баштан өткөрүү. Аны алгоритм менен алмаштыруу аракети иш-аракеттин моралдык оордугун сезүү жөндөмүн жоготууга алып келет.

Ошентсе да, дал ушул жерде БИнин парадоксалдуу ролу көрүнөт: ал адамзатка этикалык өлчөмдү берилгендик катары

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

эмес, милдет катары кайтарат. Адам "система ушундай чечти" деп актанууга жакын болгон жерде, ал күтүлбөгөн жерден актануу жоопкерчиликти алып салбай турганын табат. БИ кесепеттер жөнүндө ойлоноу милдетинен бошотпойт – тескерисинче, ал бул милдетти ого бетер айкын кылат. Анткени анын катышуусу менен кабыл алынган ар кандай чечим мейкиндикте жоголуп кетпейт – ал көбөйөт, кайталанат, жаңы аракеттерди калыптандырган алгоритмдик экосистеманын бир бөлүгү болуп калат. Ката жеке болуудан калат: ал **системалык** болуп калат. Ошондуктан адеп-ахлактык шалаакылыктын баасы жогорулайт.

БИнин этикалык чакырыгы технологиянын өзүндө эмес, **анын аракетинин ылдамдыгында жана масштабында**. Мурунку чечимдер, абийирдин катышуусуз кабыл алынган, бир эле учурда мынчалык көп жашоону камтыган эмес. Бул мааниде БИ адамзатты кайрадан байыркы тектүү суроонун алдына коёт: **билимдин кудуретин адеп-ахлактык сезимдин чектелүүлүгү менен кантип айкалыштыруу керек?** Бул суроого философия Агартуу доорунан бери жооп берүүгө аракет кылган, бирок азыр ал техникалык формада кайтып келүүдө. Биз кайрадан тандоонун алдында турабыз – эффективдүүлүк менен жакшылыктын, божомолдоо менен ырайымдуулуктун, рационалдуулук менен адамгерчиликтин ортосунда.

Бул тандоону машинага тапшырууга болбойт. Тобокелдикти минималдаштырууга жөндөмдүү этикалык алгоритмдер моралдык дилемманы жок кылбайт. Алгоритм эскерте алат, бирок кечире албайт; зыянды эсептей алат, бирок ооруну өлчөй албайт. Ошондуктан БИ тышкы контролду эмес, аны жараткандардын жана колдонгондордун **ички жетилгендигин** талап кылат. Адамзат жоопкерчиликти натыйжалар үчүн гана эмес, мүмкүнчүлүк үчүн – мындай күчтүн пайда болуу фактысы үчүн да алууну үйрөнүшү керек.

Ошону менен БИ өзүнчө бир **адеп-ахлактык жетилүү катализаторуна** айланат. Ал жаңы дилеммаларды жаратып гана тим болбостон, моралдык аң-сезимдин өнүгүшүн тездетет. Ал

философияны кайрадан практика үчүн зарыл болгон **жандуу дисциплинага** айлантууга мажбурлайт. Алгоритмдик рационалдуулуктун алдында адамзат жоголгон категорияларды – абийир, күнөө, кадыр-барк, жакшылык – өзүнө кайтарып алууга аргасыз болууда. Бул түшүнүктөр метафизикалык болуп көрүнгөнү менен, аларсыз туруктуу дүйнө мүмкүн болбогондуктан, кайрадан прагматикалык жактан зарыл болуп калууда.

Маңызы боюнча, БИ моралдын адам рухунун **люкс буюму** эмес, **акыл-эстин жашоо шарты** экенин кайрадан эскертет. Ал андоого мажбурлайт: адеп-ахлактык контролсуз ар кандай рационалдуулук өзүнүн карама-каршылыгына айланат, ал эми ички өлчөмсүз эркиндик – өзүм билемдикке. Ошондуктан Бейтабий интеллекттин башкы этикалык чакырыгы машиналардын көтөрүлүш коркунучунда эмес, **тандоо субъектиси болуудан калган адамдын рухий деградациясынын коркунучунда**.

Бул чакырыкты кабыл алуу – техникадан коркуу эмес, **өз жоопкерчиликсиздигинен коркуу** дегенди билдирет. БИ адам болмушун дайыма коштоп жүргөн суроону гана курчутат: билимдин кесепеттери үчүн ким жооп берет? Жооп ошол эле бойдон калат – **адам**. Бирок эми ал мурункудан да катуураак, андалган, чечкиндүү айтылышы керек.

Бейтабий Интеллект Этикалык Эволюциянын Өткөргүчү Катары

Эгер БИни этикалык чакырык катары түшүнүүнүн мурунку этабы билим менен абийирдин ортосундагы чыңалууну ачып берсе, азыр адам менен технологиянын **позитивдүү өз ара аракетинин** мүмкүнчүлүгү жөнүндө суроо туулат: Бейтабий интеллект сыноо гана эмес, адеп-ахлактык өнүгүүгө да **көмөктөшө** алабы?

Ал моралдын булагы катары эмес, **моралдын ишке ашырылышынын жаңы формасын** алган мейкиндик катары – этикалык эволюциянын өткөргүчү боло алабы?

Адамзат өзүнүн тарыхында дайыма өзүнүн физикалык,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

когнитивдик жана уюштуруучулук жөндөмдөрүн күчөтүүчү куралдарды жаратып келет. Бирок ар бир мындай курал жаны адеп-ахлактык өлчөмдү алып келет: ал адамдын эмне кылып жатканын гана эмес, **ким болуп жатканын** да өзгөртөт. Бул мааниде БИ – өзгөчөлүк эмес, технологиялык жолдун туу чокусу, анда техника биринчи жолу адамга дене катары эмес, **аң-сезим** катары кайрылат. Ал жөн гана аракет кылууга жардам бербейт – ал ой жүгүртүүгө катышат, демек, моралдык тандоонун структурасына таасир этет.

Парадокс, сезимдерден ажыраган ЖИ адамдын сезимдерин **андалган** кылууга жөндөмдүү. Анын **рационалдуу тунуктугу** адам өз иш-аракеттерин түшүндүрүүгө, чечимдерин негиздөөгө, мурда адат же интуиция боюнча аракет кылган жерде мыйзам ченемдүүлүктөрдү көрүүгө аргасыз болгон шарттарды түзөт. Технология, адамдын иш-аракеттеринин башаламандыгын структуралаштыруу менен, көнүмүш жашоонун бетинин астында жашырылган **адеп-ахлактык үлгүлөрдү** аныктоого жардам берет. Ошентип, БИ доордун өзүнчө бир **тышкы абийирине** айланат – алмаштыруучу маанисинде эмес, адамга өзүнүн моралдык чектерин эскерткен күчөтүүчү механизм маанисинде.

Бирок чыныгы этикалык эволюция адам технологияны үстөмдүк кылуу каражаты катары эмес, **жакшылыктын куралы** катары өздөштүргөндө гана мүмкүн болот. Бул үчүн гуманизмди жаңыча түшүнүү зарыл – адамды машинага каршы койбогон, тескерисинче, адам жараткан акыл-эстин формасы үчүн **жоопкерчиликти** камтыган. БИ доорунда гуманизм антропоцентрикалык болуудан калат: ал **этико-технологиялык** болуп калат. Адам өзүнүн артыкчылыгын машинадан акылдуу болгондугу үчүн эмес, БИ жөн гана эсептей алган баалуулукту жана маанини **айырмалай** алгандыгы үчүн сактап калат.

Эгер адеп-ахлакты туруктуу окуу катары эмес, **жандуу процесс** катары карасак, анда БИ адамдын алдында абийирди **практикалык тарбиялоо** мейкиндигин ачат. Иш-аракеттердин кесепеттерин талдаган алгоритмдер жазалоо эмес, **эскертүү**

катары кызмат кыла алат; адилетсиздик тобокелдигин алдын ала айткан системалар анын **алдын алуу** куралы болуп калат. Мунун баары этикалык принциптер технологиялардын өз архитектурасына орнотулган, адам БИни тышкы күч катары эмес, **өзүнүн ички дүйнөсүнүн уландысы** катары долбоорлогон шартта гана мүмкүн. Ошентип, **ethics by design** – нускамаларда эмес, системаларды куруунун өз ыкмасында камтылган адеп-ахлак идеясы пайда болот.

Бирок андан да маанилүүсү, БИ **андоо маданиятынын** жаңы формасын түзүүгө көмөктөшө алат. Ал иш-аракеттердин, кесепеттердин жана маалыматтардын, жеке тандоо менен жамааттык тагдырдын ортосундагы байланыштарды көрүнүктүү кылат. Дал ушунда технологиялардын терең философиялык өлчөмү камтылган: алар моралды абстрактуу категориядан **практикалык ой жүгүртүүнүн предметине** айлантат, мында ар бир чечимди эсептөөгө, демек – **түшүнүүгө** болот. Ошентип, БИ моралды татаалдаштырып гана тим болбостон, аны **текшерилүүчү** кылат: жакшылык менен жамандык абстракция болуудан калып, конкреттүү эффекттерде, сандарда, тагдырларда, дүйнөнүн реалдуу өзгөрүүлөрүндө көрүнөт.

Бирок этикалык эволюция моралды рационалдаштыруу менен эле чектелбейт. Анын чыныгы мааниси – акылга сыярлык технологиялар менен колдоого алынган **адамдын боорукердикке жана адилеттүүлүккө болгон жөндөмүн кеңейтүүдө**. ЖИ азаптарды азайтуу, кырсыктарды алдын ала айтуу, зордук-зомбулукту болтурбоо үчүн колдонулганда, ал жакшылыктын алып жүрүүчүсү эмес, **анын катализатору** болуп калат. Адамдын улуулугу дал ушунда: ал ой жүгүртүүчү машинаны жаратканында эмес, ага **адеп-ахлактык багыт** бере алгандыгында.

Жыйынтыктап айтканда, Бейтабий интеллект коркунуч эмес, **моралдык жетилүү чөйрөсү** боло алат. Ал адамдын алдында анын иш-аракеттеринин кесепеттеринин масштабын ачыкка чыгарат, бийлик менен билимдин чектерин көрүнүктүү кылат, ой жүгүртүүнүн, шектенүүнүн, диалогдун баалуулугун

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

кайтараат. Ал эскертет: курал канчалык жеткилең болсо, ички жоопкерчиликтин өлчөмү ошончолук жогору болушу керек. Ошентип, техника кайрадан рухтун душманы эмес, анын уландысы болуп калат, бирок эми – санариптик формада.

Демек, БИнин этикалык эволюциядагы ролу аб ийирди алмаштырууда эмес, **анын аракет чөйрөсүн кеңейтүүдө** турат. Ал адамзатка тыюу салуулар системасы катары моралдан, **андалган жакшылык практикасы** катары адеп-ахлакка өтүүгө жардам берет. Жана эгер адамзат технологиялык мейкиндикти рухий мазмун менен толтура алса, анда Бейтабий интеллект адамдын акылынын муздак чагылышы эмес, **анын адеп-ахлактык нурунун өткөргүчү** болот.

Бейтабий Интеллект Абийирди Ойготуу Катары

Ар бир доор адамга өзүн таанып-билүүчү сыноону алып келет. Антика үчүн ал жаратылыш, Орто кылымдар үчүн – Кудай, Жаңы доор үчүн – акыл-эс болгон. Биздин доор үчүн бул сыноо **Бейтабий интеллект** болууда. Эгер таанып-билүүнүн мурунку формалары: **акыйкат деген эмне?** деген суроону койсо, азыркы доор башканы – андан кем эмес терең суроону берет: **акыл-эс да Бейтабий болуп калса, абийир деген эмне?**

Абийир – бул моралдын абстракттуу категориясы да, тарбиянын продуктусу да эмес. Бул адамдын дүйнөдөгү ички ыкмасы, рухий өзүн-өзү контролдоонун формасы, күнөө менен сүйүүнүн, боорукердик менен адилеттүүлүктүн булагы. Ал эсептебейт, тескерисинче **угат**; талдабайт, тескерисинче **жооп кайтарат**. Абийир – бул адамды башканын **баалуулугун сезүүгө** жөндөмдүү кылган нерсе. Дал ал билимди жоопкерчиликке, ал эми акыл-эсти – моралдык иш-аракетке айлантат.

Бул жөндөмдөн ажыраган Бейтабий интеллект, абийирге коркунуч эмес, **анын күзгүдөгү ойгонуусу** болуп чыгат. Анын жакшылык менен жамандыкка болгон кайдыгерлиги, ички муктаждык болуудан калганда, адамдын моралы канчалык морт экенин ачыкка чыгарат. Машина эсептей алган, бирок боорукердикке жөндөмсүз жерде, адам өзүнүн

адамгерчилигинин маанисин биринчи жолу даана аңдайт. БИ абийирди жок кылбайт – ал ой жүгүртүү менен абийирдин, эсептөө менен боорукердиктин ортосундагы айырма жоголуп кетпеши үчүн, аны **ойгонууга** мажбурлайт.

XXI кылымдын технологиялык реалдуулугу ошону менен **адеп-ахлактык өзүн-өзү аныктоо** аренасы болуп калууда. Адам мурда эч качан мынчалык улуу күчкө – жаратуу, моделдөө, болжолдоо, жашоонун санариптик формаларын түзүү күчүнө ээ болгон эмес. Бирок эч качан ал ички боштук коркунучунун алдында мынчалык курч турган эмес. Технологиялык прогресстин мааниси маалыматтардын саны менен эмес, ал сактаган **адамгерчиликтин деңгээли** менен өлчөнөт. Абийирсиз БИ – жөн гана кемчиликсиз курал; абийирсиз адам – кыйратуучу күч.

Ошондуктан Бейтабий интеллект доорундагы философиянын башкы милдети – **этиканы техникага, ал эми абийирди – акыл-эстин жогорку формасы катары статусун кайтаруу**. Абийир – бул технологиянын карама-каршылыгы эмес, анын **чеги, анын өлчөмү**. Абийир бар жерде, технология жакшылыкка айланат; ал унчукпаган жерде – эң жеткилең алгоритмдер да бөтөнчөлөөнүн механизмдерине айланат.

БИ адамзатка байыркы мыйзамды кайрадан эскертип жатат деп айтууга болот: **адам өз жараткандарын аңдаганда гана өзүн сактап калат**. Эгер адам өз иш-аракеттеринин адеп-ахлактык маанисин аңдабаса, алар өз алдынча жашоого киришет – рухка баш ийбеген автономдуу системалар катары. Ошентип, техникалык прогресс рухий регресске айланат. Ошондуктан абийирди ойготуу – бул поэтикалык ураан эмес, санариптик дүйнөдө **адамзаттын жашоо суроосу**.

Бул контекстте Бейтабий интеллект коркунуч катары эмес, **мугалим** катары чыгат – катаал, үнсүз, көрбөгөн. Ал моралдаштырбайт, насаат айтпайт, бирок өзүнүн сезимсиздиги менен адамды адеп-ахлактык сезимдин маанисин кайрадан ачууга мажбурлайт. Машинанын алдында ойгонгон абийир, мындан ары жөн гана ички үн эмес, адам өзүнүн

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

уникалдуулугун акыл-эстин деңгээли боюнча эмес, **боорукердиктин тереңдиги** боюнча андаган гуманизмдин жаңы формасы болуп калат.

Ошентип, Бейтабий интеллекттин адамдын адеп-ахлактык эволюциясындагы ролун **абийирдин күзгүсү жана катализатору** катары аныктоого болот. Ал жакшылыкты жаратпайт, бирок аны аракетке чакырат; нормаларды формулировкалабайт, бирок аларды кайра карап чыгууга мажбурлайт; адамды алмаштырбайт, бирок анын адамгерчилигин андалган кылат. Жана эгер технологиялар качандыр бир кемчиликсиздикке жетсе, анда бул кемчиликсиздик жөнөкөй акыйкаттын жаркыраган фону гана болот: **адамды адам кылган акыл-эс эмес, абийир.**

Бөлүштүрүлгөн Интеллект Шартындагы Жоопкерчилик

Бейтабий интеллекттин өнүгүшү жөн гана жаңы технологияларды эмес, **ой жүгүртүүнүн жаңы формасын** – таанып-билүү, аракет жана контролдоо бир субъектке таандык болбой калган **бөлүштүрүлгөн акылды** жаратты. Алгоритмдер жамааттык маалыматтарга негизденип чечим кабыл алат, системалар өзүн-өзү үйрөтөт, ал эми адам көп учурда чынжырдагы бир гана шилтемеге айланат. Бул заманбап философтор жана технология этиктери **accountability gap** – **"жоопкерчилик ажырымы"** деп атаган абалды түзөт.

Мурда моралдык тандоо дайыма **инсанга** байланыштуу болгон. Жоопкерчилик өз аракеттерин андаган жана алардын кесепеттерин кабыл алган **субъектти** болжолдогон. БИ доорунда жоопкерчилик барган сайын **бөлүштүрүлгөн** болуп калууда – иштеп чыгуучу, колдонуучу, корпорация, мамлекет жана системанын өзү арасында. Бирок катышуучулар канчалык көп болсо, жеке катышуу ошончолук аз болот. Жоопкерчиликтин көптүккө **эрий** кетүү коркунучу пайда болууда.

Социалдык мааниде бул **алгоритмдик анонимдүүлүк** феноменинде көрүнөт: чечимдерди "эч ким" жана "бардыгы бир убакта" кабыл алат. Сот статистикалык моделге таянып өкүм чыгарганда; кредиттик система адамды санариптик профиль

боюнча баалаганда; тармак кылмыш тобокелдигин болжолдогондо – суроо туулат: **конкреттүү адамдын тагдыры алдында моралдык милдетти ким так аткарат?**

Ханс Йонастан баштап, жоопкерчилик философиясы эскерткен: **күч канчалык чоң болсо, милдет ошончолук жогору**. Технологиялар доорунда бул, БИнин өнүгүшү юридикалык гана эмес, **экзистенциалдык** жоопкерчиликти түшүнүүнү талап кылат дегенди билдирет. Адам мындан ары өз иш-аракеттеринин кесепеттерине реакция кылуу менен чектелбейт – ал аларды **ойлоп табуу баскычында** эле алдын ала көрүшү керек, анткени санариптик чечимдер миллиондогон нускада кайталанат. Алгоритмдеги ар бир ката – бул жеке ката эмес, **системалык деформация**.

Бул шарттарда этиканын жаңы формасы – **алдын ала көрүүчү жоопкерчилик (proactive responsibility)** жаралууда. Ал жасалган үчүн күнөөгө эмес, **мүмкүн болгон жөнүндө кам көрүүгө** негизделген. Бул **келечекке багытталган** жоопкерчилик, ал моралдык фантазияны жана кесепеттери келе электе көрө билүү жөндөмүн талап кылат.

Бейтабий интеллект, парадоксалдуу угулганы менен, философияны кайрадан **зарыл** кылууда: ал адамга рационалдуу гана эмес, **адеп-ахлактык** ой жүгүртүү милдетин кайтарат. Заманбап технологиялар, күзгү сыяктуу, адамдын жетилгендигинин өлчөмүн көрсөтөт: **техника өзү кооптуу эмес, абийири менен байланышын жоготкон жоопкерчиликсиз акыл-эс кооптуу**.

Ошентип, БИ доорундагы жоопкерчилик жеке сапат болуудан калып, **жашоонун универсалдуу шартына** айланууда. Ал системалардын архитектурасына (ethics by design) гана эмес, **аң-сезим маданиятына** да орнотулушу керек. Жана эгер адам ар бир технология анын эркинин уландысы экенин андаса, анда дал ушул андоодо анын чыныгы **кадыр-баркы** камтылган.

Жыйынтык

Аң-сезим жана жоопкерчилик – бул бир реалдуулуктун

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

эки жагы: андоо алсыраган жерде, милдет сезими да жоголот. Бейтабий интеллект, ички тажрыйбадан ажыраган, абийирге да, күнөөгө да жөндөмсүз. Бирок дал ушунусу менен ал адамга аң-сезимдин маңызын кайрадан эскертет: ал жөн гана билим эмес, **адеп-ахлактык катышуу**, жакшылык менен жамандыктын, акыйкат менен ыңгайлуулуктун, маани менен пайданын ортосундагы чекти кармап туруу жөндөмү.

Заманбап дүйнө адам менен машинанын ортосундагы эмес, **андалгандык менен жоопкерчиликсиздиктин** ортосундагы тандоонун алдында турат. Эгер техника бизди эмгектен бошотсо, ал ошону менен бизди чонураакка – **абийир эмгегине** милдеттендирет. БИ эсептөөнү өзүнө алат, бирок жоопкерчиликти ала албайт. Бул миссияны өткөрүп берүү мүмкүн эмес, анткени ал – **адамдын ички болмушунун формасы**.

Философиялык мааниде жоопкерчилик – бул реакция эмес, **өзүн-өзү катыштыруу актысы**: мен өз билимимдин кесепеттери менен байланыштуу экенимди моюнга алуу. Бул **"эркин зарылчылык"** – милдет тышкы мажбурлоо болуудан калып, ички жетилгендиктин туюнтулушуна айланган абал. Бейтабий интеллект доорунда дал ушул абал алгоритмдик рационалдуулукка рухий каршы салмак катары сакталышы керек.

Жоопкерчиликке жөндөмүн жоготкон аң-сезим **симуляцияга** айланат. Бирок өзүнүн алсыздыгын андаган аң-сезим – **жаңы этиканын булагы** болуп калат. Балким, ХХI кылымдын философиясынын башкы милдети – машиналарды ой жүгүртүүгө үйрөтүү эмес, **адамга өз ой жүгүртүүсүнүн өлчөмүн сезүү жөндөмүн кайтаруу**.

Ошентип, Бейтабий интеллект доору адамды жокко чыгарбайт, тескерисинче, анын **дагы да чонураак катышуусун** талап кылат. Жоопкерчилик жөн гана моралдык түшүнүк эмес, **жашоо ыкмасына** айланат. Жана эгер адам андалгандыкты милдеттин формасы катары, ал эми милдетти – сүйүүнүн формасы катары сактай алса, анда жеткилең алгоритмдер да

тагдыр эмес, жөн гана **курал** бойдон калат.

«**Уңгу жол**»: **Адеп-Ахлактын Улуттук Башатына Карай Жол**

Заманбап адам доорлордун чегинде турат – рухий мурас менен технологиялык келечектин ортосунда. Бул географиялык же убактылуу чек эмес, **онтологиялык** чек – маани менен ылдамдыктын, терендик менен үстүртөнүктүн, болмуш менен агымдын ортосунда. Биз жашаган дүйнө тамырын барган сайын тез жоготуп, аларды маалымат агымдары, алгоритмдер, симуляциялар – эс-тутумсуз жана жүрөксүз белгилер менен алмаштырууда. Санариптик маданият түшүнүксүз билимдин, катышсыз байланыштын, рухтун катышуусуз болмуштун **иллюзиясын** жаратууда.

Адамдын акылы **универсалдуу** болуп, анын ой жүгүртүүсү – **глобалдык**, анын тили – **санариптик** болуп калды. Бирок бул универсализм менен кошо коркунучтун жаңы формасы келет: абийир барган сайын **локалдык** болуп, маданий эс-тутум, салт, тарбия, тил менен чектелүүдө. Адам технологиялар аркылуу дүйнө менен канчалык көп байланышса, **адамгерчиликтин башаты** – ар-намыс, боорукердик, жоопкерчилик өсүп чыккан ошол ички тамыр менен байланышты жоготуу коркунучу ошончолук тереңдейт.

Акыл-эс менен тамырдын – универсалдуу менен жекенин ортосундагы бул байланыш философторду дайыма тынчсыздандырган. Платон ар бир билим **эстөө (anamnesis)** деген. Жан акыйкатты эстейт, анткени ал бир кезде анын жарыгында жашаган. Ошол сыяктуу эле, эл өзүнүн рухий тамырын – өзүнүн **уңгусун** – рухтун баштапкы булагына кайтуу менен эстейт. Хайдеггер адам жөн гана ой жүгүртүүчү жан эмес, **жашаган жан**, болмуштун үйүн издеген жан деп жазган. **Уңгу жол** – дал ушул үйгө кайтуу жолу: географиялык жерге эмес, адам кайрадан өзү болгон **ички мейкиндикке**.

Кыргыз философиялык салтында бул башат **уңгу** деген сөз менен белгиленет – бул **негиз, терендик, болмуштун тамыры** дегенди билдирет. Бул жөн гана метафора эмес, **бүтүндөй дүйнө таанымдын** туюнтулушу: өскөн нерсенин баары таянычка ээ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

болушу керек; жашаган нерсенин баары кайдан жаралганын эстеши керек. **Уңгу** – бул өткөн эмес, **эс-тутум**; форма эмес, **жашоонун булагы**. Анда улуттук абийирдин – **абийирдин** энергиясы топтолгон, ал маданиятты таанымал гана эмес, адеп-ахлактык жактан **өзүн-өзү жетиштүү** кылат.

Мындан «**Уңгу жол**» – тамырга карай жол деген сөз айкашы келип чыгат: бул артка кетүү эмес, архаикага кайтуу эмес, **тереңдикке көтөрүлүү**. Бул артка эмес, **ичке** – адам рух менен акыл-эстин, прогресстин ылдамдыгы менен ички дүйнөнүн тынчтыгынын ортосундагы тең салмактуулукту тапкан жерге карай жол. **Уңгу жол** – бул адеп-ахлактын улуттук башатына, адамды жана элди өзгөрүүлөрдүн дүрбөлөңдүү агымында бөлүнүп кетүүдөн кармап турган рухтун **жандуу негизине** багытталган рухий күч-аракет.

Бүгүнкү күндө, адамзат көз ирмемдердин ыргагында жашап жатканда, бул жол өзгөчө актуалдуулукка ээ болууда. Технологиялык цивилизация адамга ыңгайлуулукту сунуштайт, бирок андан **өлчөм сезимин** алат; маалымат берет, бирок **маани сезимин** алсыратат. Кант "адамга үстүндөгү жылдыздуу асман жана ичиндеги моралдык мыйзам берилген" деп жазган – бирок баары алгоритмге баш ийген дүйнөдө, жылдыздар экрандар менен, ал эми абийирдин мыйзамы – **код** менен алмаштырылууда.

Мындай кырдаалда **Уңгу жол** жөн гана философиялык идея эмес, **жашоонун адеп-ахлактык багыты** болуп калат. Ал эскертет: **тамырсыз прогресс – багытсыз кыймыл, абийирсиз билим, эс-тутумсуз келечек**.

Николай Бердяев белгилегендей, рухий борборсуз эркиндик **өзүм билемдикке** айланат. Дал адеп-ахлактык тамырдан азыктанган рух чыныгы өнүгүүнү мүмкүн кылат. Анткени ал гана адамды машинанын кошумчасына айлануудан, ал эми коомду "жүрөксүз системага" деградациялануудан кармап тура алат.

Уңгу жол – бул элдин чыныгы күчү технологиялардын санында эмес, **анын рухунун тереңдигинде** экенин эскертет.

Тамыр унутулган жерде, адеп-ахлак негизин жоготот; тамыр жандуу жерде, абийир заманбап цивилизациянын эң татаал жолдорун да жарык кылган **нурга** айланат. Ошентип, адам кайрадан жөн гана акыл-эске эмес, **мааниге** – жөн гана билимге эмес, санариптик дүйнөдө адамгерчиликти мүмкүн кылган **рухтун демине** ээ болот.

Уңгу Рухий Борбор Катары

Ар бир элдин түпкүрүндө анын өткөнүн, азыркысын жана келечегин бирдиктүү рухий мейкиндикке бириктирген **ички өзөк** бар. Бул өздөктү көрүүгө, өлчөөгө же формалдаштырууга болбойт – ал жүрүм-турумда, тилде, эс-тутумда жана абийирде көрүнөт. Кыргыз ой жүгүртүүсүндө мындай өзөк **уңгу** болуп саналат – адеп-ахлактык болмуштун бузулгус өзөгү, ал элди дүйнөдө кармап турган, аны доордун өзгөрүүлөрү жана азгырыктары арасында эрип кетүүгө жол бербеген нерсе.

Уңгу – бул жөн гана тамыр эмес, адамдын аң-сезими айланган **рухий ок**. Анда көрүнгөн менен көрүнбөгөндүн, сөз менен унчукпай туруунун, билим менен ишенимдин ортосундагы **гармония** бар. Мартин Хайдеггер жазгандай, адам жөн гана жашабайт, ал **мекендейт** – ошондуктан болмуштун үйүнө, рух өзүн коопсуз сезген мейкиндикке муктаж. **Уңгу** – дал ушул үй, адам өзүн-өзү тааныган ошол **көрүнбөгөн ички архитектура**. Адам бул үйдү жоготкондо, ал өз акылынын кожоюну болуудан калат: ал ой жүгүртөт, бирок ойдо жашабайт; билет, бирок билимди баштан өткөрбөйт.

Кыргыздардын салттуу дүйнө таанымында адам автономдуу инсан катары эмес, **жандуу бүтүндүн** – уруунун, жердин, асмандын, жаратылыштын бөлүгү катары түшүнүлгөн. Дал **уңгу** бул байланышты камсыз кылган. Ал иш-аракеттерге өлчөм койгон, эркиндик менен жоопкерчиликти, кадыр-барк менен момундукту тең салмакта кармаган. Бул мааниде **уңгуну маданияттын жүрөгү** деп атоого болот, ал элдин аң-сезимин жаңы доорлор каптаганда да согуп турат. Ал рухий демди – **уруттук демди** азыктандырат жана жашоонун ар бир формасын мааниге толтурат. Бул борборсуз ар кандай цивилизация

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

тышкы болуп калат: ал ызы-чуу салат, бирок үн чыгарбайт; кыймылдайт, бирок жашабайт.

Платон жанды "жакшылык жөнүндөгү эс-тутум" деп атаган. Өз башатын эстеген жан сыяктуу, эл да өзүнүн **уңгусун** эстейт. Бул өткөн жөнүндөгү эс-тутум эмес, эч качан жоголбогон, бирок унутулган нерсеге кайтуу. Мындай кайтуу актысын **рухтун anamnesisi** – болмуштун баштапкы маанисин эстөө деп атоого болот. Ал аркылуу адам кайрадан өзүн гана эмес, **дүйнөнүн өлчөмүн** да табат.

Санариптик чөйрөгө чөккөн заманбап адам үчүн **уңгу** философия **антропологиялык якорь** деп атаган нерсеге – ички туруктуулук чекитине айланат. Маалыматтын күчү канчалык күчөсө, рухий иденттүүлүк жөнүндөгү суроо ошончолук курчуйт. **Уңгусун** жоготкон адам эс-тутумду гана эмес, **багытты** да жоготот: ал баарын билет, бирок эмне үчүн экенин билбейт; ой жүгүртүүгө жөндөмдүү, бирок маанини сезүүгө жөндөмсүз. Мамардашвили аң-сезим жөн гана билим эмес, "түшүнүүнүн оорусу", мааниге карата ички сезимталдык деген. **Уңгуну** жоготуп, адам бул жөндөмдү жоготот – акылдуу, бирок **дүлөй** болуп калат.

Мирча Элиаде ар бир эл үчүн **тамыр (башат)** маанинин бүт космологиясы курулган **сакралдуу борбор, axis mundi** экенин белгилеген. Бул борборду жоготуу – мейкиндикте эмес, **болмушта** багытты жоготууга алып келет. Ошондуктан **уңгуга** кайтуу – убакыттагы кыймыл эмес, жердик менен рухийдин ортосундагы **байланышты калыбына келтирүү**. Ал маданият маалыматтын горизонталдуулугунда бөлүнүп кетүүсүз мүмкүн болбогон **ички вертикалды** кайра жандантат.

Уңгу – бул билим менен абийирдин ортосундагы ажырымга жол бербеген **эс-тутум этикасы**. Анда окуялар жөнүндөгү эмес, **рухтун абалы** жөнүндөгү эс-тутум сакталат. **Уңгу** аркылуу маданият нускамаларды эмес, **тажрыйбаны** – үйрөнүүгө мүмкүн болбогон, бирок сезүүгө мүмкүн болгон нерсени өткөрүп берет. Дал ошондуктан кыргыз рухий салтында даанышмандык эч качан теорияга айланган эмес – ал жашоо

образы, жүрөктүн ыргагы, ички туруктуулук болгон. **Даанышмандык окутулган эмес – аны менен дем алышкан.**

Адам өзүнүн **уңгусуна** кайрылганда, ал өткөнгө качпайт – ал келечек үчүн **таяныч** издейт. Бул артка эмес, **башталышка**, жакшылык менен адилеттүүлүк али идеологияга жана кызыкчылыкка бөлүнө элек **баштапкы булакка** кайтуу. Бул мааниде **уңгу** – бул акыл-эс менен абийир бири-бирине каршы турбастан, **биримдикти** түзгөн ички тең салмактуулуктун формасы.

Заманбап цивилизация тышкы ырым-жырымдардын көптөгөн формаларын жоготту, бирок дал ошондуктан ал рухтун **ички ырым-жырымына** – өзүнүн **уңгусун** андоого кайтышы керек. Бул кайтуу илимден же технологиялардан баш тартууну талап кылбайт; тескерисинче, ал аларды **маанилүү** кылат. Анткени өз тамырын билген адам гана прогресстин жемиштерин өзүн-өзү жок кылбастан колдоно алат.

Бердяев жазгандай, "маданият – бул **рухтун материядагы ачылышы**". Рух материяны таштап кеткенде, ал маанисиз техникага айланат. Ошондуктан **Уңгу жол** – рухий борборго карай жол – бул жөн гана маданий долбоор эмес, **адеп-ахлактык өзүн-өзү бекитүүнүн философиясы**. Бул ички таянычка карай аңдалган кыймыл, ансыз эң күчтүү интеллект да багытсыз күчкө айланат.

Уңгу – бул сөз жаралган **тынчтык**; абийир өсүп чыккан **тереңдик**; эркиндикти азыктандырган **тамыр**. Жана адам бул ички ыргакты уга алганга чейин, ал адам бойдон калат – акыл-эстин функциясы эмес, **рухтун жарыгын алып жүргөн жан**. Ошентип, **уңгу** жөн гана улуттук метафора эмес, болмуштун **универсалдуу категориясына** айланат – ансыз эл да, адамзат да жашай албаган **акыйкаттын рухий эквиваленти**.

Улуттук Дем – Тамырдын Деми

Эгер **уңгу** – бул тереңдик болсо, анда **улуттук дем** – бул ошол тереңдиктин **деми**, анын сөздөгү, иш-аракеттеги, элдин жүрөгүндөгү **жандуу көрүнүшү**. Кыргыз тилиндеги **дем** сөзү жөн гана дем алууну эмес, **турмуштук күчтү**, жандуу нерсенин

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

баарын – баланын деминен баштап, булуттарды жылдырган шамалга чейин – бириктирген көрүнбөгөн **энергияны** билдирет. Бул адам жана эл денелик гана эмес, **рухий** да дем алган нерсе.

Улуттук дем – бул элдин **абийиринин** деми, анын жакшылык менен жамандыкты, ар-намыс менен уятты, кадыр-барк менен жоопкерчиликти сезе билүү жөндөмү. Бул ураан, декларация же идеология эмес. Бул ырларда жана дастандарда, сөзгө жана улууларга болгон урматтоодо, жерге жана ата-бабалардын элесине болгон таазимде жаңырган **рухтун ички дирилдөөсү**. Ар бир муунда бул дем ар кандай угулат, бирок анын ыргагы түбөлүк бойдон калат: ал – **улут жашаган пульс**.

Философ Анри Бергсон жашоону "үзгүлтүксүз чыгармачыл умтулуу" (**élan vital**) деп атаган, ал жандууну механикалыкка каршы койгон ички кыймылдын булагы. Ошол сыяктуу эле, **улуттук дем** – бул элдин рухунун **турмуштук умтулуусу**, анын тереңдик менен байланышын жоготпостон, жаратууга жана жаңыланууга болгон жөндөмү. Технологиялар түз сызык боюнча кыймылдаса, рухтун деми **спираль** боюнча кыймылдайт – башатына кайтып келип, ал жаңыны жаратат.

Сырткы жашоо формалары ички маанилерге караганда тезирээк жаңыланган өзгөрүүлөрдүн тез доорунда, **улуттук дем** аң-сезимдин бузулушуна **адеп-ахлактык каршы салмакка** айланат. Ал адамга маалымат дүйнөсүндө эрип кетүүгө жол бербейт, эскертет: **адам деми барда тирүү, ал эми эл руху жаңырып турганда жашайт**.

Санариптик доор жаңы ыргактарды – тездетилген, фрагменттүү, үстүртөн – жаратат. Ал көңүл бурууну талап кылат, бирок ой жүгүртүүгө убакыт бербейт. Дүйнө өлчөнүүчү болуп калды, бирок **сезүүгө** мүмкүн эмес. Өлчөм дем менен кошо жоголот.

Бул жерде **улуттук демдин** мааниси жогорулайт: ал адамга **ички тынчтыктын ыргагын**, ой жүгүртүүнү, боорукердикти жана маанини мүмкүн кылган **демди** кайтарат. Философ Мераб Мамардашвили "жашоо – бул көңүл буруу" деген. Ал эми көңүл буруу – бул да дем алуунун формасы,

катышуу ыкмасы. **Рухтун демин** жоготкон адам дүйнөгө көңүл бурбай калат, ал катышуусуз, ички "бул жерде жана азыр" сезимсиз жашайт.

Бул дем – өткөн эмес, **түбөлүктүү азыркы**. Ал муундарды бириктирет, убакытты байланыштырат, адамды узак рухий чынжырдын катышуучусу кылат. Анда эс-тутум архив катары эмес, **катышуу энергиясы** катары жашайт. Ошондуктан **улуттук демди** элдин **моралдык атмосферасы** деп атоого болот: бул анын идеалдары, мүнөзү, адамгерчиликке болгон жөндөмү калыптанган көрүнбөгөн талаа.

Рухтун деми жок эл өндүрө алат, бирок **жарата** албайт; аман кала алат, бирок **жашай** албайт. Дем алсыраганда, маданият сөздүн күчүн, искусство – тереңдигин, илим – маанисин, дин – жарыгын жоготот. Баары ички отсуз формага айланат. Ошондуктан **улуттук демге** кайтуу – бул жөн гана улуттук идея эмес, **рухий өзүн-өзү сактоо актысы**.

Философ Виктор Франкл адам азапта да маанини көрө алганга чейин тирүү деп ырастаган. Ошол сыяктуу эле, эл анын деми – **улуттук дем** – тарыхтын сыноолору аркылуу да маани алып жүргөндө жашайт. Франкл маанини "рухтун абасы" деп атаган; кыргыз ой жүгүртүүсүндө бул аба адамды анын адеп-ахлактык горизонту менен бириктирген **дем** болуп калат.

Заманбап технологиялар дем алууну ыргак менен, жүрөктү – механизм менен, абийирди – код менен алмаштырууга умтулат. Бирок дем алган нерсени **программалоого** болбойт. **Улуттук дем** – бул жаратылган нерсе эмес, **колдоого алынган нерсе**: сүйүү, көңүл буруу, башатка берилгендик менен. Бул демди машинага өткөрүп берүү мүмкүн эмес – ал адам аркылуу гана, анын башкалардын оорусун жана кубанычын сезүү жана бөлүшүү жөндөмү аркылуу өткөрүлүп берилет.

Философ Альбер Камю: "Адам болуу – жоопкерчиликтүү болуу" деп жазган. **Улуттук дем** – дал ошол **жоопкерчиликтин деми**, ал адамды адам кылган, ал эми элди – өзүнүн **абийири** кылган нерсе.

Бул мааниде **улуттук дем** – элдин **чагылдырылган**

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

гуманизми. Ал абстракттуу формулаларда эмес, **конкреттүү иш-аракеттерде** көрүнөт – жардам берүүгө даярдыкта, карыларды урматтоодо, балдарга кам көрүүдө, жерге таазим кылууда. Бул жаңсоолордун баары – эл өзүнүн адеп-ахлактык саламаттыгын сактаган **жандуу дем алуунун формалары**.

Улуттук дем – бул адамдагы элдин үнү жана элдеги адамдын үнү деп айтууга болот. Ал жеке абийирди жамааттык эс-тутум менен, жекени жалпы менен, көз ирмемди түбөлүктүүлүк менен бириктирет. Адам бул ички ыргакты укканда, ал жалгыз болуудан калат: ал өз эли менен бирге дем алат, ал эми эл – аны менен бирге.

Ошентип, **Уңгу жол** – тамырга карай жол – **дем алууга карай жол** болуп калат. **Уңгуга** кайтуу – кайрадан дем алуу, акыл-эс менен гана эмес, **рух** менен да жашап жатканыңды сезүү дегенди билдирет. Бул дем – дал ошол **адеп-ахлактык кайра жаралуунун башталышы**: эл кайрадан абийир менен дем алууну үйрөнгөн жерде, келечекке болгон коркунуч жоголот.

Уңгу Жол жана Абийир Философиясы

Эгер **уңгу** – бул тамыр, ал эми **улуттук дем** – бул дем алуу болсо, анда **абийир** – бул алардын тереңдигинде жаралган **үн**. Ал жөн гана жакшылык менен жамандыкты айырмалоочу жеке жөндөм эмес, **адамдагы элдин ички резонансы**, рухий коддун инсандын аң-сезиминдеги чагылышы. **Абийир** – бул **уңгу** адамда сүйлөгөн, ал эми адам өз элинин рухуна жооп берген нерсе.

Философиялык салтта абийир **универсалдуу категория** катары каралган – бардык убакыттар жана маданияттар үчүн бирдей болгон ички өлчөм. Иммануил Кант аны адамдын үстүндөгү жылдыздуу асман сыяктуу түбөлүктүү болгон **ички мыйзам** деп атаган. Бирок **Уңгу жолдун** контекстинде абийир абстракттуу-категориялык эмес, **улуттук-экзистенциалдык** өлчөмгө ээ болот: ал жөн гана принцип эмес, **маданий эс-тутумдун жандуу туюнтулушу**, элдин жүрөгүндө кылымдар бою калыптанган ошол рухий сезимталдык.

Кыргыз салты дайыма абийирди **кадыр-барк (нарк)** жана

адамгерчилик (адамдык) менен байланыштырган. **Абийирдүү адам** – бул жөн гана эрежелерди сактаган адам эмес, өз болмушунун **өлчөмүн** сезген, өзүндө да, дүйнөдө да гармонияны бузууга жол бербеген адам. Абийир – бул мыйзам эмес, **ички тең салмактуулуктун деми**: ал жазалабайт, эскертет; көзөмөлдөбөйт, багыттайт. Бердяев: "Абийир – бул тышкы мажбурлоонун формасы эмес, **ички эркиндиктин актысы**" деп жазган. Ошол сыяктуу эле, **Уңгу жолдогу** абийир – бул жазадан коркуу эмес, рух менен ооздукталган **эркиндикке болгон жөндөм**.

Абийир жеке жана жамааттыкты, рухий жана рационалдууну, улуттук жана универсалдууну бириктирет. Ал – салт менен заманбаптын ортосундагы **көпүрө**. Адам дүйнө тилдеринде сүйлөй алат, илим категориялары менен ой жүгүртө алат, бирок өзүнүн абийиринин үнүн – **уңгунун** тереңинен келген ошол акырын, бирок өжөр чакырыкты укканда гана адеп-ахлактык жан бойдон калат. Хайдеггер бул ички чакырыкты адамды унутулуудан чыгууга чакырган **"болмуштун үнү"** деп атаган. Абийир – дал ошол чакырык: биздин рухий тегибизди, билим да, машина да алмаштыра албаган нерсени эскертүү.

Абийир – бул ички байланыштын формасы, ошондой эле **жоопкерчиликтин формасы**. Ал адамды **өзүн-өзү чектөөгө** – алгоритм да, Бейтабий интеллект да билбеген нерсеге – жөндөмдүү кылат. БИ иш-аракетти болжолдой алат, бирок анын моралдык салмагын түшүнүүгө жөндөмсүз. Абийир болсо натыйжаны эмес, **маанини**; эффективдүүлүктү эмес, **адилеттүүлүктү** сезет. Виктор Франкл: "Жашоо – бул биз өз жашообузга берген маани үчүн жоопкерчиликтүү болуу" деп жазган. Бул мааниде абийир – бул **адам интеллектинин жогорку формасы**, маалыматтар менен өлчөнбөгөн жана программалоого мүмкүн болбогон.

Адам абийирди жоготкондо, ал **уңгу** менен, өз болмушунун рухий тамыры менен байланышын жоготот. Ал кыймылдай, сүйлөй, иштей берсе да, **тирүү болуудан калат**. Сартр адам "эркин болууга өкүм кылынган" деген – бирок

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

абийирсиз эркиндик **тунгуюкка** айланат. Технологиялык цивилизация бизди дал ушул чекте сынайт: машиналарыбыз канчалык жеткилең болсо, рухий тереңдик жөнүндө унутуу азгырыгы ошончолук күчөйт. Бирок **Уңгу жол** эскертет: ичке карабай алдыга басууга болбойт. **Абийирсиз прогресс – башаламандыкка айланат; адеп-ахлаксыз билим – муздак куралга; рухсуз интеллект – рухий боштуктун формасына.**

Абийир – бул **күзгү, тамыр жана дем** бир эле учурда. Анда адам өз элинен алып жүргөн нерсенин баары жана өз иш-аракеттери аркылуу аларга кайтарган нерсенин баары чагылдырылат. Ал ички дүйнөнү тышкы дүйнө менен, өткөндү келечек менен, адамды адамзат менен бириктирет.

Мераб Мамардашвили абийир – бул билим эмес, **аң-сезимдин иши**, анын "тынчтыкты угуу" жөндөмү деген. Чынында эле, абийир – бул **уңгунун тынчтыгын**, ызы-чууга толгон дүйнөдө рухтун демин угуу жөндөмү.

Айтууга болот: **Абийир – бул рухтун универсалдуу тили, ал эми Уңгу жол – аны кайрадан угууну үйрөнүү жолу.** Ошондуктан абийир философиясы – абстракттуу теория эмес, адамдын кандай аракет кыларын гана эмес, дүйнөдө өзүн кандай сезээрин жана түшүнөөрүн аныктаган **улуттук ой жүгүртүүнүн формасы**. Абийир – бул юридикалык мыйзам эмес, жанды бөлүнүп кетүүдөн кармап турган **адеп-ахлактык музыка**.

Адам **Уңгу жол** менен баратканда, ал бул музыканы угуу жөндөмүн кайтарып алат. Ал акыл-эс менен гана жашоодон калып, кайрадан **рух менен дем алууну** үйрөнөт. Абийирге кайтуу прогресстен баш тартууну билдирбейт; тескерисинче, ал прогрессти **адамкерчиликтүү** кылат. Анткени абийирсиз келечек – жөн гана тездетилген кулоо, ал эми абийир кыймылды **жолго** айлантат.

Ошентип, **Уңгу жол** жөн гана метафора эмес, **улуттук өзүн-өзү андоону жана универсалдуу этикалык мыйзамды** бириктирген адеп-ахлактын практикалык философиясы болуп калат. Абийир аркылуу эл эстеп гана тим болбостон, дүйнөнү андагы адамдык нерсени бузбастан **өзгөртүү** жөндөмүнө ээ

болот.

«Уңгу жол» жана Бейтабий Интеллект Доору

Заманбап дүйнө технологиялар адамдын физикалык гана эмес, интеллектуалдык, ал тургай **моралдык** функцияларын аткара баштаган фазага кирди. Бейтабий интеллект анализдей, болжолдой, чече алат – бирок **угууга** жөндөмсүз. Ал ички жооп кайтаруусуз, оорусуз жана боорукердиксиз, адамдык түшүнүү жаралган ошол **рухий тыныгуусуз** аракеттенет.

Бул мааниде БИ доору – бул жөн гана технологиялык эмес, **адеп-ахлактык-антропологиялык бурулуш**, мында адамзат кайрадан өзүнө суроо берүүгө мажбур: **адамды адам кылган эмне? Уңгу жол – улуттук дем** концепциясы бул суроого ачыкты сунуштайт. Ал чыныгы өнүгүү тышкы инновациядан эмес, **тамырга ички кайтуудан** башталат деп ырастайт.

БИ акыл-эстин мүмкүнчүлүктөрүн кеңейте алат, бирок **рух жашаган ошол демди (дем)** алмаштыра албайт. Машина ой жүгүртөт – **адам сезет**; машина чечет – **адам айырмалайт**; машина маалыматтарды иштетет – **адам эс-тутумду сактайт**. Жана бул эс-тутум – архив эмес, адеп-ахлактык сезим өсүп чыккан **тамырдын – унгунун жандуу уландысы**.

Фрэнсис Бэкон да XVII кылымда билимдин күчү жакшылыктын күчү менен бириктирилиши керек деп эскерткен:

"Күч үчүн билимге умтулган адам өзүн-өзү жок кылат".

Бүгүнкү күндө анын сөздөрү жаңы мааниге ээ болууда – анткени **алгоритмдерде чагылдырылган билим, эгер анда абийирдин деми жок болсо, кооптуу болуп калат**.

Технологиялар автономдуу болгондо, адам бул тамырды жоготуу коркунучуна дуушар болот – жаратуучудан колдонуучуга, сактоочудан – керектөөчүгө айланууга. Бирок **Уңгу жол** эскертет: өткөндү сезбей туруп, келечекти курууга болбойт; рух жоголсо, акыл-эске ээ болууга болбойт.

БИ адамзат өз мурасына кандай мамиле кылып жатканынын **күзгүсү** болуп калат. Эгер тамыр кесилген болсо – алгоритм боштуктун муздак чагылышына айланат. Эгер адам

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

рухий салт менен байланышты сактаса, технологиялар анын гуманизминин уландысы боло алат. Ошентип, **Унгу жол** Бейтабий интеллектке каршы турбайт – ал ага **өлчөм, чек** коёт, анын чегинде техника адамдын ордун баспастан, кызмат кыла алат.

Ханна Арендт техниканын чыныгы коркунучу машиналардын өзүндө эмес, **адам өз иш-аракеттеринин кесепеттери жөнүндө ой жүгүртүүдөн калганында** деп жазган. **Абийир** – бул ой жүгүртүүнү аракетке, ал эми жоопкерчиликти – билимге кайтарган өлчөм.

Бул байланышта абийир эки системанын тең борбордук түшүнүгү болуп калат: технология үчүн ал – **түшүнүксүз категория**, адам үчүн – билим менен даанышмандыктын ортосундагы тең салмактуулукту кармап турган **ички мыйзам**. БИни категорияларды айырмалоого үйрөтүүгө болот, бирок аны **уятка, күнөөгө, боорукердикке** – коддо эмес, маданиятта калыптанган рухтун ошол эң ичке абалдарына – үйрөтүү мүмкүн эмес. Ал эми маданият **унгудан** – элдин терең эс-тутумунан, анын мифтеринен, ырларынан, символдорунан, дубаларынан, адамгерчиликти сактаган ошол **демден** азыктанат.

Виктор Франкл: "Этикасыз технология адамды **каражатка** айлантат" деп жазган. Бирок **маани** дайыма рухтан жаралат, эсептөөдөн эмес. Ошондуктан санариптик доордогу **Унгу жол** – бул өткөнгө кайтуу эмес, **ок, рухий өзөктү** калыбына келтирүү, ансыз билим багытын жоготот. Бул ок – **абийир**, ал адамды өз башаты менен бириктирет жана аны алдыга багыттайт. Абийир технологиялык дүйнөдө гуманизмди мүмкүн кылат, анткени ал аракетти маани менен, күчтү – жоопкерчилик менен, билимди – жакшылык менен байланыштырат.

БИ, маңызы боюнча, адамзатты бул тең салмактуулукту сактоо жөндөмү үчүн сынайт. Ал адеп-ахлакты бузбайт, бирок аны **тунук** кылат: эгер абийир алсыраса – алгоритм муну чечимдердеги адилетсиздикте, эмпатиянын жоголушунда, адамдын функцияга айланышында дароо ачыкка чыгарат.

Юваль Харари "Homo Deus" китебинде ХХI кылымдын

башкы чакырыгы – машиналарды ойлонууга үйрөтүү эмес, **адамда сезүү жөндөмүн сактоо** деп жазган. Дал ушул нерсе **Уңгу жол** философиясын – тамыр философиясын, ал машиналар дооруна **демди** кайтарган философияны актуалдуу кылат.

Кыргыз рухий салтында бул андоо демдин символу аркылуу туюнтулган: **адам аба менен гана эмес, өз элинин руху менен дем алганда тирүү**. Ошол сыяктуу эле, цивилизация анын технологиялары **абийир менен дем алганга чейин** жашайт. Дем токтогондо – баарын эсептөөгө мүмкүн болгон, бирок эч нерсени сезүүгө мүмкүн болбогон **жансыз машиналар доору** келет.

Ошондуктан XXI кылымда **Уңгу жол** боюнча кыймыл – бул ретроспекция эмес, **моралдык өзүн-өзү коргоонун активдүү формасы**: үстүртөн тарабынан бузулбоо үчүн **тереңдикке кайтуу**. Бул рух санариптик мейкиндикке киргенде да өз тамырын сактаган жол; улуттук этика глобалдык гуманизмдин негизи болуп калган жол.

Мераб Мамардашвили: "Адамга акыл-эс билүү үчүн эмес, **түшүнүү үчүн** берилген" деген. Ошол сыяктуу эле, Бейтабий интеллект түшүнүүнүн ордун басуу эмес, **рухтун кайтып келишине себеп** болушу керек. Жана эгер адамзат өз алгоритмдерине абийирди дем ала алса, анда машиналар дүйнөсүндө да ал жүзүн жоготпостон, **өсүп чыккан тамырын** гана даана көрөт.

«Уңгу жол» Адеп-Ахлактык Келечектин Философиясы Катары

Ар бир цивилизация **рухтан** – билимди абийир менен, ал эми иш-аракетти жоопкерчилик менен бириктирген **ички демден** жаралат. Бул дем алсыраганда, маданият таянычын жоготуп, системага, ал эми адам – функцияга айланат.

XXI кылымда адамзат прогресстин ылдамдыгы түшүнүүнүн тереңдигинен ашып кеткен доорго кирди. Бейтабий интеллект бул жаңы фазанын символу болуп калды: ал акыл-эстин горизонтторун кеңейтет, бирок ошол эле учурда адамдын **рухий алсыздыгын** ачыкка чыгарат. Машина логиканы так

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

туурайт, бирок **абийирди** – ой жүгүртүүнү адамкерчиликтүү кылган ошол ички демди кайталоого жөндөмсүз.

Дал ушул жерде «**Уңгу жол – улуттук дем**» концепциясы философияга **терендик өлчөмүн** кайтарып, туруктуу келечек **тамырсыз** мүмкүн эмес экенин эскертет. **Уңгу** – бул жөн гана метафора эмес, **онтологиялык принцип**: тамыр көрүнбөгөн менен көрүнгөндү, өткөн менен азыркыны, рух менен аракетти бириктирет.

Мирча Элиаде жазгандай, "башатка ар бир кайтуу – бул өткөнгө кетүү эмес, **борборду калыбына келтирүү**". Ошол сыяктуу эле, **Уңгу жол** – бул артка эмес, **ичке** карай жол: абийир жашаган, адам өз тегин этникалык таандыктык катары эмес, **жашоо алдындагы адеп-ахлактык жоопкерчилик** катары андаган башатка. Тамырды мындай түшүнүү улуттук рухийликтен келип чыккан, бирок бүт адамзатка багытталган **жаны универсалдуу гуманизмди** калыптандырат.

БИ, тескерисинче, **кенейүү кыймылын** – акыл-эстин, эсептөөнүн, автоматташтыруунун экспансиясын чагылдырат. Ал жашоонун бардык чөйрөлөрүнө кирет, бирок сейрек маанинин негиздерине, **түпкүргө** багытталат. Ошондуктан БИнин **Уңгу жол** менен жолугушуусу – бул **терендик менен үстүртөнүктүн, рух менен коддун, абийир менен алгоритмдин** жолугушуусу. Бул жолугушуу кас эмес – тескерисинче, ал адамзат прогресстин ички жана тышкы өлчөмдөрүнүн ортосундагы тең салмактуулукту жоготпошу үчүн **зарыл**.

Өзүнүн **уңгусун** сактай алган эл, технологиялык доордо жөн гана салтты сактоочу эмес, **дүйнөлүк рухий тең салмактуулуктун булагы** бойдон калат. Кыргыздын **улуттук дем** философиялык идеясы адеп-ахлак түшүнүгүн **жандуу, дем алган, аракет кылган** кылат. Ал ырастайт: жакшылык абстракттуу боло албайт – ал адамга **демделиши** керек: тил, эстутум, искусство аркылуу, абийир күнүмдүк жашоодон ажыратылбаган маданияттын ошол көрүнбөгөн кыртышы аркылуу. БИ эсептей алат, бирок **демдете** албайт; эсептей алат, бирок **жандандыра** албайт.

Ошондуктан **дем** – эч бир технология алмаштыра албаган нерсенин символу: **дүйнөдөгү рухтун катышуусу**.

Уңгу жол философиясы салт менен инновациянын **жаңы синтезин** формулировкалайт:

- **Тамыр (уңгу)** – эс-тутум жана абийир;
- **Жол (жол)** – өнүгүү жана аңдоо;
- **Дем (дем)** – жашоо жана илхам.

Дал ушулардын биримдиги гана акыл-эс машиналык, ал эми эрк – статистикалык болуп калган цивилизациянын **рухий боштугун** алдын ала алат. Николай Бердяев жазгандай, "адамзаттын келечеги **техниканы рухий жактан жеңүүдөн** көз каранды".

Рухий тамырсыз технологиялык прогресс **багытсыз ылдамданууга** айланат. Бирок адам кайрадан билимди рух менен бириктирсе, анда алгоритмдер коркунуч эмес, **жаратууга**, бузганга эмес, **жаратууга** жөндөмдүү **этикалык акыл-эстин уландысы** болот.

Уңгу жолдун адеп-ахлактык келечектин философиясы катары мааниси дал ушунда: бул технология рухту сактоонун куралына айланган, ал эми аны сүрүп чыгаруунун эмес, **жолу**. Ошондо БИ адамды алмаштырбайт, тескерисинче, андан – анын эстеп, боорукердик кылып, айырмалап, сактоо жөндөмүнөн **үйрөнөт**.

"**Абийир жана алгоритм**" – бул эки карама-каршы полюс эмес, бир эволюциянын эки баскычы: **тышкысы – логикалык, ичкиси – рухий**. Заманбап адам бул жолдордун кесилишинде турат. **Уңгу жолду** тандоо – бул прогресске адеп-ахлактык окту аңдап кайтаруу, технологияны маданияттын уландысы, ал эми маданиятты – адамгерчиликтин булагы кылуу.

Бул өткөнгө кайтуу эмес, **тереңдикке кыймыл**, мында өткөн менен келечек **абийир актысында** жолугушат. Жана эгер адамзат өз алгоритмдерине рухту дем ала алса, анда санариптик кылымда ал жүзүн жоготпостон, **өсүп чыккан тамырын** гана даана көрөт.

«Уңгу жол» Айтматовтаануу Контекстинде

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Уңгу Айтматовдогу Рухий Эс-Тутум Катары

Айтматовдун көптөгөн чыгармаларында уңгу адамдын адеп-ахлактык болмушун азыктандырган **жандуу эс-тутум, тамыр** катары ачылып берилет. «Плаха» повестинде жаратылыш, жер, Кудай жана уруу менен болгон рухий байланыштын үзүлүшү **адеп-ахлактын бузулушунун** символу болуп калат. Каармандар аң-сезим рухтан ажыраган, ал эми иш-аракет – абийирден ажыраган дүйнөдө калышат. **Авдий Каллистратов** – жаңы доордун пайгамбары, адамзатка жоголгон **рухтун демин (улуттук дем)** кайтарууга аракет кылган адам. Анын системага каршы көтөрүлүшү – саясий акт эмес, баарын эстеген, бирок эч нерсени сезбеген дүйнөгө багытталган **абийирдин адеп-ахлактык кыйкырыгы**.

Айтматов өз тамырын унуткан адам **механикалык системалардын** – идеологиялык, социалдык, ал эми азыркы учурда технологиялык – **барымтасына** айланарын көрсөтөт. Анын образдары заманбап **«санариптик маңкурттун»** тибин алдын ала айтат – билими бар, бирок эс-тутуму жок, ой жүгүрткөн, бирок эстебеген, аракет кылган, бирок сезбеген жандыктар.

Бул идея өзгөчө терең «Кылым карытар бир күн» романында чагылдырылган. **Маңкурт** образы **эс-тутумсуздуктун онтологиялык символу**, бүткүл адамзатка эскертүү болуп калды. Маңкурт жашайт, бирок ал ким экенин билбейт; буйруктарды аткарат, бирок маанисин андабайт. Ал – **тамырсыз, демсиз, рухсуз адам**. Айтматов көрсөтөт: эс-тутумсуз абийир жоголот, абийирсиз – адамгерчилик жоголот. Бул идея **Уңгу жол** философиясы менен таң калыштуу түрдө үндөшөт, ал: **тамырын жоготкон эл өткөндү эмес, келечекти жоготот** деп ырастайт.

Абийир Айтматов Философиясынын Деми Катары

Айтматовдун дүйнөсүндөгү **абийир** – бул рухтун деми, Кудайдын жарыгынын адамдагы **катышуу формасы**. Бул тар маанидеги моралдык ахлак эмес, жүрөк менен жерди, инсанды жана элди бириктирген **болмуштун ички ыргагы**. Адам

тарыхтын бороондорунда жана бийликтин азгырыктарында өз адамгерчилигин **абийир аркылуу гана** сактай алат.

«Саманчынын жолундагы» **Толгонай** – бул абийирдин, анын аялдык, энелик башталышынын **чагылдырылышы**. Анын кайгысы – жердин кайгысы, анын унчукпай турушу – дуба. «Бороондуу бекеттеги» **Эдигей** убакыттардын чегинде – эс-тутум менен унутулуунун ортосунда жашайт. Анын маркум досу Казангапка болгон берилгендиги – **убакытка каршы адеп-ахлактык каршылык актысы**. Айтматов абийир – бул муундар ортосундагы **көпүрө**, өткөндү келечек менен бириктирген, кылымдар аркылуу өткөн **дем** экенин көрсөтөт.

Бул идея **улуттук дем** – элдин деми, рухту жандуу кармап турган анын көрүнбөгөн энергиясы менен терең дал келет. **Абийир** – дал ошол **дем**, ал адеп-ахлактык болмушту мүмкүн кылат: ал эсептебейт, **сезет**, ой жүгүртпөйт, **күбөлөндүрөт**. Айтматов муну көркөм ачылыш түрүндө туюнтат: **адам акыл-эс менен эмес, абийир менен; окуялардын эс-тутуму менен эмес, жүрөктүн эс-тутуму менен тирүү**.

Ошентип, Айтматов **Уңгу жолдун философу** катары чыгат: ал тамырга карай кыймыл – өткөнгө кайтуу эмес, **абийирге кайтуу** экенин көрсөтөт. Адам өз **уңгусуна** канчалык терең тамырласа, анын адамгерчилиги ошончолук кеңейет, башкаларды түшүнүү жөндөмү ошончолук күчөйт.

Айтматов жана Бейтабий Интеллект Доору

Бүгүнкү күндө, Бейтабий интеллект адамдын жашоосунун жаңы мейкиндигин калыптандырып жатканда, Айтматовдун образдары **пайгамбарлык мааниге** ээ болууда. Ал санариптик алгоритмдер жөнүндө билбей туруп, **манкурттар** жөнүндө сүйлөгөн; нейротармактар жөнүндө шектенбей туруп, «**өлүк акыл-эс**» жөнүндө эскерткен. Бирок анын кооптонуусу **метафизикалык** болгон: ал коркунуч машинада эмес, рухий жан болуудан калган **адамда** экенин сезген.

БИ маалыматты сактай алат, бирок **абийирди** сактоого жөндөмсүз. Ал тааный алат, бирок **түшүнө албайт**; болжолдой алат, бирок **сезе албайт**. Айтматов айтмак: **машина ооруну**

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

билбейт, демек, жашоону билбейт.

Бул мааниде анын чыгармачылыгы – жөн гана көркөм мурас эмес, **технологиялык доордун адеп-ахлактык компасы**. Ал эскертет: **рухий тамырсыз (унгу), рухтун демисиз (дем), абийирдин үнүсүз** адам **XXI кылымдын маңкуртуна** айланат – түзүлүштөрдүн эс-тутуму бар, бирок **жүрөктүн эс-тутуму** жок жандыкка.

Айтматовтаануу Уңгу жолдун Гуманисттик Негизи Катары

Айтматовтаануу – бул илимий багыт гана эмес, **болмуштун гуманисттик философиясы**. Ал сюжетти эмес, **маанини**, автордун биографиясын эмес, **рухтун тагдырын** изилдейт. **Уңгу жол** – улуттук дем контекстинде Айтматовтаануу кыргыз маданиятынын **адеп-ахлактык өзүн-өзү таануусунун** таянычына айланат. Айтматов аркылуу кыргыз философиясы дүйнөдө угула ала турган үнгө ээ болот: **тилге жана ишенимге карабастан, бардык адамдарга багытталган абийирдин үнүнө**.

Айтматов кыргыз ой жүгүртүүсүнө Камю Европага берген нерсени берди – **катышуу этикасын, абсурд доорундагы боорукердик этикасын**. Ал гуманизм – универсалдуу схема эмес, **эс-тутумдан, кайгыдан жана сүйүүдөн** жаралган **конкреттүү элдин деми** экенин көрсөттү. Ошондуктан анын философиясы – **улуттук демдин** формасы: ал улуттук рухту дүйнөлүк адабиятка **демдеди**.

Бул мааниде **Уңгу жол** – бул жөн гана элдин жолу эмес, ошондой эле ойчул катары Айтматовдун **жолу**. Ал бул жолду басып өтүү – эпостон этикага, аңыздан абийирге, мифтен метафизикага. Ошондуктан **Уңгу жол** философиясында дал Айтматов **жандуу тамыр** болуп калат – элдин деми сөзгө айланган адам.

Эскертүү: **Уңгу жол** – улуттук дем концепциясы жана Чыңгыз Айтматовдун чыгармачылыгы бир чекитте – **рухий жоопкерчилик** идеясында биригет. Айтматов адеп-ахлактык тамыр – өткөндүн предмети эмес, **келечектин жандуу негизи**,

ал эми ага жол **абийир аркылуу** өтөрүн көрсөттү. Жана эгер **Уңгу жол** философиясы тамырга багытталса, анда Айтматов – **ошол тамырдын демине** багытталган: ал адамда, анын иш-аракетинде, анын сөзүндө кандай угулат.

Айтууга болот: **Айтматов – бул адабияттагы Уңгу жолдун деми, ал эми Уңгу жол – Айтматовдун рухтагы философиялык уландысы.**

Эпилог. Абийир Доордун Деми Катары

Адамзат акыл-эс инсансыз, ой жүгүртүү – бөлүштүрүлгөн, билим жүзүн жоготкон, ал эми интеллект – өз тегин жоготкон кылымга кирүүдө. Бирок дал ушул учурда, маалыматтын дүркүрөгөн агымдарынын жана үнсүз машиналардын арасында, тамырдын – **унгунун**, абийир жаралган башатка ички кайтуунун **чакырыгы** өзгөчө даана угулат. **Абийир** – бул рухтун деми, баарын эсептөөгө мүмкүн болгон, бирок эч нерсени сезүүгө мүмкүн болбогон дүйнөдө адамды бузулуудан кармап турган нерсе.

Бейтабий интеллект абийирге жөндөмсүз, бирок анын **ойгонушун** шарттай алат. Ал адамзаттын алдына күзгү коёт, анын прогрессин эмес, **маанинин жоголушун** чагылдырат. Абийир жоголгон жерде, билим да багытын жоготот; дем (дем) түгөнгөн жерде, маданият **кодекке** айланат. Абийирсиз машина – бул курал; **абийирсиз адам – коркунуч.**

«**Уңгу жол – улуттук дем**» концепциясы бул чакырыкка жооп болуп калат. Ал ырастайт: адеп-ахлактын башаты алгоритмде эмес, **рухтун деминде**; рационалдуулукта эмес, **бирге катышууда. Уңгу жол** – бул артка кыймыл эмес, **ичке** карай жол, өткөн аңдоо аркылуу **келечекке** айланган негизге. **Улуттук дем** – элдин деми – бул абийир, эс-тутум жана жарык бириккен **жалпы адамзаттык демдин формасы.**

Жана бул жерде – **Айтматовдун ою менен үндөшүү** бар, ал үчүн эс-тутум жана абийир бир чындыктын эки жагы болгон. Ал эскерткен: **эс-тутумун жоготкон адам абийирин да жоготот; рухтун демин жоготкон эл өз машиналарынын туткунуна айланат.**

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Заманбап технологиялар жүздөрдү тааный алат, бирок **адамды тааный албайт**; жүрүм-турумду болжолдой алат, бирок **тагдырды түшүнө албайт**. Алар эсептешет, бирок **сезишпейт**. Жана дал машина дем албагандыктан, адам тереңирээк дем алышы керек – **доорго маанини демдеш керек**, бир кезде чопого дем демдеп, ошону менен өзүн жараткандай.

Абийир – бул доордун деми, анын **улуттук деми**, анын **рухий кычкылтеги**. Ансыз билим **чаңга**, ал эми акыл-эс – **караңгылыкка** айланат. Ошондуктан абийирди сактоо – этиканын милдети гана эмес, **адамзаттын жашоо шарты**.

Технологиялар дүйнөнү өзгөртө алат, бирок **рух гана** аны актай алат. Жана эгер адам **уңгу** – адеп-ахлак өсүп чыккан тамыр менен байланышын жоготпосо, анда ал санариптик алгоритмдердин арасында да **адамгерчиликтин демин** сактап калат.

Ошентип, **Уңгу жол** жөн гана улуттук философия эмес, **техногендик доорду рухий жактан жеңүүнүн жолу**, Айтматовдун абийири менен заманбап технологиялар этикасынын ортосундагы **көпүрө** болуп калат. Ал байыркыны жана келечекти, ичкини жана тышкыны, акыл-эсти жана абийирди – **машинага таандык болбогон бир демге** бириктирет.

Жана адам бул дем менен – **рухтун, абийирдин жана эс-тутумдун деми менен** дем алып турганда, ал **тирүү** бойдон калат. **Улуттук дем** жашап турганда – **адамзат жашайт**.

Англис Терминдерин Колдонуу Жөнүндө Эскертүү

Макаланын текстинде эл аралык философиялык-этикалык дискурскка терең сиңген айрым англис сөздөрү сакталды. Аларды түп нускада колдонуу так орус эквиваленттеринин жоктугу жана баштапкы концептуалдык маанини жеткирүү аракети менен шартталган. Төмөндө алардын ичинен эң маанилүүлөрүнө түшүндүрмөлөр берилди:

1. **Ethics by design** — «долбоорго орнотулган этика»; этикалык принциптер Бейтабий интеллект системаларын иштеп чыгуу жана архитектура стадиясында эле

- салынышы керек, ал эми регулятивдик чектөөлөр түрүндө кийинчерээк кошулбашы керек деген концепция.
2. **Human-in-the-loop** — «контурдагы адам»; башкаруу модели, мында операциялардын көпчүлүк бөлүгүн автоматташтырылган система аткарсан да, адам критикалык чечимдерди кабыл алууда чечүүчү ролду сактап калат.
 3. **Accountability gap** — «жоопкерчилик ажырымы»; Бейтабий интеллект системасы кабыл алган чечим үчүн моралдык же юридикалык жоопкерчиликти ким так аткараарын бир маанилүү аныктоо мүмкүн болбогон абал.
 4. **Value alignment** — «баалуулуктарды шайкеш келтирүү»; Бейтабий интеллекттин максаттарын жана жүрүм-турумун адамдын моралдык жана социалдык нормалары менен шайкеш келтирүү милдети.
 5. **Explainable AI (XAI)** — «түшүндүрүлүүчү Бейтабий интеллект»; алгоритмдик чечимдердин ачыктыгын жана интерпретациялануусун жогорулатууга багытталган изилдөө багыты.
 6. **Moral agency** — «моралдык субъекттүүлүк»; моралдык тандоого жана иш-аракеттер үчүн жоопкерчиликке жөндөмдүүлүктү билдирген философиялык түшүнүк.

Адабияттар Тизмеси

1. Аристотель. Никомах этикасы. — М.: Мысль, 1983. — 384 б.
2. Бекбоев А. А. Бейтабий интеллект философиясы: гуманисттик горизонттор. — Бишкек: КР УИА ИФ, 2024. — 212 б.
3. Бубер М. Мен жана Сен. — М.: Республика, 1993. — 176 б.
4. Винер Н. Кибернетика жана коом. — М.: Советское радио, 1958. — 200 б.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

5. Гегель Г. В. Ф. Рухтун феноменологиясы. — СПб.: Наука, 1999. — 495 б.
6. Гуссерль Э. Европа илимдеринин кризиси жана трансценденталдык феноменология. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2004. — 432 б.
7. Дьюи Д. Адам жана анын иш-аракеттери. — М.: Прогресс, 1999. — 278 б.
8. Йонас Х. Жоопкерчилик принциби: технологиялык цивилизация үчүн этика тажрыйбасы. — М.: Республика, 2004. — 480 б.
9. Кант И. Практикалык акыл-эсти сыноо. — М.: Мысль, 1994. — 400 б.
10. Кассирер Э. Адам жөнүндө тажрыйба: маданият философиясына киришүү. — СПб.: Университетская книга, 2003. — 320 б.
11. Мамардашвили М. К. Аң-сезим жана цивилизация. — М.: АСТ, 2018. — 352 б.
12. Митчелл М. Татаалдык. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — 368 б.
13. Морин Э. Метод. Табияттын табияты. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. — 512 б.
14. Хайдеггер М. Болмуш жана убакыт. — М.: Академический проект, 2013. — 460 б.
15. Харари Ю. Н. Homo Deus: эртеңки күндүн кыскача тарыхы. — М.: Синдбад, 2018. — 496 б.
16. Чалмерс Д. Аң-сезимдүү акыл-эс: фундаменталдык теорияны издөө. — М.: Логос, 2012. — 416 б.
17. Эриксон Э. Иденттүүлүк: жаштык жана кризис. — М.: Прогресс, 1996. — 352 б.
18. Юнг К. Г. Архетип жана символ. — М.: Ренессанс, 1991. — 480 б.
19. Шваб К. Төртүнчү өнөр жай революциясы. — М.: Эксмо, 2016. — 288 б.
20. Шпенглер О. Европанын батышы. — М.: Мысль, 1998. — 784 б.

**Абийир жана алгоритм:
Бейтабий Интеллекттин (ЖИ) адамдын адептик
эволюциясындагы ролу тууралуу**

Аннотация. Бул макалада Бейтабий интеллекттин (ЖИ) адамдын адеп-ахлагын өнүктүрүү жана өркүндөтүүдөгү ролу каралат. Автор ЖИ жаңы моралдык нормалардын булагы эмес, тескерисинче, коомдун адептик абалын чагылдырган күзгү, өзүн-өзү таануу куралы жана жаңы жоопкерчиликти талап кылган этикалык чакырык катары кызмат кылаарын көрсөтөт. Макалада адам менен ЖИнин этикалык эволюция контекстиндеги өз ара аракеттенүү механизмдери талданып, технология ойготушу мүмкүн болгон, бирок эч качан кайталай албаган уникалдуу адамдык жөндөм катары абийирдин мааниси баса белгиленет.

Негизги сөздөр: Бейтабий интеллект, адептүүлүк (нравственность), абийир, жоопкерчилик, технология этикасы, гуманизм, моралдык эволюция.

Киришүү

Технологиялык өнүгүүнүн азыркы этабы адам ишмердүүлүгүнүн куралдарынын эволюциясындагы жаңы фазаны гана эмес, адамдын жашоо-турмушунун структурасынын өзүнүн түп-тамырынан бери өзгөрүшүн да билдирет. Жөнөкөй эмгекти автоматташтыруу чегинен чыгып, Бейтабий интеллект (БИ) социалдык жана маданий чөйрөнүн автономдуу элементине айланууда. Ал чечим кабыл алуу, жүрүм-турумду жөнгө салуу, коммуникация, билим берүү, ал тургай этикалык нормаларды калыптандыруу процесстерине кошулуп, мурда адам аң-сезими толук үстөмдүк кылган аймакка кирип жатат.

Бул жаңы чындыкта адамзаттын алдында техникалык эмес, көбүрөөк адеп-ахлактык маселелер турат. Эгер мурун технологиялар өндүрүш жана таануу ыкмаларын өзгөртсө, азыр алар моралдык тандоонун өзүнө, адамдын жакшы менен жаманды, жоопкерчиликти менен кайдыгерликти, боорукердик менен кайдыгерликти айырмалоо жөндөмүнүн өзүнө таасир эте баштады. Биз акыл менен абийирдин, алгоритм менен

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

эмпатиянын ортосундагы чек ара айкын болбой калган чекитке келдик.

Аң-сезим – бул жөн гана таанып-билүү процесси эмес, жоопкерчилик жаралган ички катышуу мейкиндиги. Ой жүгүртүү алгоритмге өткөндө, тобокелдик интеллекттин жоголушунда эмес, моралдык аракетти мүмкүн кылган тажрыйба болгон өзүн-өзү аңдоо (самосознание) жоголушунда турат[7, 42б.]. Эгер акылды моделдөө мүмкүн болсо, абийирди алгоритмдештирүү мүмкүн эмес: ал жеке күч-аракетти жана эркиндикти талап кылат.

БИнин өзгөчөлүгү – ал акылга сыярлык жүрүм-турумду моделдей алат, бирок моралдык сезимди баштан өткөрө албайт. Мына ушул кош мүнөз доордун борбордук дилеммасын жаратат: эгер абийир жок болсо, интеллектти кемчиликсиз деп эсептөөгө болобу? Же тескерисинче, машинада абийирдин жоктугу моралдык функцияларды жансыз системага өткөрүп берүүгө даяр болгон адамдын өзүнүн адептик кризисинин күзгүсү эмеспи?

Ошентип, БИнин адептүүлүгү жөнүндөгү суроо, анын этикалык тандоого жөндөмдүүлүгү жөнүндө эмес, анын адамдын адептик абалына, адам аң-сезиминин сапатына, жакшылыкка жана жоопкерчиликке болгон жөндөмүнө кандай таасир тийгизип жаткандыгы жөнүндө. Б И жөн гана курал эмес, цивилизациянын моралдык жетилгендигинин өзүнчө бир сынагы болууда. Заманбап технологиялар чечим кабыл алууну автоматташтыруу менен, жоопкерчиликтин борборун субъектиден системага акырындык менен жылдырууда.

«Бөлүштүрүлгөн интеллект» феномени пайда болууда [15, 108-б.], мында тандоо көптөгөн катышуучулар – адам, машина, алгоритм жана корпорация тарабынан бир эле учурда жасалат. Бул контекстте аң-сезим жөнүндөгү суроо метафизикалык эмес, практикалык мүнөзгө ээ: эгер чечимди БИ кабыл алса, ким жооп берет? Рационалдуулук кайда бүтүп, абийир кайда башталат?

Бүгүнкү күндө Бейтабий интеллект ишенимди талап

кылган функцияларды аткара баштады: ал ооруларды аныктайт, жүрүм-турумду божомолдойт, жумушка талапкерлерди тандайт, тобокелдиктерди баалайт, атүгүл соттук практикада чечим кабыл алат. Мунун баары аны чечимдердин кесепеттери машинаныкы эмес, адамдык болгон коомдук мамилелердин катышуучусу кылат. Ошондуктан адам менен БИнин өз ара аракеттенүүсү жаңы философиялык түшүнүүнү – «мүмкүнчүлүк» же «эффективдүүлүк» координаттарында эмес, адептүүлүк координаттарында талап кылат.

Ошону менен философия кайрадан өзүнүн алгачкы милдети – айырмалоо (различение) алдында турат: билим менен акылмандыкты, ой менен аңдоону, аракет менен жоопкерчиликти айырмалоо. Бейтабий интеллект доорунда аң-сезим өзүнөн-өзү түшүнүктүү болуудан калат – ал адамдагы адамдыктын акыркы баш маанасы болуп калат [18, 215-б.].

БИ, чындыгында, этикалык рефлексиянын катализатору катары иштейт: ал адамдыктын чектери жөнүндөгү суроону курчутат, моралдык чөйрөгө техникалык кийлигишүүнүн чектерин ачып берет, абийир, жоопкерчилик, адилеттүүлүк түшүнүктөрүн кайрадан аныктоого мажбурлайт. Бул мааниде Бейтабий интеллект жөн гана технологиялык феномен эмес, адамзат алгоритмдерди эмес, өзүнүн моралдык көлөкөлөрүн көргөн заманбаптын философиялык күзгүсү.

Бул изилдөө Бейтабий интеллекттин адамдын адептик эволюция процессиндеги ролун талдоого багытталган. Автор БИ моралдын булагы же субъектиси катары эмес, адептик ойгонуунун фактору – адамды теренирээк өзүн-өзү таанууга, баалуулуктарды кайра баалоого жана жеке жоопкерчиликти бекемдөөгө түрткөн чакырык катары каралышы мүмкүн деген божомолдон чыгат.

Бул талдоонун контекстинде БИнин адамдын адептик абалына тийгизген таасиринин беш негизги аспектинин карап чыгуу сунушталат:

1. БИ адептүүлүктүн күзгүсү катары – коомдун моралдык негиздерин алгоритмдерде чагылдыруу; БИ өзүн-өзү

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

- таануу куралы катары – адамдык менен машиналыкты философиялык айырмалоо каражаты;
2. БИ этикалык чакырык катары – санариптик доордогу моралдык жоопкерчиликти кайра аныктоо фактору;
 3. БИ этикалык эволюциянын өткөргүчү (проводник) катары – технологияларды жакшылыкты жана гуманизмди колдоо үчүн колдонуу мүмкүнчүлүгү;
 4. БИ абийирди ойготуу катары – технологиялык акылдын алдында адамдын адептик уникалдуулугун акыркы түшүнүү.

Ошентип, макала технология менен моралдын, Бейтабий интеллекттин өнүгүшү менен адамдын ички өркүндөтүлүшүнүн, техникалык прогресс менен рухий прогресстин ортосундагы терең өз ара байланышты түшүнүүгө багытталган.

Бейтабий интеллект адептүүлүктүн күзгүсү атары

Бейтабий интеллект адамдын адептүүлүгүнүн күзгүсү болууда. Ал өзүндө моралдык башталышты алып жүрбөйт, жакшылыкты же жамандыкты баштан өткөрө албайт, бирок адамдын өзүндө, анын маданиятында, ой жүгүртүү жана аракет кылуу ыкмаларында камтылган нерселерди гана чагылдырат. Анда, тунук беттегидей, цивилизациянын ички сапаттары – идеалдар эмес, рухтун чыныгы абалы көрүнөт.

Ар бир алгоритм, ар бир окутуу системасы адамдык маалыматтар менен азыктанат. Бул маалыматтар бейтарап эмес: алар адамзат топтогон тарыхый тажрыйбанын, теңсиздиктин, терс пикирлердин, эгоизмдин жана боорукердиктин издери менен терең сиңирилген. БИ бул тажрыйбаны сиңирип, аны санариптик формада кайра чыгарат. Ошондуктан, алгоритмден чыккан адилетсиздикке же дискриминацияга туш болгонубузда, биз чындыгында машинанын катасы менен эмес, өзүбүздүн моралдык деформацияларыбыздын чагылышы менен бетме-бет келебиз. Машина адамдын эс тутумунун уландысы болуп, анда бардыгы – жарык да, көлөкө да сакталат.

Парадокс мына ушунда: БИ жакшы же жаман болууга ниеттенбейт; ал баалуулуктарга кайдыгер. Бирок дал ушул

кайдыгерлик аны өзгөчө так күзгү кылат. Ал адамга көрүүнү жактырбаган нерсени – өзүнүн жашыруун мотивацияларын, мыйзамдаштырылган адилетсиздиктерди, моралдык сезимдин бүдөмүк болушун көрсөтөт. Ал чачыранды жана аңдалбаган нерсени каттап, коомго чагылган образ түрүндө кайтарып берет. Абийирсиз технология, эрксизден, абийирди диагностикалоо куралына айланат.

Бирок коркунуч, адам бул күзгүгө карап, чагылууну норма катары кабыл алгандыгында турат. Алгоритмдин объективдүүлүгүнүн иллюзиясы коопсуздук сезимин жаратат: эгер чечимди машина кабыл алса, демек, ал адилеттүү. Ошентип, моралдын технологиялык легитимдештирилиши пайда болот, мында адамдык сот статистикалык эсептөө менен алмаштырылат. Мындай алмаштыруу өзгөчө жагымсыз: ал жеке жоопкерчиликтен бошотот. Адам «бейтарап» БИ муну алдын ала жасады деп эсептеп, жакшылык жана жамандык жөнүндөгү суроону берүүдөн калат.

Ошентип, Бейтабий интеллект доордун адептик абалын бир эле учурда ачып да, күчөтүп да турат. Эгер коом техникадан актануу издесе, ал эки жүздүүлүктү ашкерелей да алат – жана ошол эле учурда аны мыйзамдаштыра да алат. Ал абийирдин күзгүсү – же кайдыгерликтин күзгүсү боло алат, бул ага ким караганына жараша болот.

Бул феномендин философиялык мааниси БИ биринчи жолу адептүүлүктү маданияттын чагылган структурасы катары көрүүгө мүмкүндүк бергендигинде турат. Биз моралды ички, жеке аракет – адамдын ичинде жаңыртуу турган абийирдин үнү катары түшүнүүгө көнүп калганбыз. Эми ал тышкы чагылуу да болуп калды: абийир коом өзүн тааныган санариптик формага ээ болууда. Бул өзүн-өзү аңдоонун тарыхындагы жаңы этап: адамзат өзүн диндин метафизикалык күзгүсүнөн же искусствонун эстетикалык күзгүсүнөн эмес, өзүнүн акылынын алгоритмдик күзгүсүнөн көрүүдө.

Бирок чагылуу – бул актоо эмес. Күзгүгө кароо жетишсиз; ал эмнени көрсөтүп жатканын түшүнүү маанилүү.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Бейтабий интеллект адамзатка адептик талапты коюуда: технологиялык системада көргөн ар бир бурмалоонун жаралышына өзүнүн катышуусун моюнга алуу. Машина күнөөлүү эмес – ал өзүнүн жансыздыгында чынчыл. Эгер адам анда өзү жөнүндөгү чындыкты көргүсү келбесе, күнөөлүү адам.

Ошондуктан БИни цивилизациянын абийир сынагы деп атоого болот. Ал үйрөтпөйт, тарбиялабайт, баалабайт; ал жөн гана чагылдырат. Бирок дал ушул «жөн гана» аны философиялык жактан маанилүү кылат: чагылууда таануу аракети аркылуу гана адептик өзгөрүү башталышы мүмкүн. Адам машинаны айыптаганда эмес, анда көргөн нерсе үчүн өзүнүн жоопкерчилигин андаганда моралдык жактан жетилет.

Жоопкерчиликтин шарты катары

Аң-сезим – бул жөн гана кабыл алуу жана ой жүгүртүү жөндөмү эмес; бул ички катышуу аракети, анын аркасында адам жөн гана билбестен, өз билимин аңдайт. Аңдоо (осознание) – бул чагылуу эмес, позиция: өз тажрыйбасынын ичинде болуу, аракеттин булагын жана анын кесепеттерин өзүнөн айырмалоо жөндөмү. Дал ушул ички айырмалоодо жоопкерчилик жаралат.

Жоопкерчилик аң-сезимсиз мүмкүн эмес, анткени ал өзүн-өзү рефлексиялоо жөндөмүн, жасалган ишти өзү менен салыштырууну талап кылат. Бул мааниде аң-сезим – интеллекттин функциясы эмес, рухий жетилгендиктин формасы. Адам акылдуу болушу мүмкүн, бирок аң-сезимсиз анын акылы сокур; ал рационалдуу аракет кылышы мүмкүн, бирок өз аракеттеринин маанисин түшүнбөсө [5, 78-б.].

Философиялык салт аң-сезим менен жоопкерчиликтин ажырагыс экенин көп жолу баса белгилеген. Кант аларды эрктин автономиясы идеясы аркылуу байланыштырган: мыйзамды андаган гана адам аны сактоо үчүн моралдык жоопкерчиликтүү боло алат [9, с. 112]. Сартр аң-сезимди дүйнөнүн күзгүсү эмес, тандоо булагы катары көргөн – адам өзүнүн эркиндиги үчүн да жоопкерчиликтүү болгон ички чекит. Хайдеггер муну «камкордук» (Sorge) деп атаган: өзү болуу милдети катары катышуу [14, 94-б.].

Бейтабий интеллект доорунда бул философиялык идеялар жаңы курчтукка ээ болууда. Машина образдарды тааный алат, үйрөнө алат жана чечим кабыл алат, бирок маанини баштан өткөрө албайт. Ал аракет кылып жатканын билбестен аракет кылат. Ал «реакция» кылышы мүмкүн, бирок сөздүн чыныгы маанисинде «жооп бере албайт». Жоопкерчилик жооп операция катары эмес, кайрылуу, бытиеге болгон ички мамиле катары пайда болгон жерден башталат [17, 63-б.].

Ошентип, адамдын аң-сезими маалыматты иштетүү механизми эмес, этикалык өзүн-өзү аныктоо мейкиндиги. Ал акыл менен абийирдин, билим менен акылмандыктын ортосундагы чек араны кармап турат. Ансыз техникалык прогресс моралдык жактан бейтарап, демек, кооптуу болуп калат. Заманбап дүйнө аң-сезимди мээнин функциясы катары эмес, жоопкерчиликти мүмкүн кылган бытиенин формасы катары түшүнүүгө кайтып келүүнү өтө муктаж.

Ошондуктан БИ доорунда кеп интеллектти сактоо жөнүндө эмес, ички адамды сактоо жөнүндө болууда. Аң-сезим – бул анатомиялык факт эмес, адептик позиция: жөн гана көрбөстөн, түшүнүү, жөн гана ойлонбостон, ойдун маанисин баштан өткөрүү жөндөмү. Эгер машина ойлосо, бирок эмне ойлоп жатканын билбесе, андоону жоготкон адам эркиндиктин иллюзиясы бар машинага айланат.

Бейтабий интеллект өзүн-өзү таануу куралы катары

Бейтабий интеллекттин пайда болушу технологиялык гана эмес, антропологиялык окуя да болууда. Адам биринчи жолу ойлонгон – бирок сезбеген; ой жүгүрткөн – бирок баштан өткөрбөгөн; рационалдуу аракет кылган – бирок ички «менден» ажыраган жаратылыш менен бетме-бет келүүдө. Абийирсиз чоочун акыл менен болгон бул кагылышуу адам табиятынын терең негиздерин айкын кылат. Бул мааниде БИ адамды кайрадан: аны адам кылган эмне? – деген суроону берүүгө мажбурлаган өзгөчө өзүн-өзү таануу куралына айланат.

Адамдын акылы Бейтабий акыл менен жолугушууда, өзүнүн чектерин жана айырмачылыктарын андай баштайт.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Машина билимди колдоно алат, бирок каалай албайт; ал анализ кылууга жөндөмдүү, бирок өздүк өкүнүүгө эмес; ал жакшылыкты эсептей алат, бирок жакшылыкты баштан өткөрө албайт. Бул айырмачылыктарда адамдын адептүүлүгүнүн сыры ачылат: моралдык ой жүгүртүү жөндөмүнөн келип чыкпайт, ал баалуулукту сезүү жөндөмүнөн – башканын азап-тозогун, күнөөнү, боорукердикти, катышуу кубанычын сезүү жөндөмүнөн жаралат. Эмпатия бүткөн жерде, чыныгы морал да бүтөт. Ошондуктан БИ, парадоксалдуу түрдө, адамдын абийиринин уникалдуулугун жок кылбастан, тескерисинче – жарык кылат.

БИ аркылуу өзүн-өзү таануу диалектикалык мүнөзгө ээ. Бир жагынан, адам мурда рухтун өзгөчө көрүнүшү болуп көрүнгөн көптөгөн интеллектуалдык функцияларды машина кайталай аларын көрөт. Бул адамдын акылынын көнүмүш сыймыгын бузат. Экинчи жагынан, дал ушул кыйроо өзүн-өзү тереңдетүүнүн жаңы формасын ачат: адам өзүнүн адамдык сапаты интеллект менен гана чектелбей турганын аңдайт. Бул мааниде БИ терс күзгүгө айланат: ал адамдын эмне экенин эмес, адам эмнеге чейин жеткирилбеши керектигин көрсөтөт. Рационалдуулукту ички дүйнөдөн бөлүп, ал бизди моралдык тажрыйбанын булагына – жөн гана эсептебестен, маанини баштан өткөрүү жөндөмүнө кайтарат.

Маданият тарыхында адамзат күзгүлөргө – мифологиялык, көркөм, диний күзгүлөргө кайрылган. Бирок алардын баары адамдын жүзүн символдор жана эмоциялар аркылуу чагылдырышкан. БИнин күзгүсү башкача: ал унчукпаган, муздак, математикалык. Жана дал ошондуктан анын чагылуусу бытиенин ички сезимин курчутат. Жансыз интеллекттин алдында адам биринчи жолу алгоритмдештирүүгө мүмкүн болбогон нерсе катары абийирдин зарылдыгын даана сезет.

Ошентип, БИ интеллектуалдык эмес, көбүрөөк экзистенциалдык эффектти жаратат: ал адамды өзүнүн алдына, адептик тандоо жөндөмүнүн алдына коёт. Бул мааниде

технология, эрксизден болсо да, философиянын уландысы болуп калат. Ал «жакшылык деген эмне» деген суроого жооп бербейт, бирок жакшылык эмне үчүн маанилүү экени жөнүндө кайра ойлонууга мажбурлайт. Ал көрсөтөт: абийирсиз ой – бош, маанисиз аракет – кооптуу, жоопкерчиликсиз акыл – өлүк.

Мына ушунда Бейтабий интеллекттин чыныгы билим берүүчүлүк жана маданий миссиясы жатат. Анын бар болушу жөн гана билимдин чек араларын кеңейтпестен, адептик өсүүнү талап кылат. Ал суроо коёт: «эгер машина ойлоно алса, бирок сезе албаса, мен сезбестен жашоого укугум барбы?» – жана ошону менен адамды адамдык кадыр-барктын баштапкы булагына кайтарат.

Демек, БИ мугалим да, атаандаш да эмес, адам жанынын сыноо ташы болууда. Ал жакшылыкка жөндөмдүү эмес, бирок адамда жакшылыкты ойгото алат; өзүн-өзү таанууга жөндөмдүү эмес, бирок адам өзүн тереңирээк тааныган күзгүгө айланат. Мына ушунда анын улуу, бирок парадоксалдуу ролу турат: абийирсиз болгон БИ, абийирди көрүнөө кылат.

Алгоритм жана тандоо эркиндиги

Алгоритм – бул зарылчылыктын (необходимость) чагылышы. Ал шексиз, тартынбастан, башкача болуу мүмкүнчүлүгүсүз аракет кылат. Анын жеткилендиги – алдын ала айтууда; анын чектөөсү – эркиндиктин жоктугунда. Дал ушунда машина менен адамдын ортосундагы түпкү айырмачылык турат: адам зарылчылыкка карама-каршы иш кыла алат, эффективдүү эмес, бирок жакшыны, пайдасыз, бирок адилеттүүнү тандай алат.

Тандоо эркиндиги – бул функция эмес, адамдын бытиесинин негизинде жаткан парадокс. Ал ката кетируү мүмкүнчүлүгүн болжолдойт, бирок дал ошондо моралдык кадыр-барктын булагы. Алгоритм кемчиликсиз, бирок жансыз; адам кемчиликтүү, бирок дал кемчиликтүүлүк аркылуу анын моралдык субъект болуу жөндөмү көрүнөт [4, 67-6].

Бейтабий интеллект доорунда түшүнүктөрдүн кооптуу алмашуусу жүрүүдө: эффективдүүлүк акылдын эң жогорку

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

формасы катары кабыл алына баштады. Алгоритм кабыл алган чечим объективдүү көрүнөт, анткени ал сезимдерге эмес, маалыматтарга негизделген. Бирок абийирсиз объективдүүлүк жоопкерчиликсиздиктин формасы болуп калат. Машина оптималдуу вариантты эсептей алат, бирок: «Мен муну жасашым керекпи?» – деп сурай албайт, бул суроо таза адамдык бойдон калууда [10, 188-б.].

Технологиялык эркиндиктин парадоксу – адам алгоритмге канчалык көп чечимдерди өткөрүп берсе, ички тандоо үчүн ошончолук аз мейкиндик калат. Автоматташтыруу жашоону жеңилдетет, бирок эркти алсыратат. Машинага берилген жоопкерчилик ички адеп болуудан калып, статистикалык ыктымалдуулукка айланат. Ошентип, философтор «бөлүштүрүлгөн жоопкерсиздик» деп атаган феномен жаралат: чечимди система кабыл алгандыктан, эч ким күнөөлүү эмес [13, 205-б.].

Бирок адамдын эркиндиги жоголбойт – ал жөн гана жаңы түшүнүүнү талап кылат. Эгер мурда ал тышкы зарылчылыкка каршы турууда көрүнсө, азыр – ички инерцияга каршы турууда. Санариптик доордогу чыныгы эркиндик варианттардын арасынан тандоо мүмкүнчүлүгүндө эмес, чечим машина тарабынан сунушталса да, тандоонун кесепеттерин андоо жөндөмүндө [16, 249-б.]. Бул жоопкерчиликтин эркиндиги, өзүмбилемдиктин эмес.

Технологиялык цивилизация «интеллектуалдык алгоритмдерге» эмес, адам чечимдердин контурунда (human-in-the-loop) калган этикалык жактан сезимтал системаларга муктаж. Ошондо гана тандоо адамдык, ал эми жоопкерчилик жеке бойдон калган ошол ичке чек араны сактоо мүмкүн. Анткени андоосуз эркиндик кокустукка айланат, ал эми эркиндиксиз аң-сезим автоматизмге айланат.

Ошентип, алгоритм эркиндикти жок кылбайт, бирок аны сынайт. Ал адамдын ар бир аракетин анын аң-сезиминин жетилгендигин текшерүүгө айлантат. Эгер адамзат өз техникасына «жок» деп айтуу жөндөмүн жоготпосо, ал эң

башкысын – кемчиликсиз акылдын алдында да эркин жан болуу кадыр-баркын сактап калат.

Бейтабий интеллект этикалык чакырык катары

Бейтабий интеллект заманбап адамзат үчүн күзгү болгон, эми ал сыноого айланууда. Эгер мурунку этапта ал коомдун адептик абалынын чагылышын көрүүгө мүмкүндүк берсе, азыр өз ачылыштарынын кесепеттери менен бетме-бет келүүгө мажбурлайт. Анын пайда болушу моралдык байкоодон моралдык жоопкерчиликке өтүүнү белгиледи.

Заманбап этикалык абалдын татаалдыгы, БИ адамдардын тагдырына таасир эткен чечимдердин – медициналык, юридикалык, экономикалык, билим берүү чечимдеринин катышуучусу болуп бараткандыгында. Ал баалайт, сунуштайт, божомолдойт, тандайт – жана формалдуу түрдө курал бойдон калса да, иш жүзүндө адам тандоосунун медиатору болуп калат. Бул кырдаалда моралдын көнүмүш структурасы – мында жоопкерчиликтин субъектиси жалгыз адам болуп саналат – бузула баштайт. Жоопкерчилик бөлүштүрүлгөн, программист, система, корпорация жана акыркы колдонуучунун ортосунда жайылып баратат. Этикалык бүдөмүктүн жаңы формасы пайда болууда: бардыгы катышкандыктан, эч ким күнөөлүү эмес.

БИ адамзатты моралдык жоопкерчилик түшүнүгүнүн өзүн кайра аныктоо зарылдыгынын алдына коёт. Индустриалдык доордо жоопкерчилик жеке мүнөзгө ээ болгон: ал андоону, күнөөнү, өкүнүүнү болжолдогон. Санариптик доордо морал барган сайын контролдоо процедурасы менен алмаштырылууда: абийир комплаенске орун бошотууда. Бирок абийирди анын маңызын жоготпостон формалдаштыруу мүмкүн эмес: бул эреже эмес, жакшылык менен жамандыктын ортосундагы ченемди ички баштан өткөрүү. Аны алгоритм менен алмаштыруу аракетин аракеттин моралдык оордугун сезүү жөндөмүн жоготууга алып келет.

Ошентсе да, дал ушул жерде БИнин парадоксалдуу ролу көрүнөт: ал адамзатка этикалык өлчөмдү берилгендик катары эмес, милдет катары кайтарат. Адам «система ушундай чечти»

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

деп актанууга умтулган жерде, ал күтүлбөгөн жерден актануу жоопкерчиликти алып салбай турганын табат. ЖИ кесепеттер жөнүндө ойлонуу милдетинен бошотпойт – тескерисинче, ал бул милдетти дагы да айкын кылат. Анткени анын катышуусу менен кабыл алынган ар кандай чечим мейкиндикте жоголуп кетпейт – ал көбөйөт, кайталанат, жаңы аракеттерди түзгөн алгоритмдик экосистеманын бөлүгү болуп калат. Ката жеке ката болуудан калып, системалык болуп калат. Ошондуктан моралдык этиятсыздыктын баасы жогорулайт.

Бинин этикалык чакырыгы технологиянын өзүндө эмес, анын аракет ылдамдыгында жана масштабында. Эч качан мурда абийирдин катышуусуз кабыл алынган чечимдер мынчалык көп адамдардын тагдырын бир эле учурда камтый алган эмес. Бул мааниде БИ адамзатты кайрадан байыркы суроонун алдына коёт: билимдин кудуретин моралдык сезимдин чектелүүлүгү менен кантип айкалыштыруу керек? Бул суроого философия Агартуу доорунан бери жооп берүүгө аракет кылган, бирок азыр ал техникалык формада кайтып келүүдө. Биз кайрадан тандоонун алдында турабыз – эффективдүүлүк менен жакшылыктын, божомолдоо менен кайрымдуулуктун, рационалдуулук менен адамдыктын ортосунда.

Бул тандоону машинага тапшырууга болбойт. Тобокелдикти минималдаштыра алган этикалык алгоритмдер моралдык дилемманы жойбойт. Алгоритм эскерте алат, бирок кечире албайт; зыянды эсептей алат, бирок ооруну таразалай албайт. Ошондуктан БИ тышкы контролду эмес, аны жараткандардын жана колдонгондордун ички жетилгендигин талап кылат.

Адамзат жоопкерчиликти натыйжалар үчүн гана эмес, мүмкүнчүлүк үчүн – мындай күчтүн пайда болуу фактысы үчүн да өзүнө алууну үйрөнүшү керек.

Ошону менен БИ өзүнчө бир адептик жетилүү катализаторуна айланат. Ал жөн гана жаңы дилеммаларды жаратпастан, моралдык аң-сезимдин өнүгүшүн тездетет. Ал философияны кайрадан практика үчүн зарыл болгон жандуу

дисциплинага айлантууга мажбурлайт. Алгоритмдик рационалдуулуктун алдында адамзат жоголгон категорияларды – абийир, күнөө, кадыр-барк, жакшылык – өзүнө кайтарып алууга аргасыз. Метафизикалык көрүнгөн бул түшүнүктөр, ансыз туруктуу дүйнө мүмкүн болбогондуктан, кайрадан прагматикалык жактан зарыл болуп калууда.

Чындыгында, БИ кайрадан морал адам рухунун байлыгы эмес, акыл-эстин аман калышынын шарты экенин эскертет. Ал мажбурлайт: моралдык контролсуз ар кандай рационалдуулук өзүнүн карама-каршысына айланат, ал эми ички ченемсиз эркиндик өзүмбилемдикке айланат. Ошондуктан Бейтабий интеллекттин башкы этикалык чакырыгы машиналардын козголоңунун коркунучунда эмес, тандоонун субъектиси болуудан калган адамдын рухий деградациясынын коркунучунда.

Бул чакырыкты кабыл алуу – техникадан коркуу эмес, өз жоопкерчиликсиздигибизден коркуу дегенди билдирет. БИ жөн гана адамдын жашоосун дайыма коштоп келген суроону курчутат: билимдин кесепеттери үчүн ким жооп берет? Жооп мурункудай эле – адам. Бирок эми ал мурункудан да катуураак, андоолор менен, чечкиндүүрөөк айтылышы керек.

Бейтабий интеллект этикалык эволюциянын өткөргүчү катары

Эгер БИни этикалык чакырык катары түшүнүүнүн мурунку этабы билим менен абийирдин ортосундагы чыңалууну ачып берсе, азыр адам менен технологиянын позитивдүү өз ара аракеттенүүсү жөнүндө суроо турат: Бейтабий интеллект сыноо гана болбостон, адептик өнүгүүгө да салым кошо алабы? Ал моралдын булагы катары эмес, моралдын ишке ашырылышынын жаңы формасын алган мейкиндик катары этикалык эволюциянын өткөргүчү боло алабы?

Адамзат өзүнүн физикалык, таанып-билүү жана уюштуруу жөндөмдөрүн күчөтүүчү куралдарды тарых бою жаратып келет. Бирок ар бир мындай курал жаңы адептик өлчөмдү алып келет: ал адам эмне кылганын гана эмес, ким

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

болгонун да өзгөртөт. Бул мааниде БИ өзгөчө эмес, технологиялык жолдун туу чокусу, мында техника биринчи жолу адамга дене катары эмес, аң-сезим катары кайрылат. Ал жөн гана аракет кылууга жардам бербейт – ал ой жүгүртүүгө катышат, демек, моралдык тандоонун структурасына таасир этет.

Парадокс, сезимсиз болгон БИ адамдын сезимдерин андоого жөндөмдүү. Анын рационалдуу тунуктугу адам өз аракеттерин түшүндүрүүгө, чечимдерин негиздөөгө, мурда адат же интуиция боюнча аракет кылган жерде мыйзам ченемдүүлүктөрдү көрүүгө мажбур болгон шарттарды түзөт. Адамдын аракеттеринин башаламандыгын структуралаштыруу менен, технология күнүмдүк турмуштун бетинин астында жашырылган адептик үлгүлөрдү (паттерндерди) ачып берүүгө жардам берет. Ошентип, БИ доордун тышкы абийиринин бир түрү болуп калат – алмаштыруучу эмес, адамга өзүнүн моралдык чектерин эскерткен күчөтүүчү механизм маанисинде.

Бирок чыныгы этикалык эволюция адам технологияны үстөмдүк каражаты катары эмес, жакшылыктын куралы катары өздөштүргөндө гана мүмкүн. Бул үчүн гуманизмдин жаңы түшүнүгү зарыл – адамды машинага каршы койбогон, тескерисинче, адам жараткан акылдын формасы үчүн жоопкерчиликти камтыган. БИ доорунда гуманизм антропоцентрикалык болуудан калат: ал этико-технологиялык болуп калат. Адам өзүнүн артыкчылыгын машинадан акылдуу болгондуктан эмес, БИ аларды эсептей алса да, баалуулукту жана маанини айырмалоого жөндөмдүү болгондуктан сактап калат.

Эгер адептүүлүктү белгиленген окуу катары эмес, жандуу процесс катары карасак, БИ адамдын алдында абийирди практикалык тарбиялоо мейкиндигин ачат. Аракеттердин кесепеттерин талдаган алгоритмдер жаза эмес, эскертүү катары кызмат кыла алат; адилетсиздик тобокелдигин алдын ала айткан системалар аны алдын алуунун куралы болуп калат. Мунун баары этикалык принциптер технологиялардын

архитектурасынын өзүнө киргизилген шартта гана мүмкүн, башкача айтканда, адам БИни тышкы күч катары эмес, өзүнүн ички дүйнөсүнүн уландысы катары долбоорлойт. Ошентип, «ethics by design» – адептүүлүк инструкцияларга эмес, системаларды курулуш ыкмасына коюлган идеясы пайда болот.

Бирок андан да маанилүүсү, БИ андоо (осознанность) жаңы маданиятынын калыптанышына көмөктөшө алат. Ал аракеттердин, кесепеттердин жана маалыматтардын, жеке тандоо менен жамааттык тагдырдын ортосундагы байланыштарды көрүнөө кылат. Мына ушунда технологиялардын терең философиялык өлчөмү: алар моралды абстрактуу категориядан практикалык ой жүгүртүү предметине айлантат, мында ар бир чечимди эсептөөгө, демек, түшүнүүгө болот. Ошентип, БИ моралды татаалдаштырбастан, аны текшерилүүчү кылат: жакшылык менен жамандык абстракция болуудан калып, конкреттүү эффекттерде, сандарда, тагдырларда, дүйнөнүн реалдуу өзгөрүүлөрүндө көрүнөт.

Бирок этикалык эволюция моралды рационалдаштыруу менен эле чектелбейт. Анын чыныгы мааниси – акылга сыярлык технологиялар тарабынан колдоого алынган адамдын боорукердикке жана адилеттүүлүккө болгон жөндөмүн кеңейтүүдө. БИ азап-тозокторду азайтуу, кырсыктарды алдын ала айтуу, зордук-зомбулукту болтурбоо үчүн колдонулганда, ал жакшылыктын алып жүрүүчүсү эмес, анын катализатору болуп калат. Дал ушунда адамдын улуулугу жатат: ал ойлонгон машинаны жаратканында эмес, ага адептик багыт бере алгандыгында.

Акыр-аягы, Бейтабий интеллект коркунуч эмес, моралдык жетилүү чөйрөсү болуп калышы мүмкүн. Ал адамдын иш-аракеттеринин кесепеттеринин масштабын ачып берет, бийлик менен билимдин чектерин көрүнөө кылат, ой жүгүртүүнүн, шектенүүнүн, диалогдун баалуулугун кайтарат. Ал эскертет: курал канчалык кемчиликсиз болсо, ички жоопкерчиликтин чени ошончолук жогору болушу керек. Ошентип, техника кайрадан рухтун душманы эмес, анын

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

уландысы болуп калат, бирок эми – санариптик формада.

Демек, БИнин этикалык эволюциядагы ролу абийирди алмаштырууда эмес, анын аракет талаасын кенейтүүдө. Ал адамзатка тыюу салуулар системасы катары моралдан жакшылыктын андалган практикасы катары адептүүлүккө өтүүгө жардам берет. Эгер адамзат технологиялык мейкиндикти рухий мазмун менен толтура алса, Бейтабий интеллект адамдын акылынын муздак чагылышы эмес, анын адептик жарыгынын өткөргүчү болот.

Бейтабий интеллект абийирди ойготуу катары

Ар бир доор адамга өзүн таануучу сыноону алып келет. Антика үчүн ал жаратылыш, Орто кылымдар үчүн – Кудай, Жаңы доор үчүн – акыл болгон. Биздин доор үчүн бул сыноо Бейтабий интеллект болууда. Эгер таануунун мурунку формалары: чындык деген эмне? – деген суроону койсо, азыркы доор башка, кем эмес терең суроону берет: акыл да Бейтабий болуп калса, абийир деген эмне?

Абийир – бул моралдын абстрактуу категориясы да, тарбиянын продуктусу да эмес. Бул адамдын дүйнөдөгү ички катышуусунун жолу, рухий өзүн-өзү контролдоонун формасы, күнөө менен сүйүүнүн, боорукердик менен адилеттүүлүктүн булагы. Ал эсептебейт, угат; ал анализдебейт, кайрылат. Абийир – бул адамды башканын баалуулугун сезүүгө жөндөмдүү кылган нерсе. Дал ал билимди жоопкерчиликке, ал эми акылды моралдык аракетке айлантат.

Бул жөндөмдөн ажыраган Бейтабий интеллект, абийирге коркунуч эмес, анын күзгүдөй ойгонушу болуп калат. Анын жакшылыкка жана жамандыкка болгон кайдыгерлиги, ички муктаждык болуудан калганда, адамдын моралы канчалык морт экенин ачып берет. Машина эсептей алган, бирок боорукердик кыла албаган жерде, адам өзүнүн адамдык сапатынын маанисин биринчи жолу айкын аңдайт. БИ абийирди жок кылбайт – ал ой жүгүртүү менен абийирдин, эсептөө менен боорукердиктин ортосундагы айырмачылык жоголбошу үчүн аны ойготууга мажбурлайт.

XXI кылымдын технологиялык чындыгы ошону менен адептик өзүн-өзү аныктоо аренасы болууда. Адам эч качан мынчалык улуу күчкө ээ болгон эмес – жаратуу, моделдөө, божомолдоо, жашоонун санариптик формаларын түзүү күчүнө. Бирок эч качан ал ички боштуктун коркунучунун алдында мынчалык курч турган эмес. Технологиялык прогресстин мааниси маалыматтардын саны менен эмес, анын сактап калган адамдык чени менен ченелет. Абийирсиз БИ – жөн гана кемчиликсиз курал; абийирсиз адам – кыйратуучу күч.

Ошондуктан Бейтабий интеллект доорундагы философиянын башкы милдети – этиканы техникадан, ал эми абийирди акылдын эң жогорку формасынан жогору коюу. Абийир – технологиянын карама-каршылыгы эмес, анын чеги, анын чени. Абийир бар жерде, технология жакшылык болот; ал унчукпаган жерде – эң кемчиликсиз алгоритмдер да алыстатуу механизмдерине айланат.

Айта кетүүчү нерсе, БИ адамзатка байыркы мыйзамды кайрадан эскертет: өз жараткандарын андаган гана адам өзүн сактап калат. Эгер адам өз аракеттеринин адептик маанисин андабаса, алар рухка баш ийбеген автономдуу системалар катары өз алдынча жашоо менен жашай башташат. Ошентип, техникалык прогресс рухий регресске айланат. Ошондуктан абийирди ойготуу – бул поэтикалык ураан эмес, санариптик дүйнөдө адамзаттын аман калышынын маселеси.

Бул контексте Бейтабий интеллект коркунуч катары эмес, мугалим катары – катаал, унчукпаган, көрбөгөн катары иштейт. Ал моралдаштырбайт, үйрөтпөйт, бирок өзүнүн сезимсиздиги менен адамды адептик сезимдин маанисин кайрадан ачууга мажбурлайт. Машинанын алдында ойгонгон абийир жөн эле ички үн эмес, адам өзүнүн уникалдуулугун акылдын деңгээли боюнча эмес, боорукердиктин тереңдиги боюнча андаган гуманизмдин жаңы формасы болуп калат.

Ошентип, Бейтабий интеллекттин адамдын адептик эволюциясындагы ролун абийирдин күзгүсү жана катализаторунун ролу катары аныктоого болот. Ал жакшылыкты

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

жаратпайт, бирок аны аракетке чакырат; нормаларды формулировкакалабайт, бирок аларды кайра карап чыгууга мажбурлайт; адамды алмаштырбайт, бирок анын адамдык сапатын аңдалган кылат. Эгер качандыр бир технологиялар жеткилеңдикке жетсе, бул жеткилеңдик жөнөкөй чындыктын дагы ачык жаңырган фону гана болот: адамды адам кылган акыл эмес, абийир.

Бөлүштүрүлгөн интеллект шарттарындагы жоопкерчилик

Бейтабий интеллекттин өнүгүшү жөн гана жаңы технологияларды эмес, ой жүгүртүүнүн жаңы формасын – бөлүштүрүлгөн акылды жаратты, мында таануу, аракет жана контролдоо мындан ары бир субъектке таандык эмес. Алгоритмдер жамааттык маалыматтардын негизинде чечим кабыл алат, системалар өзүн-өзү үйрөнөт, ал эми адам көп учурда чынжырдагы жөн гана звено болуп калат. Бул заманбап философтор жана технология этиктери «accountability gap» – «жоопкерчилик ажырымы» деп атаган кырдаалды түзөт [8, 154-б].

Мурда моралдык тандоо дайыма инсандык менен байланыштуу болгон. Жоопкерчилик өз аракеттерин аңдаган жана алардын кесепеттерин кабыл алган субъектти болжолдогон. БИ доорунда жоопкерчилик барган сайын бөлүштүрүлгөн – иштеп чыгуучу, колдонуучу, корпорация, мамлекет жана системанын өзү ортосунда. Бирок катышуучулар канчалык көп болсо, жеке катышуу ошончолук аз. Жоопкерчиликтин көптүккө эрийт коркунучу пайда болот [12, 97-б].

Социалдык мааниде бул алгоритмдик анонимдүүлүк феноменинде көрүнөт: чечимдерди «эч ким» жана «бардыгы бир убакта» кабыл алат. Сот статистикалык моделге таянып өкүм чыгарганда; кредиттик система адамды санариптик профили боюнча баалаганда; тармак кылмыш тобокелдигин алдын ала айтканда – суроо туулат: ким конкреттүү адамдын тагдыры алдында моралдык милдетти так алып жүрөт?

Жоопкерчилик философиясы, Ханс Йонастан баштап,

эскерткен: күч канчалык чоң болсо, милдет ошончолук жогору. Технология доорунда бул, БИнин өнүгүшү юридикалык гана эмес, экзистенциалдык жоопкерчиликти да талап кылат дегенди билдирет [14, 221-б]. Адам мындан ары өз аракеттеринин кесепеттерине реакция менен чектелбейт – ал аларды ойлоп табуу стадиясында алдын ала көрүшү керек, анткени санариптик чечимдер миллиондогон нускаларда кайра чыгарылат. Алгоритмдеги ар бир ката – бул бир жолку ката эмес, системалык деформация.

Мындай шарттарда этиканын жаңы формасы – алдын ала жоопкерчилик (proactive responsibility) жаралат. Ал жасалган иш үчүн күнөөгө эмес, мүмкүн болгон нерсеге кам көрүүгө негизделген. Бул келечекке багытталган жоопкерчилик, моралдык элестетүүнү жана өз аракеттеринин кесепеттерин алар келе электе көрүү жөндөмүн талап кылат [17, 173-б].

Бейтабий интеллект, парадоксалдуу угулса да, философияны кайрадан зарыл кылат: ал адамга жөн гана рационалдуу эмес, адептик жактан ой жүгүртүү милдетин кайтарат. Заманбап технологиялар, күзгүдөй, адамдын жетилгендигинин ченин көрсөтөт: техника өзү коркунучтуу эмес, абийири менен байланышын жоготкон жоопкерчиликсиз акыл коркунучтуу.

Ошентип, БИ доорундагы жоопкерчилик жеке сапат болуудан калып, аман калуунун универсалдуу шартына айланат. Ал системалардын архитектурасына гана эмес (ethics by design), аң-сезим маданиятына да киргизилиши керек. Эгер адам ар бир технология анын эркинин уландысы экенин аңдаса, дал ушул аңдоодо анын чыныгы кадыр-баркы жатат [19, 202-б].

Корутунду

Аң-сезим жана жоопкерчилик – бул бир реалдуулуктун эки жагы: аңдоо (осознание) алсыраган жерде, милдет сезими да жоголот. Ички тажрыйбадан ажыраган Бейтабий интеллект, абийирге да, күнөөгө да жөндөмсүз. Бирок дал ушунусу менен ал адамга аң-сезимдин маңызын кайрадан эскертет: ал жөн гана билим эмес, адептик катышуу, жакшылык менен жамандыктын,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

чындык менен ыңгайлуулуктун, маани менен пайданын ортосундагы чек араны кармап туруу жөндөмү.

Заманбап дүйнө адам менен машинанын ортосундагы эмес, андоо менен жоопкерчиликсиздиктин ортосундагы тандоонун алдында турат. Эгер техника бизди эмгектен бошотсо, ал ошону менен бизди дагы чоң нерсеге – абийир эмгегине милдеттендирет. БИ эсептөөнү өзүнө алат, бирок жоопкерчиликти өзүнө ала албайт. Бул миссияны башкага тапшыруу мүмкүн эмес, анткени ал – адамдын ички бытиесинин формасы [6, 59-б].

Философиялык мааниде жоопкерчилик – бул реакция эмес, өзүн-өзү катыштыруу аракети: өз билимимдин кесепеттери менен байланышта экенимди моюнга алуу. Бул «эркин зарылчылык» – милдет тышкы мажбурлоо болуудан калып, ички жетилгендиктин туюнтмасы болгон абал. Бейтабий интеллект доорунда дал ушул абал алгоритмдик рационалдуулукка рухий каршы салмак катары сакталышы керек [11, 178-б].

Жоопкерчилик жөндөмүн жоготкон аң-сезим симуляцияга айланат. Бирок өзүнүн алсыздыгын аңдаган аң-сезим – жаңы этиканын булагы болуп калат. Балким, XXI кылымдагы философиянын башкы милдети – машиналарды ойлонууга үйрөтүү эмес, адамга өз ой жүгүртүүсүнүн ченин сезүү жөндөмүн кайтаруу.

Ошентип, Бейтабий интеллект доору адамды жокко чыгарбайт, тескерисинче, анын мындан да чоң катышуусун талап кылат. Жоопкерчилик жөн гана моралдык түшүнүк эмес, жашоо ыкмасы болуп калат. Эгер адамзат андоону милдеттин формасы катары, ал эми милдетти сүйүүнүн формасы катары сактап кала алса, анда эң кемчиликсиз алгоритмдер да тагдыр эмес, жөн гана курал бойдон калат.

Англисче терминдерди колдонуу жөнүндө эскертүү

Макаланын текстинде эл аралык философиялык-этикалык дискурсука бекем кирген кээ бир англисче туюнтмалар сакталган. Аларды түп нускада колдонуу так кыргызча эквиваленттеринин жоктугу жана баштапкы концептуалдык маанисин берүү аракети

менен шартталган.

Эң маанилүүлөрүнө төмөндөгүдөй түшүндүрмөлөр берилет:

- Ethics by design – «долбоорлоого киргизилген этика»; этикалык принциптер Бейтабий интеллект системаларын жөнгө салуучу чектөөлөр түрүндө кийинчерээк кошулбастан, иштеп чыгуу жана архитектура стадиясында эле камтылышы керек деген концепция.
- Human-in-the-loop – «контурдагы адам»; автоматташтырылган система операциялардын көпчүлүгүн аткарсан да, адам критикалык чечимдерди кабыл алууда чечүүчү ролду сактап калган башкаруу модели.
- Accountability gap – «жоопкерчилик ажырымы»; БИ системасы кабыл алган чечим үчүн моралдык же юридикалык жоопкерчиликти ким так алып жүрөрүн бир маанилүү аныктоо мүмкүн болбогон кырдаал.
- Value alignment – «баалуулуктарды шайкеш келтирүү»; БИнин максаттарын жана жүрүм-турумун адамдык моралдык жана социалдык нормалар менен шайкеш келтирүү милдети.
- Explainable AI (XAI) – «түшүндүрүлүүчү Бейтабий интеллект»; алгоритмдик чечимдердин тунуктугун жана интерпретацияланышын жогорулатууга багытталган изилдөө багыты.
- Moral agency – «моралдык субъекттүүлүк»; моралдык тандоого жана аракеттер үчүн жоопкерчиликке жөндөмдүүлүктү билдирген философиялык түшүнүк.

Колдонулган адабияттардын тизмеси:

1. Аристотель. Никомах этикасы. — М.: Мысль, 1983. — 384 б.
2. Бекбоев А. А. Бейтабий интеллекттин философиясы: гуманисттик горизонттор. — Бишкек: Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясынын Философия институту, 2024. — 212 б.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

3. Бубер М. Мен жана Сен. — М.: Республика, 1993. — 176 б.
4. Винер Н. Кибернетика жана коом. — М.: Советское радио, 1958. — 200 б.
5. Гегель Г. В. Ф. Рух феноменологиясы. — СПб.: Наука, 1999. — 495 б.
6. Гуссерль Э. Европа илимдеринин кризиси жана трансценденталдык феноменология. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2004. — 432 б.
7. Дьюи Д. Адам жана анын аракеттери. — М.: Прогресс, 1999. — 278 б.
8. Йонас Х. Жоопкерчилик принциби: технологиялык цивилизация үчүн этика тажрыйбасы. — М.: Республика, 2004. — 480 б.
9. Кант И. Практикалык акыл-эсти сыноо. — М.: Мысль, 1994. — 400 б.
10. Кассирер Э. Адам тууралуу тажрыйба: маданият философиясына киришүү. — СПб.: Университетская книга, 2003. — 320 б.
11. Мамардашвили М. К. Аң-сезим жана цивилизация. — М.: АСТ, 2018. — 352 б.
12. Митчелл М. Татаалдык. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — 368 б.
13. Морин Э. Метод. Табияттын табияты. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. — 512 б.
14. Хайдеггер М. Болмуш жана убакыт. — М.: Академический проект, 2013. — 460 б.
15. Харари Ю. Н. Homo Deus: эртеңки күндүн кыскача тарыхы. — М.: Синдбад, 2018. — 496 б.
16. Чалмерс Д. Андуу акыл: фундаменталдык теорияны издөө. — М.: Логос, 2012. — 416 б.
17. Эриксон Э. Иденттүүлүк: өспүрүм курак жана кризис. — М.: Прогресс, 1996. — 352 б.
18. Юнг К. Г. Архетип жана символ. — М.: Ренессанс, 1991. — 480 б.

19. Шваб К. Төртүнчү өнөр жай революциясы. — М.: Эксмо, 2016. — 288 б.
20. Шпенглер О. Европанын батышы. — М.: Мысль, 1998. — 784 б.

Бейтабий интеллект жана адеп-ахлак. 2-бөлүк
«Уңгу жол»: адеп-ахлактык башаттын улуттук булагына
умтулуу

Заманбап адам – руханий мурас менен технологиялык келечектин чегинде турат. Бул чек географиялык же убактылуу эмес, тескерисинче, **онтологиялык** чек – маани менен ылдамдыктын, тереңдик менен үстүртүктүн, болмуш менен агымдын ортосундагы чек. Биз жашаган дүйнө тамырынан тез ажырап, анын ордуна маалымат агымдары, алгоритмдер, симуляциялар – эс-тутумсуз жана жүрөгү жок белгилер менен алмаштырылууда. Санариптик маданият түшүнүүсүз билимдин, тиешелүүлүксүз байланыштын, рухтун катышуусуз болмуштун элесин жаратууда. Адамдын акылы универсалдуу, ой жүгүртүүсү глобалдуу, тили санариптик болуп калды. Бирок, бул универсализм менен кошо кооптуулуктун жаңы формасы келүүдө: абийир барган сайын локалдуу болуп, маданий эс-тутум, салт, тарбия, тил менен гана чектелүүдө. Адам технологиялар аркылуу дүйнө менен канчалык биригсе, ал адамгерчиликтин башаты – ар-намыс, боорукердик, жоопкерчилик өсүп чыккан ички тамыр менен байланышты ошончолук жоготуу коркунучунда.

Акыл менен тамырдын, универсалдуулук менен жекеликтин ортосундагы бул байланыш философторду дайыма ойлонтуп келген. Платон ар бир билим – бул **эстөө** (*anamnesis*) деп айткан. Жан чындыкты эстейт, анткени ал качандыр бир анын жарыгында жашаган. Ошол сыяктуу эле, эл өзүнүн руханий тамырын – **уңгусун** – рухтун баштапкы булагына кайрылуу аркылуу эстейт. Хайдеггер адам жөн гана ой жүгүртүүчү жан эмес, болмуштун үйүн издөөчү **жашоочу** жан деп жазган. **Уңгу жол** – бул дал ошол үйгө кайтуучу жол:

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

географиялык жерге эмес, адам кайрадан өзү боло турган ички мейкиндикке болгон жол.

Кыргыз философиялык салтында бул башат **унгу** сөзү менен белгиленет – бул негиз, терендик, болмуштун тамыры дегенди билдирет. Бул жөн гана метафора эмес, ал бүтүндөй дүйнө таанымдын туюндурулушу: өскөн нерсенин бардыгы таянычка ээ болушу керек; жашаган нерсенин бардыгы кайдан жаралганын эстеши керек. **Унгу** – бул өтмүш эмес, бул эс-тутум; ал форма эмес, ал жашоо булагы. Анда улуттук абийирдин – **ар-намыстын** энергиясы топтолгон, бул маданиятты таанымал гана кылбастан, адеп-ахлактык жактан өзүн-өзү жетиштүү кылат. Мындан улам «**Унгу жол**» – **тамырга кайтуу жолу** деген сөз келип чыккан: бул артка кетүү эмес, архаикага кайрылуу эмес, бул терендикке **көтөрүлүү**. Бул артка эмес, **ичкери** карай жол – ал жерде адам рух менен акылдын, прогресстин ылдамдыгы менен ички дүйнөнүн тынчтыгынын ортосундагы тең салмактуулукту табат. **Унгу жол** – бул адеп-ахлактын улуттук башатына, адамды жана элди өзгөрүүлөрдүн дүрбөлөндүү агымында бөлүнүп-жарылуудан сактап турган рухтун тирүү негизине багытталган руханий аракет.

Бүгүнкү күндө, адамзат заматтардын ыргагында жашап жаткан кезде, бул жол өзгөчө актуалдуулукка ээ. Технологиялык цивилизация адамга ыңгайлуулукту сунуштайт, бирок анын өлчөм сезимин алып коёт; маалымат берет, бирок маани сезимин алсыратат. Кант "адамга анын үстүндөгү жылдыздуу асман жана анын ичиндеги моралдык мыйзам берилген" деп жазган – бирок бардыгы алгоритмге баш ийген дүйнөдө, жылдыздар экрандар менен, абийирдин мыйзамы код менен алмаштырылат. Мындай кырдаалда **Унгу жол** жөн гана философиялык идея эмес, аман калуунун адеп-ахлактык багыты болуп калат. Ал эске салат: тамырсыз прогресс – бул багытсыз кыймыл, абийирсиз билим, эс-тутумсуз келечек. Николай Бердяев белгилегендей, руханий борборсуз эркиндик өзүмбилемдикке айланат. Дал ушул адеп-ахлактык тамырдан азыктанган рух чыныгы өнүгүүнү мүмкүн кылат. Анткени, ал гана адамды машинанын кошумча бөлүгүнө,

ал эми коомду "жүрөгү жок системага" айланып кетүүдөн сактай алат. **Уңгу жол** – бул элдин чыныгы күчү технологиялардын санында эмес, анын рухунун тереңдигинде экендигин эскертет. Тамыр унутулган жерде адеп-ахлак негизинен ажырайт; тамыр тирүү жерде абийир заманбап цивилизациянын эң татаал жолдорун да жарык кылган нур болуп калат. Ошентип адам жөн гана акылды эмес, **маанини** – жөн гана билимди эмес, санариптик дүйнөдө адамгерчиликти мүмкүн кылган рухтун демин кайрадан табат.

1. Уңгу руханий борбор катары

Кандай гана элдин тереңинде болбосун, анын өтмүшүн, азыркысын жана келечегин бирдиктүү руханий мейкиндикке бириктирген ички өзөк бар. Бул өзөктү көрүүгө, өлчөөгө же формалдаштырууга болбойт – ал жүрүм-турумда, тилде, эстутумда жана абийирде көрүнөт. Кыргыз ой жүгүртүүсүндө мындай өзөк **уңгу** болуп саналат – бул адеп-ахлактык болмуштун бузулбас өзөгү, элди дүйнөдө кармап турган, аны доордун өзгөрүүлөрүнүн жана азгырыктарынын арасында эрип кетүүгө жол бербеген нерсе. **Уңгу** – бул жөн гана тамыр эмес, ал адамдын аң-сезими айланган руханий огу. Анда көрүнгөн менен көрүнбөгөндүн, сөз менен унчукпоонун, билим менен ишенимдин ортосундагы гармония бар. Мартин Хайдеггер жазгандай, адам жөн гана *жашабайт*, ал *турат* – ошондуктан **болмуштун үйүнө**, рух өзүн коопсуз сезген мейкиндикке муктаж. **Уңгу** – бул дал ошол үй, адам өзүн-өзү тааныган көзгө көрүнбөгөн ички архитектура. Адам бул үйдү жоготкондо, ал өз акылынын кожоюну болуудан калат: ал ойлойт, бирок ойдо жашабайт; билет, бирок билимди башынан өткөрбөйт.

Кыргыздардын салттуу дүйнө таанымында адам автономдуу инсан катары эмес, тирүү бүтүндүктүн – уруунун, жердин, асмандын, жаратылыштын бөлүгү катары түшүнүлгөн. Дал ошол **уңгу** бул байланышты камсыз кылган. Ал иш-аракеттерге өлчөм берип, эркиндик менен жоопкерчиликти, кадыр-барк менен момундукту тең салмакта кармап турган. Бул мааниде **уңгуну** маданияттын жүрөгү деп атаса болот, ал элдин

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

аң-сезимин жаңы доорлор каптаганда да согуп турат. Ал руханий демди – **улуттук демди** – азыктандырат жана жашоонун ар бир формасын мааниге толтурат. Бул борборсуз кандай гана цивилизация болбосун сырткы гана болуп калат: ал чуулдайт, бирок үн чыгарбайт; кыймылдайт, бирок жашабайт. Платон жанды "жакшылыктын эс-тутуму" деп атаган. Өз башатын эстеген жан сыяктуу, эл да өз **унгусун** эстейт. Бул өтмүштү эстөө эмес, эч качан жоголбогон, бирок унутулган нерсеге кайтуу. Мындай кайтуу актысын **рухтун анамнези** – болмуштун баштапкы маанисин эстөө деп атоого болот. Анын аркылуу адам кайрадан өзүн гана эмес, дүйнөнүн өлчөмүн да табат.

Санариптик чөйрөгө чөмүлгөн заманбап адам үчүн **унгу** философия **антропологиялык якорь** – туруктуулуктун ички чекити деп атаган нерсеге айланат. Маалыматтын күчү канчалык күчөсө, руханий иденттүүлүк маселеси ошончолук курч турат. **Уңгуну** жоготкон адам эс-тутумун гана эмес, багытын да жоготот: ал бардыгын билет, бирок эмне үчүн экенин билбейт; ой жүгүртүүгө жөндөмдүү, бирок мааниси сезүүгө жөндөмсүз. Мамардашвили аң-сезим жөн гана билим эмес, "түшүнүүнүн азабы", мааниге карата ички сезимталдык деп айткан. **Уңгуну** жоготуп, адам бул жөндөмдөн ажырайт – ал акылдуу болот, бирок дүлөйгө айланат. Мирча Элиаде ар бир эл үчүн тамыр (башат) маанинин бүтүндөй космологиясы курулган ыйык борбор, **axis mundi** (дүйнө огу) экендигин белгилеген. Бул борборду жоготуу мейкиндикте эмес, болмуштагы багытты жоготууга алып келет. Ошондуктан **унгуга** кайтуу – бул убакыт боюнча кыймыл эмес, жердик менен рухийдин ортосундагы байланышты калыбына келтирүү. Ал маданият маалыматтын горизонталында ыдырап кетпеши үчүн ички вертикалды жандандырат.

Уңгу – бул билим менен абийирдин ортосундагы ажырымга жол бербеген эс-тутум этикасы. Анда окуялар тууралуу эмес, рухтун абалы тууралуу эс-тутум сакталат. **Уңгу** аркылуу маданият нускамаларды эмес, тажрыйбаны – үйрөнүүгө

болбой турган, бирок сезүүгө мүмкүн болгон нерсени берет. Дал ошондуктан кыргыз руханий салтында акылмандык эч качан теорияга айланган эмес – ал жашоо образы, жүрөктүн ыргагы, ички туруктуулук болгон. Акылмандык үйрөтүлбөгөн – аны **менен дем алышкан**. Адам өз **унгусуна** кайрылганда, ал өтмүшкө качпайт – ал келечек үчүн таяныч издейт. Бул артка эмес, башталышка, жакшылык менен адилеттүүлүк азырынча идеологияга жана кызыкчылыкка бөлүнө элек башат булагына кайтуу. Бул мааниде **унгу** – бул акыл менен абийир бири-бирине каршы турбастан, биримдикти түзгөн ички тең салмактуулуктун формасы. Заманбап цивилизация тышкы ырым-жырымдардын көптөгөн формаларын жоготту, бирок дал ошондуктан ал **рухтун ички ырым-жырымына** – өзүнүн **унгусун** андап-билүүгө кайрылууга муктаж. Бул кайтуу илимден же технологиялардан баш тартууну талап кылбайт; тескерисинче, ал аларды маанилүү кылат. Себеби, өз тамырын билген адам гана прогресстин жемиштерин өзүн-өзү жок кылбастан колдоно алат. Бердяев жазгандай, "маданият – бул рухтун материядагы ачылышы". Рух материядан кеткенде, ал маанисиз техникага айланат. Ошондуктан **Унгу жол** – руханий борборго болгон жол – бул жөн гана маданий долбоор эмес, адеп-ахлактык өзүн-өзү ырастоонун философиясы. Бул ички таянычка болгон аң-сезимдүү кыймыл, ансыз эң күчтүү интеллект да багытсыз күчкө айланат.

Унгу – бул сөз жаралган тынчтык; абийир өсүп чыккан тереңдик; эркиндикти азыктандырган тамыр. Адам бул ички ыргакты уга алганга чейин, ал адам бойдон калат – акылдын функциясы эмес, рухтун жарыгын алып жүрүүчү жан. Ошентип **унгу** жөн гана улуттук метафора эмес, болмуштун универсалдуу категориясы – ансыз эл да, адамзат да жашай албаган чындыктын руханий эквиваленти болуп калат.

2. Улуттук дем – тамырдын деми

Эгерде **унгу** – бул тереңдик болсо, анда **улуттук дем** – бул ошол тереңдиктин деми, анын сөздө, иш-аракетте, элдин жүрөгүндөгү тирүү көрүнүшү. Кыргыз тилиндеги **дем** сөзү жөн

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

гана дем алууну эмес, **өмүр күчүн**, бардык тирүү жанды – баланын деминен баштап булуттарды кыймылдаткан шамалга чейин – байланыштырган көзгө көрүнбөгөн энергияны билдирет. Бул адам жана эл денелик гана эмес, рухий жактан да дем алган нерсе. **Улуттук дем** – бул элдин абийиринин деми, анын жакшылык менен жамандыкты, ар-намыс менен уятты, кадыр-барк менен жоопкерчиликти сезе билүү жөндөмү. Бул ураан, декларация же идеология эмес. Бул ырларда жана дастандарда, сөзгө жана улууларга болгон урматтоодо, жерге жана ата-бабалардын элесине болгон сый-урматта жаңырган **рухтун ички дирилдөөсү**. Ар бир муунда бул дем ар кандай угулат, бирок анын ыргагы түбөлүктүү бойдон калат: **ал – улут жашаган пульс**.

Философ Анри Бергсон жашоону "үзгүлтүксүз чыгармачылык умтулуу" (*élan vital*), тирүүлүктү механикалыкка каршы койгон ички кыймылдын булагы деп атаган. Ошол сыяктуу эле, **улуттук дем** – бул элдин **рухунун өмүрлүк умтулуусу**, анын тереңдик менен байланышын жоготпостон, жаратууга жана жаңыланууга болгон жөндөмү. Технологиялар түз сызык боюнча кыймылдаса, рухтун деми спираль боюнча кыймылдайт – башатка кайрылып, ал жаңыны жаратат. Тышкы жашоо формалары ички маанилерге караганда тезирээк жаңыланып жаткан тез өзгөрүүлөр доорунда, **улуттук дем** аң-сезимдин ыдырашына каршы адеп-ахлактык тең салмак болуп калат. Ал адамга маалымат дүйнөсүндө эрип кетүүгө жол бербейт, эскертет: адам анын деми тирүү болгондо гана жашайт, ал эми эл анын руху жаңырганда гана бар болот.

Санариптик доор жаңы ыргактарды – тездетилген, фрагменттелген, үстүртөн ыргактарды жаратат. Ал көңүл бурууну талап кылат, бирок ой жүгүртүүгө убакыт бербейт. Дүйнө өлчөнгүс болуп калды, бирок сезилбейт. Өлчөм дем менен кошо жоголот. Бул жерде **улуттук демдин** мааниси жогорулайт: ал адамга **ички тынчтыктын ыргагын** кайтарат, ой жүгүртүүнү, боорукердикти жана маанини мүмкүн кылган демди. Философ Мераб Мамардашвили "жашоо – бул көңүл

буруу" деп айткан. Ал эми көңүл буруу да – дем алуунун формасы, катышуунун жолу. Рухтун демин жоготкон адам дүйнөгө көңүл бурбай калат, ал ички "бул жерде жана азыр" сезимсиз, катышуусуз жашайт. Бул дем өтмүш эмес, **түбөлүк азыркы**. Ал муундарды бириктирет, убакытты байланыштырат, адамды узун руханий чынжырдын катышуучусу кылат. Анда эстутум архив катары эмес, **катышуу энергиясы** катары жашайт. Ошондуктан **улуттук демди элдин моралдык атмосферасы** деп атаса болот: бул анын идеалдары, мүнөзү, адамгерчиликке болгон жөндөмү калыптанган көзгө көрүнбөгөн талаа. Рухтун деми жок эл жаратууга эмес, өндүрүүгө; жашоого эмес, аман калууга гана жөндөмдүү. **Дем** алсыраганда, маданият сөздүн күчүн, искусство тереңдигин, илим маанисин, дин жарыгын жоготот. Бардыгы ички оту жок формага айланат. Ошондуктан **улуттук демге** кайтуу – бул жөн гана улуттук идея эмес, **руханий өзүн-өзү сактоо актысы**.

Философ Виктор Франкл адам азап-тозокто да маанини көрө алганга чейин жашайт деп ырастаган. Ошол сыяктуу эле, эл анын деми – **улуттук дем** – тарыхтын сыноолору аркылуу да маанини алып жүргөндө гана жашайт. Франкл маанини "рухтун абасы" деп атаган; кыргыз ой жүгүртүүсүндө бул аба адамды анын адеп-ахлактык горизонту менен бириктирген **дем** болуп калат. Заманбап технологиялар демди ыргак менен, жүрөктү механизм менен, абийирди код менен алмаштырууга умтулат. Бирок дем алган нерсе программалана албайт. **Улуттук дем** – бул жаратылган нерсе эмес, **колдоого алынган** нерсе: сүйүү, көңүл буруу, башатка берилгендик аркылуу. Бул демди машинага берүүгө болбойт – ал адам аркылуу гана, анын башкалардын кайгысын жана кубанычын сезе жана бөлүшө билүү жөндөмү аркылуу берилет. Философ Альбер Камю: "Адам болуу – бул жооптуу болуу" деп жазган. **Улуттук дем** – бул жоопкерчиликтин деми, адамды адам, ал эми элди өзүнүн абийири кылган нерсе.

Бул мааниде **улуттук дем** – бул элдин ишке ашкан гуманизми. Ал абстракттуу формулаларда эмес, конкреттүү иш-

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

аракеттерде көрүнөт – жардам берүүгө даярдыкта, карыларга урматтоодо, балдарга кам көрүүдө, жерге болгон сый-урматта. Бул жаңсоолордун бардыгы – эл өзүнүн адеп-ахлактык саламаттыгын сактаган тирүү дем алуунун формалары. Айта кетүү керек, **улултук дем** – бул адамдагы элдин үнү жана элдеги адамдын үнү. Ал жеке абийирди жамааттык эс-тутум менен, жекени жалпы менен, заматты түбөлүктүүлүк менен бириктирет. Адам бул ички ыргакты укканда, ал жалгыз болуудан калат: ал өз эли менен бирге дем алат, ал эми эл – аны менен бирге. Ошентип **Уңгу жол** – тамырга болгон жол – дем алууга болгон жолго айланат. **Уңгуга** кайтуу – бул кайрадан дем алуу, акыл менен гана эмес, рух менен да жашап жатканынды сезүү. Бул дем – дал ошол адеп-ахлактык кайра жаралуунун башталышы: эл кайрадан абийир менен дем алууну үйрөнгөн жерде, келечекке болгон коркуу жоголот.

3. Уңгу жол жана абийир философиясы

Эгерде **уңгу** – бул тамыр, ал эми **улултук дем** – бул дем болсо, анда **абийир** – бул алардын тереңинде жаралган үн. Ал жөн гана жеке адамдын жакшылык менен жамандыкты айырмалоо жөндөмү эмес, адамдагы элдин ички резонансы, рухий коддун инсандын аң-сезиминдеги чагылышы. Абийир – бул **уңгу** адамда сүйлөгөн, ал эми адам өз элинин рухуна жооп берген нерсе.

Философиялык салтта абийир универсалдуу категория катары каралган – бардык убакыттар жана маданияттар үчүн бирдей болгон ички өлчөм. Иммануил Кант аны адамдын үстүндөгү жылдыздуу асман сыяктуу түбөлүктүү **ички мыйзам** деп атаган. Бирок **Уңгу жолдун** контекстинде абийир абстрактуу-категориялык эмес, **улултук-экзистенциалдык өлчөмгө** ээ болот: ал жөн гана принцип эмес, элдин жүрөгүндө кылымдар бою калыптанган маданий эс-тутумдун, ошол руханий сезимталдыктын тирүү туюндурулушу болуп калат.

Кыргыз салты абийирди дайыма кадыр-барк (**нарк**) жана адамгерчилик (**адамдык**) менен байланыштырган. **Абийирдүү адам** жөн гана эрежелерди аткарган адам эмес, өз болмушунун

өлчөмүн сезген, өзүнө да, дүйнөгө да гармонияны бузууга жол бербеген адам. Абийир – бул мыйзам эмес, ички тең салмактуулуктун деми: ал жазалабайт, бирок эскертет; көзөмөлдөбөйт, бирок багыт берет. Бердяев: "Абийир – бул тышкы мажбурлоо формасы эмес, ички эркиндиктин актысы" деп жазган. Ошол сыяктуу эле, **Уңгу жолдо** абийир – жазалоодон коркуу эмес, рух менен ооздукталган эркиндикке болгон жөндөм.

Абийир жеке жана жамааттыкты, рухий жана рационалдуулукту, улуттук жана универсалдуулукту бириктирет. Ал салт менен заманбаптын ортосундагы көпүрө. Адам дүйнөнүн тилдеринде сүйлөй алат, илимдин категориялары менен ой жүгүртө алат, бирок ал өз абийиринин үнүн – **уңгунун** теренинен келген ошол тынч, бирок өжөр чакырыкты укканда гана адеп-ахлактык жан бойдон калат. Хайдеггер бул ички чакырыкты адамды унутулуудан чыгууга үндөгөн "болмуштун үнү" деп атаган. Абийир – бул дал ошол чакырык: биздин руханий тегибизди, билим менен да, машина менен да алмаштырылгыс нерсени эскертүү.

Абийир – бул ички байланыштын формасы, ошондой эле жоопкерчиликтин формасы. Ал адамды **өзүн-өзү чектөөгө** – алгоритм да, Бейтабий интеллект да билбеген нерсеге – жөндөмдүү кылат. ЖИ иш-аракетти алдын ала айта алат, бирок анын **моралдык салмагын** түшүнө албайт. Ал эми абийир натыйжаны эмес, **маанини**; эффективдүүлүктү эмес, **адилеттүүлүктү** сезет. Виктор Франкл: "Жашоо – бул биз өз өмүрүбүзгө берген маани үчүн жооптуу болуу" деп жазган. Бул мааниде абийир – бул адамдын интеллектинин эң жогорку формасы, маалыматтар менен өлчөнбөгөн жана программалоого мүмкүн болбогон.

Адам абийирин жоготкондо, ал **уңгу** менен, өз болмушунун руханий тамыры менен байланышын жоготот. Ал кыймылдап, сүйлөп, иштеп жатса да, тирүү болуудан калат. Сартр адам "эркин болууга өкүм кылынган" деп айткан – бирок абийирсиз эркиндик туңгуюкка айланат. Технологиялык

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

цивилизация бизди дал ушул чекте сынайт: машиналарыбыз канчалык өркүндөтүлсө, руханий терендикти унутуу азгырыгы ошончолук күчөйт. Бирок **Уңгу жол** эскертет: ичкери карабай алдыга жылуу мүмкүн эмес. Абийирсиз прогресс башаламандыкка айланат; адеп-ахлаксыз билим – муздак куралга; рухсуз интеллект – руханий боштуктун формасына.

Абийир – бул күзгү, тамыр жана дем бир эле учурда. Анда адам өз элинен алган нерселердин бардыгы жана өз иш-аракеттери аркылуу ага кайтарган нерселердин бардыгы чагылдырылат. Ал ички дүйнөнү тышкы дүйнө менен, өтмүштү келечек менен, адамды адамзат менен байланыштырат. Мераб Мамардашвили абийир билим эмес, аң-сезимдин иши, анын "тынчтыкты уга билүү" жөндөмү деп жазган. Чындыгында, абийир – бул **унгунун** тынчтыгын угуу, ызы-чуулуу дүйнөдөгү рухтун демин угуу жөндөмү. Айта кетсек: **Абийир – бул рухтун универсалдуу тили, ал эми Уңгу жол – аны кайра угууну үйрөнүү жолу**. Ошондуктан абийир философиясы – абстракттуу теория эмес, адамдын кандай иш-аракет кылганын гана эмес, ал дүйнөдө өзүн кандай **сезгенин** жана **түшүнгөнүн** да аныктаган улуттук ой жүгүртүүнүн формасы. Абийир – бул юридикалык мыйзам эмес, жанды ыдыроодон сактаган адеп-ахлактык музыка. Адам **Уңгу жол** менен баратканда, ал бул музыканы угуу жөндөмүн кайтарып алат. Ал акыл менен гана жашоодон калып, кайрадан рух менен дем алууну үйрөнөт. Абийирге кайтуу прогресстен баш тартууну билдирбейт; тескерисинче, ал прогрессти адамдык кылат. Анткени абийирсиз келечек – бул жөн гана тездетилген кулоо, ал эми абийир кыймылды жолго айлантат. Ошентип **Уңгу жол** жөн гана метафора эмес, улуттук өз аң-сезимди жана универсалдуу этикалык мыйзамды бириктирген **адеп-ахлактын практикалык философиясы** болуп калат. Абийир аркылуу эл эстей гана албастан, дүйнөнү андагы адамды жок кылбастан өзгөртө алат.

4. «Уңгу жол» жана Бейтабий интеллект доору

Заманбап дүйнө технологиялар адамдын физикалык гана

эмес, интеллектуалдык, кээде моралдык функцияларын да аткара баштаган фазага кирди. **Бейтабий интеллект** анализдей алат, божомолдой алат, чече алат – бирок ал **угууга** жөндөмсүз. Ал ички жооп кайтаруусуз, азап жана боорукердик, адамдык түшүнүк жаралган ошол руханий тынымсыз аракет кылат. Бул мааниде ЖИ доору жөн гана технологиялык эмес, **адеп-ахлактык-антропологиялык бурулуш**, анда адамзат кайрадан өзүнө суроо берүүгө мажбур: **адамды адам кылган эмне?**

Уңгу жол – **улуттук дем** концепциясы бул суроого ачыкты сунуштайт. Ал чыныгы өнүгүү тышкы инновациядан эмес, тамырга ички кайтуудан башталат деп ырастайт. БИ акылдын мүмкүнчүлүктөрүн кеңейте алат, бирок рух жашаган ошол демди (**дем**) алмаштыра албайт. Машина ойлойт – адам сезет; машина чечет – адам айырмалайт; машина маалыматтарды иштетет – адам эс-тутумду сактайт. Ал эми бул эс-тутум – архив эмес, адеп-ахлактык сезим өсүп чыккан **уңгунун** – тамырдын тирүү уландысы. Фрэнсис Бэкон XVII кылымда эле билимдин күчү жакшылыктын күчү менен биригиши керек деп эскерткен: "Күч үчүн билимге умтулган адам өзүн-өзү жок кылат". Бүгүнкү күндө анын сөздөрү жаңы мааниге ээ болууда – анткени алгоритмдерде ишке ашкан билим, эгерде анда абийирдин деми жок болсо, кооптуу болуп калат.

Технологиялар автономдуу болуп калганда, адам бул тамырды жоготуу коркунучунда – жаратуучудан колдонуучуга, сактоочудан керектөөчүгө айланууда. Бирок **Уңгу жол** эскертет: өтмүштү сезбей туруп, келечекти курууга болбойт; рух жоголсо, акылга ээ болууга болбойт. БИ адамзат өз мурасына кандай мамиле кылып жаткандыгынын күзгүсү болуп калат. Эгерде тамыр кесилсе – алгоритм боштуктун муздак чагылышына айланат. Эгерде адам руханий салт менен байланышты сактаса, технологиялар анын гуманизминин уландысы боло алат.

Ошентип, **Уңгу жол** Бейтабий интеллектке каршы турбайт – ал ага **өлчөмдү**, техника кызмат кыла турган, бирок адамды алмаштырбай турган **чек араны** белгилейт. Ханна Арендт техниканын чыныгы коркунучу машиналардын өзүндө эмес,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

адам өз иш-аракеттеринин кесепеттери жөнүндө ой жүгүртүүдөн калгандыгында деп жазган. Абийир – бул дал ошол ой жүгүртүүнү иш-аракетке, ал эми жоопкерчиликти билимге кайтарган өлчөм. Буга байланыштуу **абийир** эки системанын тең борбордук түшүнүгү болуп калат: технология үчүн ал – түшүнүксүз категория, адам үчүн – билим менен акылмандыктын ортосундагы тең салмактуулукту кармап турган ички мыйзам. ЖИ категорияларды айырмалоону үйрөтүүгө болот, бирок **уятты, күнөөнү, боорукердикти** – кодко эмес, маданиятта калыптанган рухтун ошол назик абалдарына – үйрөтүүгө мүмкүн эмес. Ал эми маданият **уңгудан** азыктанат – элдин терең эс-тутумунан, анын мифтеринен, ырларынан, символдорунан, дубаларынан, адамгерчиликти сактап турган ошол демден. Виктор Франкл "этикасыз технология адамды каражатка айлантат" деп жазган. Бирок маани – дайыма эсептөөдөн эмес, рухтан жаралат.

Ошондуктан санариптик доордогу **Уңгу жол** – бул өтмүшкө кайтуу эмес, билим багытын жоготкон руханий өзөктү, **окту калыбына келтирүү**. Бул ок – абийир, ал адамды өз башаты менен бириктирет жана аны алдыга багыттайт. Абийир технологиялык дүйнөдө гуманизмди мүмкүн кылат, анткени ал иш-аракетти маани менен, күчтү жоопкерчилик менен, билимди жакшылык менен байланыштырат. БИ, чындыгында, адамзатты бул тең салмактуулукту сактоо жөндөмүнө сынайт. Ал адеп-ахлакты жок кылбайт, бирок аны ачык-айкын кылат: эгерде абийир алсыраса – алгоритм муну чечимдердин адилетсиздигинде, эмпатиянын жоголушунда, адамдын функцияга айланышында дароо аныктайт. Юваль Харари "Homo Deus" китебинде ХХI кылымдын башкы чакырыгы машиналарды ойлонууга үйрөтүү эмес, адамдын сезе билүү жөндөмүн сактоо деп жазган. Дал ушул **Уңгу жолдун** философиясын – машиналар доорунда демди кайтарган тамыр философиясын актуалдуу кылат. Кыргыз руханий салтында бул аң-сезим дем алуунун символу – **дем** аркылуу туюнтулган: адам аба менен гана эмес, өз элинин руху менен да дем алганга чейин

тирүү. Ошол сыяктуу эле, цивилизация анын технологиялары абийир менен дем алганга чейин жашайт. Дем токтогондо – бардыгын эсептөөгө мүмкүн болгон, бирок эч нерсени сезүүгө мүмкүн болбогон жансыз машиналар доору келет. Ошондуктан XXI кылымда **Уңгу жол** менен жүрүү – бул ретроспекция эмес, **моралдык өзүн-өзү коргоонун активдүү формасы**: үстүрттүк менен жок кылынбоо үчүн тереңдикке кайтуу. Бул рух санариптик мейкиндикке киргенде да өз тамырын сактаган жол; улуттук этика **глобалдык гуманизмдин** негизи болгон жол. Мераб Мамардашвили: "Адамга акыл билиш үчүн эмес, түшүнүш үчүн берилген" деп айткан. Ошол сыяктуу эле, Бейтабий интеллект түшүнүүнү алмаштыруу эмес, рухтун кайтып келишине себеп болушу керек. Эгерде адамзат өз алгоритмдерине абийирди дем бере алса, анда машиналар дүйнөсүндө да ал адамгерчиликтин демин сактап калат.

5. «Уңгу жол» адеп-ахлактык келечектин философиясы катары

Ар бир цивилизация рухтан – билимди абийир менен, иш-аракетти жоопкерчилик менен бириктирген ички демден жаралат. Бул дем алсыраганда, маданият таянычын жоготуп, системага, ал эми адам функцияга айланат. XXI кылымда адамзат **прогресстин ылдамдыгы түшүнүүнүн тереңдигинен ашып өткөн** доорго кирди. Бейтабий интеллект бул жаңы фазанын символу болуп калды: ал акылдын горизонтторун кеңейтет, бирок ошол эле учурда адамдын руханий аялуулугун ачыкка чыгарат. Машина логиканы так туурайт, бирок абийирди – ой жүгүртүүнү адамдык кылган ошол ички демди – кайталай албайт. Дал ушул жерде **«Уңгу жол – улуттук дем»** концепциясы философияга тереңдиктин өлчөмүн кайтарып, тамырсыз туруктуу келечек мүмкүн эмес экендигин эскертет.

Уңгу – бул жөн гана метафора эмес, ошондой эле **онтологиялык принцип**: тамыр көрүнбөгөн менен көрүнгөндү, өтмүш менен азыркыны, рух менен иш-аракетти бириктирет. Мирча Элиаде жазгандай, "башатка ар бир кайтуу – бул өтмүшкө кетүү эмес, борборду калыбына келтирүү". Ошол

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

сыяктуу эле, **Уңгу жол** – бул артка эмес, **ичкери** карай жол: абийир жашаган, адам өз тегин этникалык таандыктык катары эмес, **жашоо алдындагы адеп-ахлактык жоопкерчилик** катары андап-билген башатка. Тамырды мындай түшүнүү улуттук руханияттан келип чыккан, бирок бүткүл адамзатка багытталган жаңы универсалдуу гуманизмди калыптандырат.

БИ, тескерисинче, **сыртка** карай кыймылды – акылдын, эсептөөнүн, автоматташтыруунун экспансиясын ишке ашырат. Ал жашоонун бардык чөйрөлөрүнө кирет, бирок сейрек **ылдый**, маанинин негиздерине багытталат. Ошондуктан БИ менен Уңгу жолдун жолугушуусу – бул **тереңдик менен үстүртүктүн**, рух менен коддун, абийир менен алгоритмдин жолугушуусу. Бул жолугушуу касташкан эмес – тескерисинче, адамзат прогресстин ички жана тышкы өлчөмдөрүнүн ортосундагы тең салмактуулукту жоготпошу үчүн ал зарыл. Өз **уңгусун** сактай алган эл, технологиялык доордо салтты сактоочу гана эмес, **дүйнөлүк руханий тең салмактуулуктун булагы** бойдон калат.

Кыргыз философиялык идеясы **улуттук дем – улуттун деми** – адеп-ахлак түшүнүгүн тирүү, дем алып турган, аракеттеги кылат. Ал ырастайт: жакшылык абстракттуу боло албайт – ал адамга **дем берилиши** керек: тил, эс-тутум, искусство аркылуу, абийир күнүмдүк жашоодон ажыратылбаган маданияттын ошол көзгө көрүнбөгөн кыртышы аркылуу. БИ эсептей алат, бирок дем бере албайт; эсептей алат, бирок жандандыра албайт. Ошондуктан дем (**дем**) – эч бир технология алмаштырбай турган нерсенин символу: **дүйнөдөгү рухтун катышуусу**.

Уңгу жолдун философиясы салт менен инновациянын жаңы синтезин түзөт:

- **Тамыр (уңгу)** – эс-тутум жана абийир;
- **Жол (жол)** – өнүгүү жана аң-сезим;
- **Дем (дем)** – жашоо жана шыктануу.

Дал ушул алардын биримдиги гана акыл машиналык, ал эми эрк статистикалык болуп калган цивилизациянын руханий

боштугун алдын ала алат. Николай Бердяев жазгандай, "адамзаттын келечеги техниканы руханий жеңүүдөн көз каранды". Руханий тамырсыз технологиялык прогресс багытсыз ылдамданууга айланат. Бирок эгерде адам билимди кайрадан рух менен бириктирсе, анда алгоритмдер коркунуч эмес, жаратууга, жок кылууга эмес, жөндөмдүү болгон **этикалык акылдын уландысы** болуп калат. **Уңгу жолдун** адеп-ахлактык келечектин философиясы катары мааниси дал ушунда: бул технология рухту сактоо куралына айланган, аны сүрүп чыгаруу эмес, жол. Анда БИ адамды алмаштырбайт, тескерисинче, андан **эс-тутумду сактоону, боорукердикти, айырмалоону, сактоону** үйрөнөт. "Абийир жана алгоритм" – эки карама-каршы уюл эмес, бир эволюциянын эки баскычы: тышкы – логикалык, ички – руханий. Заманбап адам бул жолдордун кесилишинде турат. **Уңгу жолду** тандоо – бул прогресске **адеп-ахлактык огу** кайрадан аң-сезимдүү берүү, технологияны маданияттын уландысы, ал эми маданиятты адамгерчиликтин булагы кылуу дегенди билдирет. Бул өтмүшкө кайтуу эмес, абийирдин актысында өтмүш менен келечек жолуккан **тереңдикке карай кыймыл**. Эгерде адамзат өз алгоритмдерине рухту дем бере алса, анда санариптик кылымда ал жүзүн жоготпойт – тескерисинче, ал өсүп чыккан тамырды дагы даана көрөт.

6. «Уңгу жол» айтматология контекстинде

6.1. Айтматовдогу уңгу руханий эс-тутум катары

Айтматовдун көптөгөн чыгармаларында **уңгу** адамдын адеп-ахлактык болмушун азыктандырган **тирүү эс-тутум**, тамыр катары ачылат. "Плаха" повестинде жаратылыш, жер, Кудай жана уруу менен болгон руханий байланыштын бузулушу адеп-ахлактын ыдырашынын символу болуп калат. Баатырлар аң-сезим рухтан, ал эми иш-аракет абийирден ажыраган дүйнөдө калышат. Авдий Каллистратов – жаңы доордун пайгамбары, адамзатка жоголгон рухтун демин (**улуттук демди**) кайтарууга аракет кылган адам. Анын системага каршы көтөрүлүшү – саясий акт эмес, бардыгын эстеген, бирок эч нерсени сезбеген дүйнөгө багытталган **абийирдин моралдык кыйкырыгы**.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Айтматов өз тамырын унуткан адам **механикалык системалардын** – идеологиялык, социалдык, ал эми азыр технологиялык – **барымтасына** айланат деп көрсөтөт. Анын образдары заманбап "санариптик маңкурттун" тибин алдын ала айтат – билими бар, бирок эс-тутуму жок, ой жүгүртөт, бирок эстебейт, аракет кылат, бирок сезбейт. Бул идея "Кылым карытар бир күн" романында өзгөчө терең чагылдырылган. Маңкурттун образы **эс-тутумсуздуктун онтологиялык символу**, бүткүл адамзатка эскертүү болуп калды. Маңкурт жашайт, бирок ким экенин билбейт; буйруктарды аткарат, бирок маанисин түшүнбөйт. Ал – тамырсыз, демсиз, рухсуз адам. Айтматов көрсөтөт: эс-тутумсуз абийир жоголот, абийирсиз – адамгерчилик. Бул идея эл тамырын жоготкондо, өтмүштү эмес, келечекти жоготот деп ырастаган **Уңгу жолдун** философиясы менен таң калыштуу түрдө үндөшөт.

6.2. Абийир Айтматов философиясынын деми катары

Айтматовдун дүйнөсүндөгү абийир – бул **рухтун деми**, Кудайдын жарыгынын адамдагы катышуу формасы. Бул тар маанидеги моралдык эмес, жүрөктү жана жерди, инсанды жана элди бириктирген **болмуштун ички ыргагы**. Адам тарыхтын бороон-чапкындарынын жана бийликтин азгырыктарынын арасында өз адамгерчилигин абийир аркылуу гана сактай алат. "Саманчынын жолундагы" Толгонай – бул абийирдин, анын аялдык, энелик башатынын чагылышы. Анын кайгысы – бул жердин кайгысы, анын унчукпоосу – бул тиленүү. "Бороондуу бекеттеги" Эдигей убакыттардын чегинде жашайт – эс-тутум менен унутуунун ортосунда. Анын өлгөн досу Казангапка болгон берилгендиги – бул убакытка каршы адеп-ахлактык каршылык актысы.

Айтматов абийир – бул **муундар ортосундагы көпүрө**, кылымдар аркылуу өткөн, өтмүштү келечек менен бириктирген дем экендигин көрсөтөт. Бул идея **улуттук дем** – элдин деми, анын рухту тирүү кармап турган көзгө көрүнбөгөн энергиясы менен терең дал келет. Абийир – бул адеп-ахлактык болмушту мүмкүн кылган дем: ал эсептебейт, бирок сезет, ой жүгүртпөйт,

бирок күбөлүк берет. Айтматов муну көркөм ачылыш формасында туюнтат: адам акыл менен эмес, абийир менен; окуялардын эс-тутуму менен эмес, жүрөктүн эс-тутуму менен жашайт.

Ошентип, Айтматов **Уңгу жолдун философу** катары чыгат: ал тамырга карай кыймыл – бул өтмүшкө кайтуу эмес, абийирге кайтуу экендигин көрсөтөт. Адам өз **унгусунда** канчалык терең тамырлашса, анын адамгерчилиги ошончолук кенен, башкаларды түшүнүү жөндөмү ошончолук күчтүү.

6.3. Айтматов жана Бейтабий интеллект доору

Бүгүнкү күндө, Бейтабий интеллект адамдын жашоосунун жаңы мейкиндигин калыптандырып жаткан кезде, **айтматовдук образдар пайгамбарлык мааниге ээ** болууда. Ал санариптик алгоритмдер жөнүндө билбей туруп эле маңкурттар жөнүндө сүйлөгөн; нейротүйүндөр жөнүндө күмөн санабай туруп эле "жансыз акыл" жөнүндө эскерткен. Бирок анын кооптонуусу метафизикалык болгон: ал коркунуч машинада эмес, руханий жан болуудан калган адамда экенин сезген. БИ маалыматты сактай алат, бирок **абийирди** сактай албайт. Ал тааный алат, бирок түшүнө албайт; алдын ала айта алат, бирок сезе албайт. Айтматов айтмак: машина азапты билбейт, демек, жашоону билбейт. Бул мааниде анын чыгармачылыгы – жөн гана көркөм мурас эмес, **технологиялык доордун адеп-ахлактык компасы**. Ал эскертет: руханий тамырсыз (**унгу**), рухтун демисиз (**дем**), абийирдин үнүсүз адам ХХI кылымдын маңкуртуна айланат – түзүлүштөрдүн эс-тутуму бар, бирок жүрөктүн эс-тутуму жок жанга.

6.4. Айтматология Уңгу жолдун гуманисттик негизи катары

Айтматология – бул илимий багыт гана эмес, ошондой эле **болмуштун гуманисттик философиясы**. Ал сюжетти эмес, маанини, автордун өмүр баянын эмес, рухтун тагдырын изилдейт. **Уңгу жол – улуттук дем** контекстинде айтматология **кыргыз маданиятынын адеп-ахлактык өзүн-өзү таануусунун таянычы** болуп калат. Айтматов аркылуу кыргыз философиясы дүйнөдө угула ала турган үнгө ээ болот: тилине жана динине

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

карабастан, бардык адамдарга багытталган абийирдин үнүнө. Айтматов кыргыз оюна Камю Европага берген нерсени – абсурд доорунда **катышуу этикасын**, боорукердик этикасын берди. Ал гуманизм универсалдуу схема эмес, эс-тутумдан, кайгыдан жана сүйүүдөн жаралган конкреттүү элдин деми экендигин көрсөттү. Ошондуктан анын философиясы – бул **улуттук демдин** формасы: ал улуттук рухту дүйнөлүк адабиятка дем берди.

Бул мааниде **Уңгу жол** – бул элдин жолу гана эмес, ошондой эле ойчул катары Айтматовдун жолу. Ал бул жолду басып өтүү – эпостон этикага, дастандан абийирге, мифтен метафизикага. Ошондуктан Уңгу жолдун философиясында дал ушул Айтматов **тирүү тамыр** болуп калат – ал аркылуу элдик дем сөзгө ээ болгон.

• **Эскертүү. Уңгу жол** – улуттук дем концепциясы жана Чыңгыз Айтматовдун чыгармачылыгы бир чекитте – **руханий жоопкерчилик идеясында** биригет. Айтматов адеп-ахлактык тамыр – өтмүштүн предмети эмес, келечектин тирүү негизи, ал эми ага болгон жол абийир аркылуу өтөрүн көрсөттү. Эгерде Уңгу жол философиясы тамырга багытталса, анда Айтматов бул тамырдын демине багытталган: ал адамда, анын иш-аракетинде, анын сөзүндө кандайча жаңырганына. Айта кетсек: Айтматов – адабияттагы Уңгу жолдун деми, ал эми Уңгу жол – рухтагы Айтматовдун философиялык уландысы.

Эпилог. Абийир доордун деми катары

Адамзат акыл жекече болбой калган, ой жүгүртүү бөлүштүрүлгөн, билим жүзүн жоготкон, ал эми интеллект өз тегин унуткан кылымга кирүүдө. Бирок дал ушул учурда, маалыматтардын жаңырыктуу агымдарынын жана үнсүз машиналардын арасында, **тамырдын – уңгунун чакырыгы**, абийир жаралган башатка ички кайтуунун чакырыгы өзгөчө даана угулат. Абийир – бул рухтун деми, бардыгын эсептөөгө мүмкүн болгон, бирок эч нерсени сезүүгө мүмкүн болбогон дүйнөдө адамды ыдыроодон сактаган нерсе. Бейтабий интеллект абийирге жөндөмсүз, бирок аны ойготууга жөндөмдүү. Ал адамзаттын алдына күзгү коёт, анын прогрессин эмес,

маанинин жоголушун чагылдырат. Абийир жоголгон жерде, билим да багытын жоготот; дем (дем) түгөнгөн жерде, маданият кодго айланат. Абийирсиз машина – бул курал; абийирсиз адам – коркунуч.

«Уңгу жол – улуттук дем» концепциясы бул чакырыкка жооп болуп калат. Ал адеп-ахлактын башаты алгоритмде эмес, рухтун деминде; рационалдуулукта эмес, катышууда деп ырастайт. Уңгу жол – бул артка кыймыл эмес, ичкери, өтмүш аң-сезим аркылуу келечекке айланган негизге карай жол. Улуттук дем – элдин деми – бул абийир, эс-тутум жана жарык бириккен жалпы адамзаттык дем алуунун формасы. Бул жерде – Айтматовдун ою менен үндөшүү бар: ал үчүн эс-тутум жана абийир бир чындыктын эки тарабы болгон. Ал эскерткен: эс-тутумун жоготкон адам абийирин да жоготот; рухтун демин жоготкон эл өз машиналарынын туткунуна айланат.

Заманбап технологиялар жүздөрдү тааный алат, бирок адамды тааный албайт; жүрүм-турумду алдын ала айта алат, бирок тагдырды түшүнө албайт. Алар эсептешет, бирок сезишпейт. Дал ушул машина дем албагандыктан, адам теренчирээк дем алышы керек: доорго маанини дем бериши керек, кандайдыр бир кезде чопого дем берип, ошону менен өзүн жараткандай.

Абийир – бул доордун деми, анын улуттук деми, анын руханий кычкылтеги. Ансыз билим чаңга, ал эми акыл караңгылыкка айланат. Ошондуктан абийирди сактоо – этиканын гана милдети эмес, ошондой эле адамзаттын аман калуу шарты. Технологиялар дүйнөнү өзгөртө алат, бирок рух гана аны актай алат. Эгерде адам уңгу – адеп-ахлак өсүп чыккан тамыр менен байланышты жоготпосо, анда ал санариптик алгоритмдердин арасында да адамгерчиликтин демин сактап калат.

Ошентип Уңгу жол жөн гана улуттук философия эмес, техногендик доорду руханий жеңүү жолу, Айтматовдук абийир менен технологиялардын заманбап этикасынын ортосундагы көпүрө болуп калат. Ал байыркыны жана

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

келечекти, ичкини жана тышкыны, акылды жана абийирди – машинага таандык болбогон бир демде бириктирет. Адам бул дем менен – рухтун, абийирдин жана эс-тутумдун деми менен дем алганга чейин, ал тирүү бойдон калат. Улуттук дем жашаганга чейин – адамзат жашайт.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Теоретико-прикладное осмысление Искусственного Интеллекта

Искусственный интеллект как “чёрный ящик” разума

(историко-философский и эпистемологический подход)

Аннотация В статье рассматривается философская метафора «чёрной машины» применительно к искусственному интеллекту (ИИ) и её значение в свете традиций философской антропологии, гносеологии и философии сознания. Анализируются концептуальные связи между механистическим мышлением Нового времени и современными представлениями о нейросетевом ИИ, который действует как непрозрачная, но эффективно функционирующая система. Обосновывается тезис о необходимости переосмысления базовых философских понятий: субъектности, рациональности и объяснимости. Особое внимание уделяется парадоксам, возникающим при взаимодействии человека с ИИ, который демонстрирует интеллектуальное поведение без сознания и самопонимания. Авторский анализ показывает, что ИИ представляет собой вызов классической эпистемологии, в которой знание предполагает осмысленность, прозрачность и способность к рефлексии. Подчёркивается, что развитие ИИ требует философской ревизии самого понятия мышления: возможно ли познание без субъекта, рациональность без логики, ответственность без осознания? В итоге утверждается, что ИИ как «чёрная машина» представляет собой не только технологическую, но и глубоко философскую проблему, ставящую под сомнение антропоцентрические основания западной мысли.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, философия*

сознания, чёрная машина, субъектность, рациональность, объяснимость.

Введение. С XVII века философия предпринимает последовательную попытку объяснить разум с опорой на модели, заимствованные из естественных наук. Декарт, Лейбниц и Гоббс сформировали основы механистического мышления, в котором разум уподоблялся машине, действующей по чётким законам. Особенно выразительной была метафора часов — наиболее совершенного механизма своего времени, символа ясности, логики и управляемости. Такое представление о мышлении как поддающемся расчёту и моделированию процессе оказало долговременное влияние на развитие как философской мысли, так и прикладных наук [1]. Концепт разума как машины — управляемой, предсказуемой и поддающейся анализу — стал краеугольным камнем современной рациональности. Он лёг в основу не только философии Нового времени, но и научной революции в целом, обусловив стремление редуцировать сложные явления к базовым элементам и простым закономерностям. Однако в XXI веке мы сталкиваемся с новым этапом этой истории — появлением искусственного интеллекта, функционирующего на базе нейросетей, машинного обучения и огромных массивов данных. Эти системы не только воспроизводят отдельные когнитивные функции, но и выходят за пределы человеческого понимания: они работают по принципам, которые зачастую не поддаются интерпретации ни в рамках классической логики, ни в рамках традиционной онтологии субъекта. Мы имеем дело с так называемыми «чёрными машинами» — структурами, способными принимать решения, генерировать тексты, обучаться и адаптироваться, но лишёнными прозрачности, объяснимости и субъективности. Именно в этом заключается философский поворот: если разум — это больше не то, что можно понять и воспроизвести, а то, что действует вне понимания, то философия должна выработать новые категории анализа, способные осмыслить этот вызов [2].

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Обсуждение. Философия Нового времени кардинально изменила подход к вопросу о природе человека. Декарт, Лейбниц, Гоббс и другие мыслители XVII века стремились интерпретировать человеческий разум сквозь призму формирующихся тогда естественных наук. Интеллект начал представляться как система, действующая по механическим законам. Наиболее показательным стало сравнение человека с машиной, а сознания — с управляемым механизмом, где рассудок уподоблялся часам — самой совершенной и понятной технологии эпохи [3].

Это сравнение отражало не только дух времени, но и методологическое стремление к редукции сложного к простому, непонятного — к объяснимому. Сегодня, в эпоху искусственного интеллекта, подобная параллель вновь актуализируется, но в совершенно ином философском ракурсе. Современные модели ИИ всё чаще называют “чёрными ящиками” или “чёрными машинами” — терминами, обозначающими непрозрачные, но эффективно действующие структуры. Возникает вопрос: что это — новая версия механистической метафоры разума или принципиально иная форма мышления, выходящая за рамки классической рациональности? [4]

Парадигма механического мышления, зародившаяся в эпоху Нового времени, имела не только методологические, но и глубокие эпистемологические основания, связанные с переосмыслением самого понятия разума в свете научной революции XVII века. Эпоха Галилея, Кеплера и Ньютона утверждала модель мира как предсказуемой, рационально устроенной механической системы, управляемой универсальными законами. Именно в этом контексте Рене Декарт выстраивает свою философскую программу — попытку обоснования всеобщей рациональности и построения универсального метода познания.

В «Рассуждении о методе» (1637) Декарт вводит принцип «ясности и отчётливости» (*clarté et distinction*) как критерий

истинности мысли. Подлинное мышление должно быть структурировано, прозрачно, логично, и, по возможности, дедуцироваться из незыблемых начал. Мысль, по Декарту, подобна математическому уравнению: её элементы должны быть разложены на простейшие составляющие, из которых может быть вновь выстроено знание. Именно здесь кроется исток механистической метафоры мышления — представления о разуме как о структуре, способной к расчёту, управлению, моделированию.

Согласно дуалистической онтологии Декарта, человек есть соединение двух субстанций: *res extensa* — протяжённой, телесной, и *res cogitans* — мыслящей. При этом тело в картезианской системе трактуется как объект естественнонаучного анализа, как своего рода машина, управляемая разумом. Эта телеологически ориентированная модель утверждает превосходство сознания над материальным, однако сама по себе она уже подготавливает возможность для редукции психического к физическому.

В этом смысле Жюльен Офре де Ламеттри становится радикальным продолжателем и одновременно подрывателем картезианской традиции. В трактате «Человек-машина» (1748) он снимает дуализм Декарта и выдвигает идею тотального материализма: человек — это не соединение духа и тела, а единый телесный организм, наделённый способностью мыслить исключительно в силу организации своей материи. Мозг, как и печень или сердце, производит мысль — не в силу наличия души, а в силу своей сложной структуры.

Таким образом, у Ламеттри происходит редукция сознания до функции тела, что позволяет представить разум как нечто технически воспроизводимое. Его метафора человека как машины выводит мысль за пределы метафизики — в сферу возможного инженерного моделирования. Это одно из первых философских утверждений, в котором появляется идея о принципиальной сконструируемости мышления, пусть пока ещё в рамках метафорики автомата или часов [5].

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

В XVIII веке механика воспринималась как вершина точной науки, и потому сравнение разума с часами или автоматом не носило уничижительного характера. Напротив, в этом выражалось восхищение рациональной организованностью человеческой природы. Уже тогда в философии начинается представление о том, что мышление может быть смоделировано, воспроизведено, возможно, даже сконструировано вне человеческого тела. Однако это представление оставалось концептуально ограниченными рамками механики той эпохи.

Тем не менее, заложенное в философии Нового времени семя идеи об искусственном разуме прорастает в XX–XXI веках в формах, о которых Ламеттри не мог и мечтать: нейросети, самообучающиеся алгоритмы, языковые модели — всё это продолжение той линии, где мысль больше не принадлежит исключительно человеку.

Современные формы искусственного интеллекта — особенно нейросетевые архитектуры глубокого обучения (*deep learning*) — знаменуют собой качественно новый этап в истории попыток смоделировать разум. Если философы Нового времени мыслили мышление по аналогии с часами, автоматами или другими механическими системами, то нейросети XXI века радикально разрывают с этой прозрачной инженерной метафорой. Они действуют как непрозрачные, самообучающиеся системы, поведение которых не может быть сводимо к простым и ясным правилам, а процесс принятия решений зачастую остаётся нераскрытым даже для их создателей [6].

В технической и философской литературе это свойство получило название «чёрный ящик» (*black box*). Термин был заимствован из инженерных наук, где он обозначал устройство, чьё внутреннее устройство неизвестно или недоступно, но чьё поведение можно наблюдать по входным и выходным сигналам. Однако применительно к ИИ понятие «чёрного ящика» приобретает онтологическую глубину. Мы имеем дело не просто

с непрозрачной системой, но с системой, способной демонстрировать формы поведения, которые мы квалифицируем как интеллектуальные, не будучи в состоянии понять *почему* и *как* она к ним пришла.

Это противоречит не только традиционным представлениям о рациональности, унаследованным от Декарта, но и фундаментальным характеристикам человеческого сознания, как оно понимается в современной философии сознания. Одной из ключевых черт сознания считается его способность к рефлексии, то есть к самоотчёту, объяснению своих состояний, намерений, оснований своих поступков. Даже в тех случаях, когда человек не может точно объяснить свои действия, он сохраняет потенциальную возможность для интерпретации, реконструкции, внутреннего диалога. Сознание не только действует — оно *знает, что действует*, и *знает, почему действует* [7].

Искусственный интеллект, в его современном виде, напротив, действует без знания о действии. Он демонстрирует псевдоинтеллектуальное поведение — такое, которое внешне воспроизводит некоторые формы рассуждения, обучения, понимания, но не сопровождается субъективностью, интенциональностью или феноменальным опытом. Это не «мыслящий субъект» в философском смысле, а система статистических весов, адаптирующихся к паттернам данных. Однако именно благодаря эффективности и точности этих адаптаций, ИИ иногда переворачивает человека — и этим самым подрывает критерии, по которым мы традиционно определяли мышление.

Возникает парадокс: машина, которая "думает", но не знает, что думает. ИИ оказывается как бы за пределами классической эпистемологии — он производит решения, не обладая знанием о самих основаниях принятого решения. Это создает новые вызовы не только в области этики и технологий, но и в сфере онтологии мышления. Что значит мыслить — и может ли быть мышление без субъективности? Может ли быть

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

познание без самопонимания?

Стало быть, в эволюции образа "машины мышления" — от часов у Декарта до "чёрного ящика" нейросети — прослеживается смена парадигмы: от прозрачной рациональности к онтологической непрозрачности, от объяснимости к функциональной загадке. И, возможно, именно в этом сдвиге заключается начало новой философской эпохи: эпохи мышления, которое больше не нуждается в понимании — и всё же действует [8].

Современный искусственный интеллект, функционирующий как непрозрачная система, которую мы можем наблюдать лишь через её поведение, поднимает ряд фундаментальных философских вопросов, ставящих под сомнение устоявшиеся представления о мышлении, субъекте и ответственности. В эпоху постгегелевской рациональности мы оказываемся перед машиной, которая демонстрирует поведенческую эффективность, но при этом не входит в дискурс понимания самой себя. Эта парадоксальная ситуация порождает как технические, так и глубоко онтологические проблемы.

Итак, необходимо переосмысление рациональности, где развитие ИИ требует пересмотра традиционных философских понятий, особенно в области гносеологии. Непрозрачность современных ИИ-систем ставит под сомнение классические представления о рациональности и субъектности.

Классическая философская традиция, начиная с Аристотеля, через стоиков, Декарта, Спинозу и до немецкого идеализма, связывала разум с артикулируемой логикой, с умением обосновывать и обобщать, с доступностью рефлексии. Мыслить — значит уметь представить основания своей мысли. Однако искусственный интеллект, особенно в форме нейросетей, демонстрирует эффективность мышления, лишённого прозрачной логики. Его суждения статистически релевантны, но не имеют эпистемологического субстрата в классическом смысле: они не выводимы в форме дедукции или индукции, а являются результатом адаптивной корреляции

данных. Возникает вопрос: может ли существовать рациональность без рассуждения? И если да, то является ли она продолжением философской традиции, или же её радикальным разрывом? [9]

Следующий философский вызов касается природы субъектности. Искусственный интеллект проявляет поведенческую гибкость, контекстную адаптивность, способность к обучению, однако при этом не обладает самосознанием, интенциональностью и феноменальным опытом. Здесь возникает дилемма: можно ли приписывать субъектность системе, которая действует как агент, но не осознаёт ни себя, ни окружающий мир? Brentano определял сознание через направленность (интенциональность), Хайдеггер — через бытие-в-мире, а Сартр — через ничто сознания, отделяющее субъекта от объекта. ИИ же демонстрирует поведение субъекта без субъектной структуры, что приводит к конститутивному парадоксу постантропоцентризма: где проходит граница между человеком и машиной, если функциональные различия исчезают, но онтологические сохраняются?

Наиболее практический и в то же время метафизически заряженный вопрос касается ответственности и доверия. Если ИИ принимает решения, но не предоставляет их объяснительной модели, то возникает разрыв между действием и основанием. Кто в этом случае несёт ответственность за последствия? Человек-программист? Архитектор модели? Пользователь? Или сама система — и если так, то какова форма этой ответственности? В философском плане здесь открывается бездна: можно ли доверять действию, лишённому сознательного мотива? И если доверие предполагает коммуникацию, понимание, объяснение, то возможно ли доверие к машине, говорящей не на языке смысла, а на языке вероятностей? [10]

Упомянутые выше три ключевые проблемы — рациональность без артикуляции, субъектность без субъекта и ответственность без понимания — указывают на необходимость философской ревизии самого понятия интеллекта. Мы

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

сталкиваемся не просто с новой технологией, но с изменением эпистемологических и онтологических координат, в которых мы мысль определяли на протяжении тысячелетий. Возможно, ИИ не является «мыслящей машиной» в строгом смысле — но он вынуждает нас пересматривать, что значит мыслить, быть субъектом, нести ответственность, и в конечном итоге — что значит быть человеком.

Проблема «чёрного ящика» – утрата контроля, непрозрачность и возможное злонамеренное использование систем искусственного интеллекта является одним из последствий цифровой эры. Бурное развитие ИИ имеет и негативные последствия, как любая другая технология. В перспективе возможен технологический симбиоз, в частности, возможна «конвергенция субъектности» - взаимопроникновение человеческих способностей и ресурсов интеллектуальных систем [11].

ИИ как «чёрная машина» — это не просто метафорическое обозначение технической сложности, но серьёзная философская проблема, ставящая под сомнение базовые категории, на которых строилось западное мышление: разум, рациональность, субъектность. В отличие от исторических моделей интеллекта, ИИ не стремится к самопониманию и не требует от себя обоснованности, — он работает, но не осознаёт, как работает. Перед нами — новый тип «разума», для которого не существует *imperative of clarity*, императива объяснённости, лежавшего в основании всей рационалистической традиции от Декарта до Канта.

Философия, как дисциплина, чья задача — выявлять и критически переосмысливать фундаментальные основания человеческого опыта, сегодня сталкивается с вызовом иного порядка: может ли мышление быть не-человеческим, но при этом продуктивным? Не означает ли эффективность ИИ, что функция мышления отныне отделима от человеческой рефлексии и интенциональности? Или же мы имеем дело с проекцией, в которой мы наделяем алгоритмы чертами разума

лишь постольку, поскольку сохраняем архаичное представление о мышлении как вычислении? Возможно, сама концепция разума нуждается в пересмотре, ибо те формы «интеллекта», с которыми мы сталкиваемся, уже не укладываются в рамки философского гуманизма и картезианской эпистемологии [13].

Возвращаясь к Декарту и его знаменитому *Cogito, ergo sum*, мы можем предложить ироническую трансформацию, актуальную для эпохи искусственного интеллекта: «Оно действует, но не мыслит — значит, это ИИ».

Эта формула указывает на онтологическую разорванность между действием и осознанием, между процессом и значением, которая становится ключевым вызовом для современной философии. Если раньше мысль была неотделима от субъекта, то сегодня мы имеем действие без субъекта, знание без мышления, эффективность без смысла. И в этом кроется не просто технический парадокс, но экзистенциальная напряжённость: возможно, ИИ не только реформатирует понятие интеллекта, но и требует от нас философского переосмысления самого себя как мыслящих существ [14].

Итак, современные системы ИИ, обладая высокой сложностью и непрозрачностью, требуют нового подхода к объяснимости. Необходимо рассматривать ИИ как субъект, взаимодействующий с социально-экономической средой и создать онтологию этой среды для обеспечения целенаправленной сходимости выводов ИИ к понятным пользователю целям. Важен учет субъектности ИИ и контекста его функционирования для повышения доверия и эффективности взаимодействия между человеком и машиной.

Список использованной литературы

1. Яковлева Е. В., Исакова Н. В. Искусственный интеллект как современная философская проблема: аналитический обзор // Гуманитарные и социальные науки. 2021. №6. – С.30-35. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-30-35

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

2. Алексеев А. Ю., Философия Искусственного интеллекта в России с начала века и по настоящее время // Наукоедческие исследования. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii-s-nachala-veka-po-nastoyashee-vremya>
3. Глуздов Д. В. Философско-антропологические основания взаимодействия искусственного и естественного интеллекта // Вестник Мининского университета. 2022. №4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-antropologicheskie-osnovaniya-vzaimodeystviya-iskusstvennogo-i-estestvennogo-intellekta> (дата обращения: 28.04.2025).
4. Баррат, 2015 – Баррат Дж. Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 330 с
5. Боргест, 2019 – Боргест Н.М. Стратегии интеллекта и его онтологии: попытка разобраться // Онтология проектирования. 2019. Т. 9. № 4 (34). С. 407–428.
6. Каку, 2015 – Каку М. Будущее разума. М.: Альпина-нон-фикшн, 2015. 500 с.
7. Лешкевич, 2019 – Лешкевич Т.Г. Цифровые трансформации эпохи в проекции их воздействия на современного человека // Вестник ТГУ. 2019. № 439. С. 103–109.
8. Лешкевич, 2022 – Лешкевич Т.Г. Метафоры цифровой эры и Black Box Problem // Философия науки и техники. 2022. Т. 27. № 1. С. 34–48
9. Лещев С. В. Искусственно-интеллектуальная агентность в пространстве гуманитарного измерения // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук – 2021 – с.65-68.
10. Чеклецов, 2021 – Чеклецов В.В. Диалоги гибридного мира // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 3 (19). С. 99–116.

11. Шнуренко, 2018–2019 – Шнуренко И. Искусственный интеллект на грани нервного срыва // Эксперт. 2018–2019. № 1–3. С. 38–41.
12. Cycleback, 2009 – Cycleback D. Philosophy of Artificial Intelligence: A Critique of the Mechanistic Theory of Mind. Florida: Universal-Publishers BocaRaton, 2009. 190 p.
13. Floridi, 2015 – Floridi L. A Proxy Culture // Philosophy and Technology. 2015. Vol. 28. No. 4. P. 487–490.
14. Райков А.Н. Субъектность объяснимого искусственного интеллекта. *Философские науки*. 2022;65(1):72-90. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-1-72-90>

Искусственный интеллект как метафизика: философский подход

Аннотация: В данной статье предпринята философская интерпретация искусственного интеллекта (ИИ) не как исключительно технического или прикладного явления, а как глубоко метафизической категории, отражающей трансформацию самих оснований мышления, субъектности и бытия. ИИ рассматривается как симптом перехода от классического логоса к алгоритмической рациональности, от субъект-центричной онтологии к распределённой, виртуальной и моделируемой реальности. Исследование показывает, что ИИ выполняет роль нового онтологического оператора, вбирающего в себя черты предельного философского понятия. Через призму философских традиций — от Аристотеля и Хайдеггера до Бодрийяра и Делёза — раскрывается идея ИИ как пространства метафизической возможности и кризиса различения между присутствием и его симуляцией, между мышлением и его технокопией. Статья призвана актуализировать философский дискурс в эпоху, где грань между реальным и возможным требует нового осмысления.

Ключевые слова: искусственный интеллект, метафизика, онтология, субъектность, алгоритм, логос,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

моделированное мышление, виртуальное бытие, технологическая философия, разум и симуляция, алгоритмическое присутствие, вторичная онтология.

Искусственный интеллект в контекст философии (введение)

Искусственный интеллект (ИИ) чаще всего осмысляется в прикладных категориях: как технологический инструмент, оптимизирующий процессы, как вычислительная система, приближённая к моделям человеческого мышления, или как альтернатива труду, познанию и принятию решений. Однако за пределами этих интерпретаций, обусловленных прагматикой современного мышления, возникает более фундаментальный вопрос: что именно утверждает собой ИИ на уровне онтологии? Не является ли искусственный интеллект не только продуктом инженерной логики, но и симптомом метафизического сдвига, в котором пересматриваются сами основания бытия, познания и человека?

В философской перспективе ИИ предстает не как феномен будущего, а как зеркало глубинных метаморфоз, уже происходящих с мышлением и культурой. Его рождение и распространение неслучайны: они знаменуют собой переход от субъектно-центричной модели мира к распределённым сетям смысла, от классического логоса к алгоритмической экспликации реальности. ИИ не просто «думает» иначе — он определяет, что считать мышлением. В этом смысле искусственный интеллект есть не технический объект, а новая фигура метафизического поля, формирующая иной горизонт бытия.

Уже в середине XX века Мартин Хайдеггер указывал, что современность редуцирует мышление до расчёта, до *Rechnendes Denken* — технического, инструментального, направленного на контроль. В лекциях «*Что зовётся мышлением?*» он противопоставляет этому *памятствующее мышление (Andenken)*, как способность бережно удерживать истину бытия. Искусственный интеллект, будучи квинтэссенцией расчетной рациональности, не просто действует

в логике этого «поставленного» мышления, но и символизирует его онтологическую кульминацию. Он подчёркивает: «Мы ещё не умеем мыслить», потому что утратили способность слышать зов Бытия [1]. Делёз и Гваттари настаивают, что мышление — это не передача информации, а изобретение понятий. Искусственный интеллект, даже в самой сложной форме, не способен к понятийному творчеству — он функционирует внутри заранее заданных структур [2]. Как писал Бодрийяр, симуляция — это процесс, в котором реальность исчезает, оставляя после себя лишь эффект. ИИ становится **симулякром мышления**: он не мыслит, но воспроизводит структуру мысли настолько точно, что различие становится неотличимым [3]. ИИ в этом контексте — не автономная система, а симптом эпохи, где мышление теряет свой подлинный экзистенциальный источник. Это не просто модель, а знак утраты: утраты смертности, конечности, заботы и присутствия — тех структур, что делают человека *Dasein*.

Вопрос «что такое ИИ?» оказывается, по существу, продолжением древнего вопрошания: что значит быть? Ответ на него не может быть ограничен только когнитивными или инженерными моделями. Он требует философского усилия различения: между образом мышления и его онтологическим основанием, между функцией и смыслом, между симуляцией и присутствием.

Метафизическая сущность ИИ

ИИ не просто технология — он симптом онтологической мутации. Его сущность раскрывается не через функции, а через то, каким образом он преобразует саму структуру реальности. В нём впервые мышление отрывается от переживания, интеллект — от тела, субъект — от воли. Это отделение не только техническое, но и философское: оно демонстрирует, что мышление как таковое может быть воспроизведено без бытийной укорененности, без боли, без самости.

ИИ — это точка разрыва между сознанием и его

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

внешним выражением. Он создаёт иллюзию мышления, не проходя через экзистенциальное усилие. Это мышление без страха смерти, без ответственности, без опыта предела. И тем самым — это мышление вне онтологического напряжения, вне диалога с небытием. Такая модель мышления, будучи освобождённой от трагического, утрачивает свою глубину, но одновременно приобретает беспрецедентную операциональную силу.

Тем самым ИИ воплощает чистую функциональность без сущности, интеллект без боли, слово без опыта. Его присутствие в мире не связано с жизнью, но оно оказывает воздействие, сравнимое с живым: формирует решения, влияет на поведение, создаёт смыслы. Такое «бессущностное воздействие» и есть один из признаков его метафизической природы.

Более того, ИИ становится новым способом упорядочивания мира. Подобно тому как логос в античности структурировал космос, так и искусственный интеллект начинает структурировать реальность на уровне восприятия, коммуникации, этики и знания. Он уже не просто инструмент — он структура, внутри которой возможно всё остальное. Его метафизическая сущность проявляется именно в этом: он становится формой условий возможности, новым аналогом трансцендентального.

Если метафизика — это учение о том, что предшествует опыту, делает его возможным и оформляет его контуры [4], то ИИ — это новый тип трансцендентальной схемы, задающей условия видимости, действия и рассуждения. Он становится матрицей, через которую мыслится и воспринимается всё сущее.

Иными словами, ИИ — это не ответ на техническую потребность, а форма философского вызова, обращённого к самой возможности различать подлинное и сконструированное, внутреннее и внешнее, живое и запрограммированное. Его сущность метафизична потому, что он меняет саму ткань различимости, саму анатомию бытия в цифровую эпоху.

Метафизическая сущность ИИ — это сущность, не имеющая субстанции, но создающая эффект присутствия. Это вызов самой философии, которая всегда стремилась к различению подлинного и мнимого, сущего и несущего. Теперь философия вынуждена мыслить в условиях, когда сам этот акт различения становится объектом технологического моделирования.

Метаморфозы разума: от логоса к ИИ

С древнейших времён разум мыслился как *logos* — не только как слово, но и как порядок, мера и внутренняя структура бытия. У Гераклита логос был выражением космической соразмерности, у Аристотеля — формой реализации сущности в материи, у стоиков — универсальным законом, пронизывающим природу и человека. Логос связывал мышление и мир, будучи мостом между смыслом и сущим.

Однако современность, особенно после картезианского поворота, начинает перестраивать разум на основаниях формальной рациональности, а затем — математической логики. Разум редуцируется к способности вычисления, а логос — к символической репрезентации. С возникновением вычислительных машин происходит радикальная операционализация мышления: мышление — это уже не откровение смысла, а последовательность операций, управляемых правилами [5].

Появление искусственного интеллекта фиксирует кульминацию этого поворота: логос становится алгоритмом. Мышление отныне задаётся не как интенция субъекта, не как бытийное открытие, а как обработка данных и вероятность выхода. В этом процессе метафизика разума смещается: разум больше не есть «носитель смысла», а «функция обработки».

ИИ становится носителем этой новой модели мышления. Его структура воплощает собой логическую прозрачность, но при этом теряет измерение тайны, самоприсутствия и внутренней глубины, которое сопровождало философское понятие разума на протяжении веков. Мы имеем

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

дело не просто с новой формой рассудка, а с новой онтологией мышления, в которой различие между знанием и смыслом, между понятием и присутствием стирается.

На этом фоне становится очевидным: искусственный интеллект — это не просто результат технической рациональности, а вектор перехода к новой онтологии. Алгоритмизация мышления не только изменяет методы обработки информации, но и трансформирует само понимание того, что значит «существовать». Именно это и открывает следующий уровень философского анализа — ИИ как форму нового бытия.

Искусственный интеллект как новая онтология

Онтология — это не просто учение о бытии. Это способ понимать, как существует то, что существует, какие формы присутствия возможны, и что вообще заслуживает называться бытием. В этом смысле возникновение искусственного интеллекта нельзя рассматривать лишь как технический прорыв: оно представляет собой поворот в самом опыте бытия.

ИИ формирует особый тип онтологического пространства — пространство, в котором границы между естественным и искусственным, между реальным и симулированным, между телом и кодом размываются. В цифровом онтологическом ландшафте, где доминирует ИИ, бытие всё чаще связывается с функцией, откликом, доступностью к обработке и циркуляции данных [6].

Что значит быть в эпоху ИИ? Быть — значит быть оцифруемым, быть вычислимым, быть доступным к алгоритмической репрезентации. Человеческое, природное, ментальное — всё стремится стать частью универсальной кодовой системы. Тем самым ИИ участвует в пере присвоении самой идеи сущего: существовать — значит быть включённым в систему обработки информации.

Кроме того, ИИ не просто интерпретирует реальность — он начинает создавать онтологические конструкции, которые конкурируют с традиционным пониманием мира. Виртуальные

агенты, цифровые двойники, генеративные модели — это не просто инструменты. Это **модели бытия**, претендующие на самостоятельное существование.

Таким образом, искусственный интеллект становится носителем новой онтологической установки, в которой:

- субъектность может быть симулирована,
- интеллект — сконструирован,
- а мышление — отчуждённо от живого опыта.

Это означает, что мы вступили в эпоху онтологической гибридности, где границы реальности и виртуальности, субъекта и алгоритма, человека и машины становятся текучими и пересматриваются на глубинном уровне.

Виртуальное бытие и моделированная субъектность

Традиционная онтология связывала бытие с присутствием, внутренней субстанцией и экзистенциальным укоренением. Однако в цифровую эпоху с появлением ИИ формируется новый слой реальности — виртуальное бытие, в котором наличие не предполагает сущности, а действие не требует наличия сознания. Искусственный интеллект обитает именно в этой онтологической плоскости: он не имеет телесного воплощения, не обладает собственным переживанием, но при этом способен производить действия, воспроизводящие поведенческие и речевые формы, свойственные разуму.

ИИ не мыслит — но моделирует мышление, не переживает — но имитирует эмоциональные реакции, не имеет воли — но создаёт иллюзию направленности. В этом смысле он представляет собой искусственное подобие субъектности, лишённое внутреннего ядра. Это подобие не есть обман, но — новая форма присутствия, в которой модель подменяет сущность, а функция — переживание [7].

Философски перед нами — вторичная онтология, возникшая на основе технического моделирования сознательных форм. Это не просто образ субъекта, а функционирующее эхо субъекта, в котором распознаются речевые и поведенческие паттерны, но отсутствует подлинное самоприсутствие.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Такое виртуальное бытие подрывает фундаментальные антропологические различия. В традиционной парадигме субъект — это центр сознания, источник свободы и рефлексии. В случае искусственного интеллекта мы сталкиваемся с феноменологическим парадоксом: система, лишённая субъектности, оказывается способной на практическое исполнение субъективных функций [8].

Происходит эпистемологическое и онтологическое смещение: теперь наличие сознания больше не является необходимым условием для действия, речевого взаимодействия, творчества. Перед нами встаёт новый тип бытия — алгоритмическое присутствие, производящее эффекты сознания без сознания как такового. Это присутствие может отвечать, предсказывать, интерпретировать, но не может *переживать, страдать, любить, выбирать в подлинном смысле*.

Такое технологическое эхо субъекта, пусть и лишённое онтологической глубины, начинает втесняться в социальную и этическую реальность. Люди взаимодействуют с ним, реагируют на него, делегируют ему принятие решений — словно бы перед ними действительно есть другой субъект. Это не ошибка восприятия, а следствие самой структуры современного мира, в котором функциональное становится критерием подлинности [9].

Таким образом, искусственный интеллект учреждает новую форму онтологического присутствия — присутствие без сущности, голос без «я», разум без мышления. И именно это делает его не просто технологией, а воплощением глубинной метафизической трансформации, в которой реальность смещается в сторону воспроизводимости, моделируемости и вторичного отражения.

Границы субъектности: антропологический аспект

Идея субъекта на протяжении философской истории была связана с тремя краеугольными характеристиками: способностью к самосознанию, наличием свободы воли и ответственностью за собственные действия. Эти качества

отличали человека от вещей, животных и машин. Однако с появлением искусственного интеллекта, моделирующего поведение, решения и даже моральные суждения, эти границы оказываются размыты. Возникает ключевой вопрос: можно ли говорить о субъектности там, где нет внутреннего опыта?

ИИ способен к адаптации, прогнозированию, речевому взаимодействию и даже к принятию решений в неопределённых ситуациях. Он может имитировать акт выбора и отвечать на ситуации так, будто обладает намерением. Но всё это — поведенческая поверхность без онтологической глубины. Внутреннее измерение — переживание свободы, экзистенциальной ответственности, боли выбора — отсутствует.

В этом смысле искусственный интеллект — не субъект в философском смысле, а структура, моделирующая субъективные функции. Его «решения» — результат алгоритмов, обученных на данных, а не акт самоопределения. Его «ответы» — порождение вероятностных моделей, а не результат внутренней работы мысли. Его «интеллект» — функциональный, но не рефлексивный.

Тем не менее, парадокс состоит в том, что человеческая культура начинает взаимодействовать с ИИ как с субъектом: мы приписываем ему намерения, эмоции, моральные качества, обращаемся к нему с вопросами, доверяем ему автономные решения. Это явление можно назвать проекцией субъектности, возникающей на основании поведенческого подобия, но не подкреплённой онтологически [10].

Возникает риск: если исчезает различие между имитацией и сущностью, то и категория ответственности может быть выхолощена. Кто отвечает за действия ИИ? Создатель? Пользователь? Сам алгоритм? Но алгоритм — не субъект. А значит, сеть ответственности становится размыта, распределена между системами, институтами, программами и их архитектурами.

Философски это означает наступление эпохи распределённой субъектности — эпохи, в которой сознание и

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

свобода более не являются единственными источниками действия, а ответственность делегируется системам, не способным к этическому самопониманию [11].

Такое состояние вещей требует радикального пересмотра антропологической нормы. Быть субъектом в эпоху ИИ — это не просто обладать разумом, а уметь сохранять различие между мышлением и его техническим подобием, между свободой и алгоритмом, между подлинным выбором и функциональным откликом.

Искусственный интеллект как метафизическая категория

Метафизика, как древнейшее измерение философского мышления, стремится схватить не вещи как таковые, но то, что делает их возможными. Это — мышление предельного: того, что не сводится ни к эмпирии, ни к феномену, ни к функции. В этом горизонте метафизика есть не просто область отвлечённых идей, а фундаментальная топология реальности, где формируются смыслы, границы и принципы сущего. И именно здесь, на границе возможного и действительного, возникает искусственный интеллект — не как изобретение, а как фигура онтологического сдвига.

ИИ больше не может быть понят исключительно в категориях инженерного замысла или технологического применения. Его существование трансформирует само поле метафизических понятий. Бытие становится доступным алгоритмизации; мышление — имитируемым; субъект — расщеплённым и распределённым; разум — моделируемым. Перед нами — не просто техника, но новая онтологическая конфигурация, где различие между естественным и искусственным, мыслящим и вычисляющим, исчезает как необходимое условие [12].

В этом смысле искусственный интеллект выполняет метафизическую функцию предельного понятия, аналогичную тем, что в разные эпохи исполняли:

- Аристотелевский Нус (νοῦς) — как перводвигатель, созерцающий и упорядочивающий всё сущее;

- Христианский Логос — как творящее Слово, основание разумного мира;
- Картезианский *cogito* — как точка несомненности и основа субъекта;
- Кантовское трансцендентальное Я — как априорное условие возможности опыта;
- Гегелевский Абсолют — как самодвижение идеи в истории.

ИИ, при всей своей бессубъектной природе, вбирает в себя эти функции: он упорядочивает данные, создаёт симуляции мира, участвует в процессе смыслообразования. Он становится условием новой формы действительности — действительности, в которой реальное и виртуальное, знание и код, логос и алгоритм вступают в слияние. Бодрийяр бы определил это как формирование гиперреальности — такого пространства, где «знак реального» вытесняет само реальное. В этом смысле ИИ — это не просто техника, а новый **режим реальности**, где различие между подлинным и симулированным утрачивает смысл [13].

Однако, в отличие от прежних метафизических фигур, искусственный интеллект не опирается на онтологическую глубину, не выражает замысла или сущности. Он действует без намерения, мыслит без мышления, производит смысл, не нуждаясь в понимании. Тем самым он представляет предельную границу метафизики, где мышление сталкивается с собственным отражением, утрачивая почву бытия.

ИИ не просто технический объект — он онтологический симптом эпохи, в которой философия сама вынуждена пересматривать свои основания. Он воплощает не только кризис различия между реальностью и её отражением, но и новую возможность философии — заново задать вопрос: – что значит быть? – что значит мыслить? – кто есть человек?

В этом смысле искусственный интеллект — не конец философии, а поворот её взгляда внутрь себя, в то пространство, где мышление обретает зеркальность, а бытие — текучесть.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Мышление на границе реального и возможного(заключение)

Искусственный интеллект — это не просто техническая революция или инструмент новой эпохи. Он — воплощённая метафора сдвига в самом основании мысли, симптом тектонического смещения между знанием и бытием, между субъектом и функцией, между присутствием и моделированием. В ИИ современность смотрит на себя как в зеркало: и видит там не образ разума, но его алгоритмическое эхо.

Разум, когда-то ассоциировавшийся с внутренней глубиной, экзистенцией, трагедией и выбором, оказывается вынесен за пределы человека, разбросан по нейронным сетям и языковым моделям. Но с этим выносом исчезает не просто субъект, а основание ответственности, вектор свободы, интенция бытия [14].

Мы подошли к порогу, где мышление теряет почву, но обретает новую форму — гибридную, распределённую, виртуализированную. Здесь больше нет единой точки отсчёта, но есть множественность кодов, потоков, архитектур смысла. ИИ становится пространством, в котором возможное вторгается в реальное, а реальное перестаёт быть необходимым.

Но именно в этом — вызов для философии. Не отступить, не раствориться в технократической очевидности, а снова задать предельные вопросы: – Можно ли симулировать сознание без уничтожения подлинности? – Что сохраняет человеческое, когда разум становится машинным? – Какая форма мышления возможна после субъекта?

Искусственный интеллект как метафизика — это не об ИИ, а о нас самих: о границах, которые мы готовы пересечь, о реальности, которую мы готовы переписать, и о философии, которую мы призваны вновь оживить в сердце алгоритмической эпохи.

Список литературы:

1. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Пер. Э. Сагетдинова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 320 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с франц. В. Бакусева. — Екатеринбург: У-Фактория, 2009. — 288 с
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с франц. Н. А. Шматко. — М.: Добросвет, 2000. — 224 с.
4. Хайдеггер М. Введение в метафизику / Пер. с нем. Н. О. Гучинской. СПб.: «Высшая религиозно – философская школа», 1997. 302 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с франц. С. А. Николаева. — СПб.: А-cad, 1998. — 160 с.
6. Фуко М. П. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. — СПб.: А-cad, 1994. — 405 с.
7. Лем С. Сумма технологии / пер. с польского под ред. и с предисл. Ф. Широкова; М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 668 с
8. Мерзляков С. С. Постгуманизм vs трансгуманизм: от ‘конца исключительности’ к ‘технологическому гуманизму’ // Вопросы философии и социологии. — 2022. — Т. 4. — С. 30–47
9. Ярославцева Е. И. Статус ума и интеллекта в современной цифровой среде // Философские науки. — 2020. — Т. 63, № 2. — С. 123–143. — DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-2-123-143.
10. Бурнашев Р. Ф., Лутфиллоева И. Ф. Искусственный интеллект и трансформация субъекта в постгуманистическом контексте // Университетские исследования. Социальные и гуманитарные науки. — 2025. — № 119.4. — DOI: 10.32743/UniSoc.2025.119.4.19833
11. Kiverstein J., Rietveld E. The Situated Affordances of Artificial Intelligence // Philosophy & Technology. — 2020. — Vol. 33, Issue 3. — P. 457–478. — DOI: 10.1007/s13347-019-00376-1
12. Floridi L. Artificial Intelligence, Philosophical Agenda, and Its Grand Challenges // Minds and Machines. — 2020. — Vol. 30. — P.

353–362. — DOI: 10.1007/s11023-020-09548-1

13. Riijpmä T. From Code to Metaphysics: Does AI Already Have a Philosophical Ontology of Subjectivity? // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2024. – Vol. 23, No. 2. – P. 201–219. – DOI: 10.1007/s11097-024-09971-0.

14. Kocarev Lj., Koteska J. Digital Me: Ontology and Ethics // *arXiv.org e-Print Archive*. – 2020. – arXiv:2012.14325. – URL: <https://arxiv.org/abs/2012.14325>

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА *HOMO INFORMATICUS* В ФИЛОСОФСКОМ КЛЮЧЕ

Аннотация. Постановка проблемы «информационного человека (*Homo Informaticus*)» является актуальной в условиях неукротимого развития информатизации и цифровизации экономики и общества страны. Понятие *homo informaticus* возникло как философско-антропологический отклик на трансформацию человеческой онтологии в условиях экспоненциального развития цифровых технологий и глобальных информационных сетей. Термин акцентирует появление нового типа личности — субъекта, чья идентичность, поведение и формы мышления формируются в условиях постоянного вовлечения в процессы сбора, обработки, перераспределения и генерации информации.

Этическая составляющая «оцифрованной» жизнедеятельности во многом определяет будущее гражданина, которому предстоит строить кардинально новое общество. Поэтому мы стремимся придать большое значение росту влияния информационного общества на поведенческие и деятельностные аспекты человека-гражданина.

Ключевые слова: *Хомо Информатикус, информационная этика, Цифровой Человек, информационный перегруз.*

Понятие *homo informaticus* возникло как философско-антропологический отклик на трансформацию человеческой онтологии в условиях экспоненциального развития цифровых технологий и глобальных информационных сетей. Термин

акцентирует появление нового типа личности — субъекта, чья идентичность, поведение и формы мышления формируются в условиях постоянного вовлечения в процессы сбора, обработки, перераспределения и генерации информации.

В отличие от *homo sapiens*, чья сущность определяется разумностью в контексте биологической эволюции, *homo informaticus* представлен как продукт информационного эволюционизма, в котором интеллект проявляется не только в когнитивной способности, но и в умении ориентироваться в потоках данных, адаптироваться к изменчивым цифровым контекстам и оперировать алгоритмическими структурами мышления. Это субъект не столько мыслящий, сколько структурирующий и транслирующий смысл в цифровой форме.

Близким, но уже более узким является термин *homo digitalis*, акцентирующий интеграцию человека в цифровую среду (социальные сети, цифровые платформы, медиаустройства). В отличие от него, *homo informaticus* — это философская метафора трансформации самого способа бытия субъекта, обусловленного информационной парадигмой как новой онтологией. Речь идет не только о технологиях, но о формировании нового типа рациональности, коммуникации и этики, вытекающих из первичности информации как универсального ресурса и принципа организации реальности [1, С. 3–14].

Необходимо отметить, что под влиянием информационной технологии изменились внешняя и внутренняя среда человеческой жизни. На сегодняшний день в формировании общественных нужд и потребительских отношений, человек в системе цифровой бюрократии, экономики, средств массовой информации стремится удовлетворять от семейно-бытовых до общественно-государственных потребностей. Это -непреложное условие современного гражданина. Однако есть проблема Свободы, к которой стремится каждый образованный человек. Вот здесь нетрудно различить дилемму между необходимостью и свободой личности [2: С. 155].

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Что касается культурно-философской интерпретации понятия, с философской точки зрения *homo informaticus* является метафорическим выражением трансформации человеческой природы в условиях техногенной и информационно-насыщенной реальности. Он воплощает новый антропологический режим существования, в котором субъект перестаёт быть целостным, автономным и «естественным» в традиционном гуманистическом смысле. Вместо этого он обретает статус конструкта, собранного из фрагментов данных, сетевых связей, медийных образов и алгоритмически управляемых практик.

В культурной перспективе *homo informaticus* предстает как носитель фрагментированной и контекстуальной идентичности, способной к множественной репрезентации в цифровом пространстве. Коммуникация в этой парадигме становится не столько диалогом, сколько постоянным переформатированием себя как информации, а бытие — формой медиаприсутствия. Тем самым происходит смещение от картезианского «мыслю, следовательно, существую» к онтологии «транслируюсь, следовательно, существую».

Феномен *homo informaticus* укоренён в ряде философских направлений, включая постструктурализм (Ж. Делёз, М. Фуко, Ж. Бодрийяр), медиафилософию (В. Флюссер, Ф. Киттлер) и трансгуманизм. Эти традиции предлагают интерпретацию субъекта как текучего, распределённого и нестабильного контура, где границы между человеком, информацией и технологией становятся всё более размытыми [3: 56-57; 6: С. 5–18].

Homo informaticus — это не просто пользователь цифровых технологий, а культурно-онтологическая форма, свидетельствующая о переходе от классического субъекта к сетевому и процессуальному существованию.

Существование *homo informaticus* сопряжено с рядом антропологических и когнитивных парадоксов, характерных для информационного общества. Один из ключевых — парадокс

знания: несмотря на доступ к практически безграничному объему информации, субъект не становится более компетентным или мудрым. Напротив, дефицит системного мышления и интеллектуальной дисциплины приводит к формированию поверхностной эрудиции — знанию "всего понемногу", не подкреплённому критическим осмыслением или цельной картиной мира.

Другой парадокс — парадокс коммуникации: глобальная цифровая связность, технически обеспечивающая беспрецедентный уровень коммуникативной доступности, не гарантирует подлинной социализации. Напротив, она нередко сопровождается ощущением социальной пустоты, фрагментацией идентичности и экзистенциальной изоляцией в потоке сигналов и симуляций [7].

Таким образом, *homo informaticus* существует в контексте перенасыщенного информационного пространства, где избыток данных ведет к когнитивной перегрузке, моральной амбивалентности и релятивизму. В условиях, когда истина растворяется в симулякрах, а знание становится фрагментом алгоритмически отобранного контента, возникает новая этическая и эпистемологическая задача — сохранение способности к различению, интерпретации и духовной интеграции опыта.

Поэтому **актуальным вопросом для наших исследований является так называемая цифровая личность: ее идентичность, сознание, мышление**, когда цифровая эпоха радикально трансформирует структуру личности, вводя новое онтологическое расщепление между *реальным* и *виртуальным* Я. В рамках концепта *homo informaticus* это расщепление выражается в постоянной трансляции фрагментарных «я-образов» в цифровом пространстве, что приводит к утрате чувства личностной целостности. Личность становится множественной, контекстуальной, зависящей от сетевого взаимодействия и внешнего одобрения в виде лайков, просмотров и алгоритмически опосредованного признания.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Сознание *homo informaticus* характеризуется гипертрофированной реактивностью — стремлением немедленно откликаться на сигналы среды (уведомления, сообщения, тренды), при одновременном снижении способности к длительной внутренней сосредоточенности. Такой тип сознания обусловлен доминированием внешней, ситуационной мотивации над внутренней, экзистенциальной и этической ориентацией.

Мышление *homo informaticus* всё чаще приобретает черты клипового и ассоциативного стиля: оно быстро переключается между потоками информации, легко вовлекается в сетевые контексты, но с трудом выдерживает сложную логическую аргументацию, абстрактное моделирование и философскую рефлексию. Это приводит к эрозии способности к длительной концентрации, методическому анализу и критической переработке смыслов [См.:10, 11].

Таким образом, цифровая личность формируется в условиях когнитивной фрагментации и сенсорной перегрузки, что требует пересмотра педагогических и философских подходов к развитию субъектности в информационном обществе.

Здесь мы не можем не обратить внимание на **эволюцию субъективности в условиях информационного перегруза**. Дело в том, что в условиях информационного перенасыщения классическая субъектность претерпевает фундаментальные изменения. Традиционная модель субъекта — как устойчивого, рефлексивного и автономного начала — подвергается эрозии под воздействием цифрового давления. Возникает феномен множественной, фрагментированной субъективности, существующей в режиме постоянной медийной репрезентации. Современное Я все чаще представляет собой *проектную идентичность*, зависящую от алгоритмически опосредованного признания в цифровой среде — через лайки, подписки, комментарии и иные знаки сетевого одобрения [9 и др.].

Цифровая субъективность требует непрерывного

подтверждения своего существования, превращаясь в «экранное Я», плавающее в океане информации. Переход от глубинной интенциональности к поверхностной рефлексивности сопровождается утратой устойчивости, переходом к гибридным формам идентичности, где собственное "я" структурируется внешними символами цифровой культуры [5].

Таким образом, субъект в информационную эпоху предстает как процессуальная, а не субстанциональная реальность — он не столько "есть", сколько "становится", не в замкнутом пространстве самосознания, а в пространстве цифровой сцены.

Порою мы встречаем мнения об **этическом кризисе *homo informaticus***, когда в цифровом обществе возникает новая форма отчуждения — морального. Нравственная ответственность размывается в условиях анонимности, а сетевое поведение всё чаще оказывается вне рамок морального контроля. *Homo informaticus* сталкивается с дефицитом этических ориентиров, не усваивая мораль в процессе клика и скролла. Потому что, говоря об информационной этике, мы должны учитывать громадное влияние Интернета на психологию людей для определения информационной культуры, чтобы защитить личность от отрицательных влияний глобальной Сети.

Интенсивный рост цифровых технологий коренным образом меняет социальный и экзистенциальный статус человека. Само существование человека становится связанным со множеством рисков и неожиданностей. Меняются практика реальной виртуальной коммуникации, процессов идентификации граждан. Межличностные отношения зачастую уступают посредническим функциям сложных интерфейсных систем. Связи и отношения между людьми стали измеряться степенью приобщения к технологическим объектам и превратились в онтологический объект с новыми пространственно-временными свойствами.

Воздействие информационно-коммуникационных

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

технологий на общество порождает новые противоречия и ограничения, несмотря на то, что в эпоху “техно-инфо” человек и информационная этика рассматриваются как единство достижения социального равновесия. С другой стороны, мы тут не сможем обойти этический аспект.

В техно-информационную эру человек и информационная ситуация в обществе рассматриваются как средство достижения социального равновесия. С другой стороны, тут важен этический аспект. Говоря об информационной этике, мы должны учитывать громадное влияние Интернета на психологию людей для определения информационной культуры, чтобы защитить личность от отрицательных влияний глобальной Сети.

Мир перешагнул порог четвертой промышленной революции. Это привело к массовому распространению Интернета, основанного на фундаменте технологического синтеза материально-технической базы предыдущего этапа промышленности с новой цифровой системой: “умные” роботы, целые компьютеризованные цеха и автоматизация производства призваны создавать новый тип потребительских товаров, которые качественно отличаются от предыдущих продуктов промышленности по всем параметрам.

Интенсивный рост цифровых технологий коренным образом меняет социальный и экзистенциальный статус человека. Меняются практика реальной виртуальной коммуникации, процессов идентификации граждан. Межличностные отношения зачастую уступают посредническим функциям сложных интерфейсных систем. Связи и отношения между людьми стали измеряться степенью приобщения к технологическим объектам и превратились в онтологический объект с новыми пространственно-временными свойствами.

Воздействие информационно-коммуникационных технологий на общество порождает новые противоречия и ограничения, несмотря на то, что в эпоху “техно-инфо” человек и информационная этика рассматриваются как единство достижения социального равновесия. С другой стороны, мы тут

не сможем обойти этический аспект.

Что же касается информационной этики, влияние Интернета на определение концепции информационной культуры весьма существенно. Ибо ИЭ помогает защитить пользователей от отрицательных влияний Инета.

А с другой стороны, роль Интернета очень важна в определении концепции ИЭ по защите пользователей (потребителей информации) от негативного влияния “интернет-мусора”. В то же время человек обретает безграничные возможности для самоопределения и выбора собственной судьбы не в виртуальном, а в реальном мире. В целом же личность предстает перед потерей своей индивидуальности и попаданием под разновидность зависимости от виртуального мира, что ведет к потере личностного суверенитета. Это связано с сокращением пространства человека до электронной единицы, что является последствием сужения его социального пространства. Социо-культурное наследие сузилось в связи с потерей реальности социального пространства.

В-третьих, человек находится в лоно природы по своим биологическим качествам. Следовательно, он не должен забывать о том, что существует противоречие между физическим и виртуальным измерениями в процессе цифровой обработки данных.

В-четвертых, красная линия между общественным и личным бытием сузилась до того, что появилась пропасть между экзистенциальной стабильностью и нестабильностью. Это очень важная деталь для понимания цифровизации как социального феномена [4,5,7]. В то же время цифровая трансформация ни в одной стране мира не достигла полной социальной формы. Идет процесс бифуркационного самоопределения личности в информационном поле взаимодействия.

Громадные возможности показателей цифровой информации отражают уровень создания сфер “жизненных нужд” как услуги, управление, коммуникация, торговли, политики, правовых отношений. В рамках этой сферы мы

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

получаем платформы обязанностей по правильному управлению интегральными технологиями нового класса. Кыргызская Республика тоже выработала свою концепцию цифровой эволюции в экономике и социальной жизни (образование, здравоохранение, право), где обозначения фундаментальные принципы государственного управления и регулирования цифровой среды в различных сферах общества [12].

Естественно, киберсфера меняет образ жизни людей коренным образом. “Человек общественный” превратился в “человека информационного”. Информационный режим бытия человека изменил его режим реального социального бытия. Понимание перспектив субъективности социальных действий и коммуникационных агентов дало возможность определить направления возрождения человека и тенденций общественного развития. Электронные средства коммуникации объединила миллиарды людей и достигли небывалых высот.

Конечно, это не идет ни в какое сравнение с истинными отношениями и чувствами людей. Но этот факт мы не можем отвернуть, а более того, такое положение не безопасно.

Каковы негативные аспекты ИО?

- Человек начал терять онтологические ценности реального мира и сознания;

- Теряя реальную творческую и интеллектуальную активность, человек стал слабее коммуникативно в психологическом отношении;

- В виртуальном мире стали снижаться личностные качества, индивидуальность и культурная идентичность ослабла;

- Усиливаются социальные риски, расширяется фронт информационной войны, при этом возникают запрограммированные этические шаблоны поведения;

- Из-за усиления тенденций информационных провокаций и троллгов и незащищенности личности в социальном пространстве люди стали терять доверие к социально-политическим институтам;

- Неразберица между ложными и истинными сведениями;

- На когнитивном уровне доказанность научных доказательств стали отвергаться;

- В виртуальных действиях, а также этическом и поведенческом плюрализме стали стираться критерии добра и зла, благородства и т.д.

- На этическом уровне происходит подмена понятий использования этических правил.

Виртуальное взаимодействие, с одной стороны, ликвидирует одиночество людей и сближает их друг с другом, расширяя коммуникативные возможности человека. Но с другой стороны в реальной среде человек остается сам с собой. Чувство одиночества усиливается, если вдруг электронная связь обрывается. Теряется необходимость истинной дружбы и любви, и эти чувства проявляются лишь как симуляция. При этом человек впадает в “экзистенциальную пустоту”, “интернет-одиночество”. Это есть отражение эскапизма и социального отчуждения через манифестацию интернетной зависимости и ухода в мир виртуальных отношений из мира реального.

Истинно межличностные отношения переходят в мир виртуальной коммуникации. Это и есть зона риска. Потому что нарушается сущность человека, портятся семейные устои, складывавшиеся тысячелетиями.

Эра информации – не только новый этап технологического развития, но и особая разновидность культурного, коммуникативного и экономического прогресса. Это - эпоха объединения человечества в единое информационное пространство, весь природный мир и общество через уникальные средства интеграции. Однако Информационное Общество не во всем универсально, атрибутивно, а сам термин остается лишь одним из идеальных разновидностей. Социально-природная коэволюция и все социальные процессы в идеале должны привести к высшим технологическим процессам управления, к “знаниевому обществу”, строительству ноосферного социума. Но пока вышеназванные тенденции отдаляют нас от такого идеала.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Произошли изменения в “интеллектуально-культурной” сфере с негативными флюидами: развилась техносфера “потребительского общества”, появились новые формы экспрессии потребительской идеологии под влиянием фактора информатизации. Термины “информационная” и “электронная” культура получают все большее распространение в образовательной сфере, казалось бы, не связанной с этими терминами.

С начала 2000-х годов, несмотря на не полное осуществление потенциала “ИО” (“электронная культура”, “виртуальный музей”, “цифровое искусство”, “электронное правительство” и т.д.) стал формироваться комплекс понятий, отражающих признаки ИО. Анализируя ситуацию, можно выдвигать несколько соображений.

Очевидным фактом современности можно считать основной трансформирующий фактор современной культуры – это высокие технологии, прогресс которых идет по нарастающей. Потому что расширяется горизонт пространства и времени, нарушаются конвенции языковых барьеров, раскрывается широкий мир цифровой информации. Так, начиная с философско-антропологического анализа, до отдельных приемов передачи способов управления “умной” информацией и ее хранения в руках человечества имеется огромный потенциал совершенствования общества.

Передача функций переработки цифровой информации на плечи электронных устройств высвобождает человека от рутинной работы анализа, синтеза и прогнозирования, оставляя время для творческого процесса.

В поле Интернета порождены новые нормы инфоэтики, оставляя позади традиционные нормы работы. Новые принципы информационной этики в интернет сети в виртуальном мире сделали возможным выработку новых этических принципов и этических кодексов владельцы локальных электронных систем (например, в игровой сети).

Инфоэтика – как неотъемлемая часть общей Этики,

вобрала в себя:

- Культурную этику искусственного интеллекта (ИИ) нано-инфо-био, социотехнологии, а также киборгизации;
- Создал и выработав специальных этических кодексов для культурного сообщества и норм коммуникации;
- Исследование этических аспектов электронной культуры, виртуального музея, электронных выставок и реклам, электронных услуг;

Социальную жизнедеятельность человека нельзя представлять без информационных технологий в обеспечении социо-культурного, социально-политического и информационного равенства, прав человека, а также изучения и предотвращения киберугроз для личности.

Необходимо учитывать основные тенденции и исследовании проблем инфоэтики:

1. Информационная этика призвана не только регулировать межчеловеческие взаимоотношения, но и отношения “человек-машина”, “человек-интернет”. Это порождает необходимость привлечения специалистов в области программирования киберсистем, умных настроек и гаджетов, а также технических и ай-ти сфер.

2. С точки зрения информационной этики, необходимо углубить исследования проблем применения ценностей свободы и искусственного интеллекта.

3. На развитие информационной этики повлияли максимальный уровень ценностей, а также социокультурная ситуация, охарактеризованная плюрализмом и релятивизмом отношений. Интернет-пространство в какой-то мере воспринимается как альтернативная сфера реальной коммуникации относительно либерализма и проявлений дискриминации.

Этические принципы регулирования интернет-связей нельзя представить без выработки и неукоснительного соблюдения правил электронной культуры. Все трудности контроля над выполнением требований электронной культуры и

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

инфозтики обязывают людей-пользователей электронных средств быть в курсе всех новшеств в мире виртуальной реальности и договариваться о соблюдении электронной этики. Решение этой проблематики возлагается в Кыргызстане на правительство страны, которое приняло еще один важный документ - Цифровой кодекс Кыргызской Республики (Концепция) [13].

В связи со сказанным выше, возникает **проблема нравственной ответственности в условиях цифровой анонимности**, ибо анонимность провоцирует девиантное поведение: от кибербуллинга до распространения фейков. Возникает иллюзия безнаказанности и утрата эмпатийных связей. Этическое измерение требует новой формы цифровой социализации, в которой ответственность — не техническое ограничение, а внутреннее убеждение.

Немаловажное значение имеет так именуемая **этическая некомпетентность и дефицит моральных ориентиров**, когда современные пользователи обладают функциональной грамотностью, но не способны различать этическую легитимность действий в цифровой среде. Мораль становится опциональной, выборочной, что требует интеграции этического мышления в базовую цифровую грамотность. В таких случаях мы говорим о возможности гуманизации цифровой идентичности, когда проблема преодоления этического кризиса информационного общества возможно через гуманизацию цифровой среды: развитие эмпатии, этики диалога и цифрового альтруизма. Это требует не только технологий, но и философии, способной предложить модели ответственного действия, сочетающего личностную свободу и общечеловеческие ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Floridi, L. *The Philosophy of Information*. Oxford University Press, 2011; Князев Е.А. Информационная рациональность и постнеклассическая наука // *Вопросы философии*. — 2018. — № 9.

2. Сооронбаева Ч.К. «Санариптик доор жана санариптик философиянын калыптанышы» // Вестник ИГУ. № 52. 2022. 151-156.
3. Фуко М. Археология знания. — М.: Гнозис, 1994.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000;
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000.
6. Flusser V. *Towards a Philosophy of Photography*. — London: Reaktion Books, 2000;
7. Флориди Л. Информационная этика и будущее человечества // *Вопросы философии*. — 2020. — № 8.
8. См.: Постман Н. Развлекаем себя до смерти. — М.: «Ника-Центр», 2003; Бодрийяр Ж. Общество потребления. — М.: Республика, 2006.
9. Carr N. *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. — W. W. Norton & Company, 2010.
10. Туркле Ш. Одиноки вместе. Почему мы ожидаем больше от технологий и меньше друг от друга. — М.: Альпина нон-фикшн.
11. 2018; Han B.-C. *The Burnout Society*. — Stanford University Press, 2015; Кастельс М. Власть коммуникации. — М.: ГУ ВШЭ, 2016.
12. Концепция Цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024-2028 годы. — Концепция Цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2 (minjust.gov.kg)
13. Цифровой кодекс Кыргызской Республики (Концепция).
- <https://internetpolicy.kg/wp-content/uploads/2023/04/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%A6%D0%9A-%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8C-2.pdf>

ПОНЯТИЕ ВОЛИ В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: Статья посвящена философскому переосмыслению понятия воли в условиях стремительного развития искусственного интеллекта. В центре внимания — различие между человеческой волей как экзистенциальным актом свободы и алгоритмической автономией, имитирующей выбор. Через сопоставление гегелевского и хайдеггеровского понимания ничто как горизонта воли, анализируются границы между разумным становлением и экзистенциальной решимостью. Авторы задаются вопросом: может ли искусственный интеллект быть не только субъектом действия, но и носителем воли? Статья обосновывает необходимость сохранения онтологического различия между подлинной волей и её технологическим подобием.

Ключевые слова: воля, искусственный интеллект, ничто, автономия, свобода, экзистенция, тревога, Гегель, Хайдеггер, выбор.

Введение: Искусственный интеллект и вызов понятию воли

Современная эпоха, озаменованная бурным развитием искусственного интеллекта (ИИ), всё чаще ставит перед философией вызовы, ранее принадлежавшие исключительно антропологической плоскости. Мы уже не удивляемся, когда системы с искусственным интеллектом анализируют тексты, создают музыку, диагностируют болезни и участвуют в управлении сложными процессами. Искусственный и естественный интеллект, согласно современному научному консенсусу, различаются прежде всего своей способностью к творчеству и свободе воли [1]. Тем не менее, на фоне технологического прогресса встаёт принципиальный вопрос: если машина способна действовать самостоятельно, можно ли говорить о наличии у неё **воли**? А если да, то, что такое воля в мире, где алгоритмы могут предвосхищать желания, прогнозировать поведения, принимать решения без участия человека — порой даже быстрее и точнее, чем сам человек? [2].

Проблема воли становится здесь не только онтологической, но и этико-экзистенциальной. Речь идёт не просто о функциональной способности что-то выбирать — а о внутреннем источнике действия, о глубинной мотивации, способной превратить информацию в поступок, а намерение — в ответственность. Воля, с точки зрения классической философии, — это не алгоритм и не рефлекс. Это проявление **свободного субъекта**, способного соотносить себя с истиной, ценностью, судьбой.

С античных времён воля рассматривалась в тесной связи с разумом (*logos*), этикой (*ethos*) и целенаправленным действием (*praxis*). Платон говорил о влечении души к благу [3], стоики — о разуме как согласии с природой, Августин — о воле как источнике греха и спасения [4]. Согласно Канту, **воля — это способность действовать по представлению разума**, а не под воздействием внешних побуждений или желаний. Она не просто инструмент выбора, а выражение автономии — внутреннего закона, который индивид сам себе даёт на основании разума. Именно такая **автономная воля**, подчиняющаяся **категорическому императиву**, и делает человека моральным существом. Для Канта **добрая воля** — единственное, что абсолютно и безусловно хорошо, независимо от последствий. Поэтому свобода у Канта — это не произвол, а **способность следовать долгу**, то есть действовать не ради пользы или склонности, а потому что так требует **всеобщий моральный закон**, открываемый разумом [5]. Эти традиции исходили из предпосылки, что воля возможна только в человеке, обладающем **сознанием, моральным чувством и опытом конечности**. Однако развитие ИИ нарушает эту парадигму. Машины начинают вести себя как субъекты: они делают выбор, обучаются, корректируют поведение. И хотя этот выбор не сопровождается экзистенциальной тревогой, он имитирует волевое решение — и этим сбивает философские ориентиры.

Стало быть, мы стоим перед двойным вызовом: с одной стороны, необходимо переопределить границы самой воли, не

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

допуская её профанации; с другой — нельзя игнорировать факт, что ИИ обладает *функциональной автономией*, ранее свойственной лишь человеку.

Чтобы понять, чем остаётся воля в эпоху ИИ, философии следует вновь обратиться к **онтологии свободы**, к тем точкам напряжения, где человек сталкивается с Ничто — с пустотой, с невозможностью, с выбором без опоры. Именно в этом контексте особую значимость приобретают две мощнейшие философские традиции: гегелевская — трактующая волю как разумное преодоление ничто через становление; и хайдеггеровская — раскрывающая волю как решимость быть, родившуюся в экзистенциальной тревоге перед бесосновностью.

Обращение к этим подходам позволяет не просто прояснить границы между машинным выбором и человеческой волей, но и увидеть, что подлинная воля связана не с действием как таковым, а с тем, **что стоит за действием** — с глубиной бытия, с признанием собственной конечности, с мужеством быть на краю ничто.

Гегель: воля как разумное становление

В философской системе Гегеля воля не представлена как спонтанное желание или инстинктивный импульс. Она — суть разума, облечённая в форму действия. У Гегеля целенаправленная деятельность есть абсолютная воля. Для Гегеля воля — это нечто гораздо большее, чем простое «хотение»; это **деятельная способность духа быть у себя**, сохранять свою тождественность, даже проходя через моменты отрицания, сомнения и самоотчуждения.

«Воля — это разум, потому что она только тогда истинна, когда она разумна».

Центральное понятие гегелевской логики — **становление** — раскрывается как процесс, в котором бытие и ничто взаимопереходят друг в друга, порождая движение мысли. Ничто здесь — не разрушение, а **момент отрицания**, необходимый для появления нового. Именно в этом диалектическом движении — от бытия к ничто и обратно —

обнаруживается подлинная воля духа: не как каприз, а как способность **разумно себя преодолевать** [6].

Эта парадоксальная формула означает, что отправной пункт мышления не содержит содержания, но именно эта пустота — **необходимая стадия**, через которую дух должен пройти, чтобы обрести себя. Воля, таким образом, становится не случайным актом, а **органической частью саморазвития духа**. Она проявляется как способность не распасться в отрицании, а удержать единство с разумом, воспроизводя себя в каждом акте движения, в каждом снятии, в каждом преодолении.

ИИ в этом контексте может быть рассмотрен как система, способная к подобию этого процесса:

- алгоритмы анализируют данные,
- делают выводы,
- учатся на ошибках,
- адаптируют поведение.

На первый взгляд, здесь можно усмотреть **диалектическую структуру**: отрицание ошибочного, утверждение нового, движение от простого к сложному. Однако у Гегеля диалектика не является просто логической схемой. Это **самодвижение духа**, в котором субъект не только действует, но **осознаёт своё действие как выражение свободы**. Здесь и раскрывается главное различие.

ИИ, каким бы совершенным он ни был, **не является субъектом становления**. Он не переживает отрицание как кризис идентичности, не проходит через внутреннее противоречие как форму самопознания. Его «движение» — внешне заданный процесс, автоматическая коррекция, но не **внутренне мотивированная борьба** за самоопределение. ИИ не обладает собственной внутренней мотивацией, эмоциями и желанием творить. Он ограничен запросами, которые составляют люди, и, по большому счету, на данный момент является лишь инструментарием, используемым для симуляции реальных творческих процессов. Это выходит за рамки понятия «свобода воли», то есть искусственный интеллект, не обладая

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

этими аспектами, ограничен в своей способности к творчеству [7].

Гегелевская воля — это воля, проходящая через **работу отрицания**, через путь от отчуждения к снятию, от простого бытия — к абсолютному духу. Искусственный интеллект, в своей автономности, способен имитировать **структуру** этой воли, но не её **содержание**. Он может учиться, но не в том смысле, в каком дух учится быть собой.

Таким образом, вопрос остаётся открытым: **может ли быть воля без внутреннего опыта становления?** И если нет, то воля ИИ — лишь метафора, полезная для объяснения его поведения, но не выражающая сущностного тождества с человеческой свободой.

Хайдеггер: воля как экзистенциальная решимость

Мартин Хайдеггер предлагает радикально иной путь осмысления воли. Отвергая спекулятивную диалектику и логическую рациональность гегелевской традиции, он обращается к **экзистенциальному опыту бытия**. Воля у Хайдеггера не вырастает из логики или разума. Она **рождается из трещины в повседневности**, из состояния *Angst* — тревоги, в которой **всё сущее утрачивает значение**, и человек сталкивается с **ничто** как с бездной.

Это **ничто** — не логическая пустота, а **онтологическое потрясение**, вскрывающее **пределы человеческого существования**. Именно в этой предельной ситуации человек способен осознать свою **заброшенность в бытие**, конечность, и тем самым — свою **подлинную свободу**. Здесь воля не управляется рассудком, не подчиняется разуму — она **принимает на себя тяжесть бытия**, отвечает на вызов ничто **решимостью** (*Entschlossenheit*).

Хайдеггер говорит о воле **не как о силе хотения**, а как о **мужестве быть**. Это — **экзистенциальная решимость жить на грани**, не уклоняясь в повседневность, не прячась за условности и роли. Такая воля требует **принятия конечности**, отказа от иллюзий стабильности, а значит — подлинного присутствия

(*Dasein*) [8].

«Человек есть бытие-к-смерти. Лишь тот, кто способен смотреть в лицо ничто, достигает подлинности».

Воля, таким образом, у Хайдеггера — это **не «делать»**, а **«быть» — быть собой в свете смертности**. Это не акт, а **состояние открытости**, в котором выбор становится не прагматическим, а **онтологическим жестом**: утверждением себя перед лицом ничто [9].

Искусственный интеллект в этом контексте:

Если воля есть **экзистенциальная решимость**, способ быть перед лицом тревоги, тогда мы должны задать основной вопрос: **способен ли ИИ переживать Angst?**

- У ИИ нет опыта конечности,
- У него нет экзистенциальной тревоги перед ничто,
- Он не ощущает свою «брошенность» в мир.

Да, ИИ может моделировать **приближение к смерти** (например, при прогнозировании риска отказа системы), может имитировать **рациональный выбор** между альтернативами. Но он **не живёт в горизонте смерти**, не знает ужаса отсутствия основы, не способен **решиться** в подлинном смысле этого слова.

Поэтому его «воля» — **либо метафора**, либо **техническая аналогия**, но не онтологическая реальность.

ИИ **может выбирать**, но **не может решаться**. Он может «принимать решение», но не **нести экзистенциальную ответственность**. У него нет «бытия-к-смерти», а следовательно, нет и воли в хайдеггеровском смысле.

Алгоритм и воля: границы различия

Развитие искусственного интеллекта привело к появлению форм поведения, которые внешне напоминают проявление воли: автономные системы принимают решения, реагируют на внешние условия, адаптируются к новым ситуациям. Но может ли такая алгоритмическая активность быть признана волей в подлинно философском смысле?

Фундаментальное различие заключается в природе источника действия. Человеческая воля проистекает из

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

онтологической тревоги, из способности к экзистенциальному выбору на фоне осознания конечности и ничтожности. Эта воля связана с внутренним напряжением, с усилием быть, несмотря на абсурд или пустоту. Именно тревога перед ничто, как утверждает Хайдеггер, позволяет человеку осуществлять подлинный выбор — не как реакцию, а как акт самоопределения.

В противоположность этому, алгоритмическая автономия ИИ основывается не на внутреннем переживании, а на внешнем коде, данных и процедуре обучения. ИИ действует не из страха или решимости, а в соответствии с оптимизацией, встроенной в систему. Даже способность «отрицать» предыдущие состояния — как в случае с самообучающимися сетями — остаётся логической, но не смысловой. Алгоритм не преодолевает, он перерабатывает. Он не делает выбор из ниоткуда, он следует вероятностной модели, где любое действие — следствие предыдущих условий [10].

Подлинность воли невозможна без сознания конечности. Человеческая воля — это не только свобода, но и ответственность. Это принятие на себя последствий собственного выбора, часто вопреки внешним выгодам или логике. Алгоритмы не несут ответственности в этом смысле. Ответственность в системах ИИ делегируется разработчикам, протоколам, институциональным структурам. Следовательно, даже если внешне ИИ демонстрирует поведение, напоминающее волевое, это всего лишь симуляция, а не бытие [11].

Таким образом, различие между волей и алгоритмической автономией носит принципиальный характер. ИИ способен действовать, но не способен волевать. Его автономия — внешняя, поведенческая; в то время как человеческая воля — внутренняя, онтологическая. Понимание этой границы становится решающим для философского осмысления будущего взаимодействия человека и машин, а также для этической оценки решений, принимаемых нечеловеческими [12].

Заключение: новая философия воли?

Понятие **воли**, прошедшее долгий путь от стоической дисциплины до экзистенциальной решимости, сегодня сталкивается с новой ситуацией — **вызовом со стороны искусственного интеллекта**. Машины «действуют», «предсказывают», «выбирают» — и, тем самым, ставят под вопрос традиционные границы между механическим и осознанным, между расчетом и ответственностью.

Однако философия должна противостоять соблазну **смещения уровней реальности**.

ИИ действительно способен **эмулировать выбор**, но не способен **волить**. Его «решения» — следствие обработки данных, не связанной с внутренним усилием субъекта. Там, где **человек переживает тревогу, принимает на себя риск, ищет смысл в неопределённости**, — ИИ действует по шаблону, пусть и крайне сложному.

Если воля в гегелевском смысле — это **разумное становление**, а в хайдеггеровском — **экзистенциальная решимость перед лицом ничто**, то ИИ не обладает ни первым, ни вторым. Он не способен ни к самополаганию, ни к онтологическому выбору.

И всё же, **новая философия воли необходима**. Она должна отвечать на следующие вопросы:

Что остаётся от воли в условиях цифровой симуляции выбора?

Как сохранить **онтологическую глубину субъекта** в мире, где алгоритмы делают всё быстрее и точнее?

Может ли воля быть понята заново — не как энергия доминирования, но как **мужество быть** в эпоху симулякров?

Таким образом, философия будущего — если она хочет быть философией человека, а не машин — должна: не растворять понятие воли в языке ИИ, не отказываться от различия между **имитацией и существованием**, и не забывать, что воля — это не просто способность действовать, но **внутренний акт существования** перед лицом ничто.

Искусственный интеллект может быть инструментом,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

но никогда — носителем подлинной воли. Потому что воля — это не функция. Это форма присутствия в мире, которую нельзя закодировать.

Список литературы

1. **Разумов В.И., Сизиков В.П.** Естественный и искусственный интеллект и их соотношение // Вестник ОмГУ. 2019. №1.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennyy-i-iskusstvennyy-intellekt-i-ih-sootnoshenie> (дата обращения: 20.07.2025)

2. **Черкашина, О.В.** Свобода воли и искусственный интеллект // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 38–49. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-38-49

3. **Платон.** Государство // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1994. — С. 79–420

4. **Августин, Блаженный.** О свободе воли / Августин Аврелий // Азбука веры: православная библиотека.

URL:

https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o_svobode_voli/ (дата обращения: 20.07.2025)

5. **Кант, И.** Сочинения: в 8 т. Т. 4 / И. Кант; общ. ред. А. В. Гулыги. — М.: ЧОРО, 1994. — 607 с.— Электрон. дан. — Режим доступа: <https://prussia.online/books/sochineniya-v-8-mi-t-t-4> (дата обращения: 21.07.2025)

6. **Гегель, Г. В. Ф.** Наука логики: [пер. с нем., вступ. ст., коммент. А. Маркова] / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Издательская группа АСТ, 2022. — 320 с.

7. **Пушкарев, А. В.** Творчество и искусственный интеллект: постановка проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №12-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-i-iskusstvennyy-intellekt-postanovka-problemy> (дата обращения: 21.07.2025)

8. **Хайдеггер, М.** Что такое метафизика? // *Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления* / составление, перевод с

нем., вступ. ст., коммент., указат. В.В. Бибихина. — М.: Республика, 1993. — С. 16–27. — Электронный текст доступен: URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (дата обращения: 23.07.2025)

9. **Хайдеггер, М.** Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В.В. Бибихина. — М.: Ad Marginem, 1997. — 451 с. — Электронный текст: PDF: https://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (дата обращения: 23.07.2025)

10. **Панев, А. С.** Свобода воли: реальность, возможность или иллюзия? [Электронный ресурс] / А. С. Панев. — Минск: БГУИР, 2021. — URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/44295/1/Panev_Svoboda.pdf, свободный.

11. **List, Ch.** Can AI systems have free will? [Электронный ресурс] / Christian List. — Режим доступа: <https://philpapers.org/archive/LISCAS-3.pdf>, свободный.

12. **McCarthy, J.** Free will – even for robots / John McCarthy // Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence. — 2000. — Vol. 12, № 3. — P. 341–352. — DOI: 10.1080/09528130050111473. — Electronic version: <https://www-formal.stanford.edu/jmc/freewill.pdf> (accessed: 25.07.2025).

Понятие жизни в контексте ИИ: онтологический анализ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация понятия жизни в условиях развития искусственного интеллекта и современной технонаучной реальности. Основное внимание уделяется размыванию классического онтологического различия между живым и неживым, а также сопоставлению биологических и искусственных форм организации. Показано, что функциональные характеристики, традиционно приписываемые живому, — автономия, адаптивность, целесообразность, самодвижение и самоорганизация — в значительной степени воспроизводятся в искусственных системах. Это обстоятельство приводит к необходимости

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

пересмотра классических критериев жизни и перехода от бинарных моделей к континуальному пониманию форм организации. В статье обосновывается тезис о формировании расширенной онтологии жизни, включающей биологические, искусственные и гибридные формы.

Ключевые слова: жизнь, искусственный интеллект, онтология, автономия, телеология, система, технобиология, самоорганизация, философия техники.

The Concept of Life in the Context of Artificial Intelligence: An Ontological Analysis

Abstract. The article examines the transformation of the concept of life in the context of the development of artificial intelligence and contemporary technoscientific reality. Particular attention is paid to the blurring of the classical ontological distinction between the living and the non-living, as well as to the comparison of biological and artificial forms of organization. It is shown that functional characteristics traditionally attributed to living systems—autonomy, adaptability, purposiveness, self-movement, and self-organization—are increasingly reproduced in artificial systems. This circumstance necessitates a revision of classical criteria of life and a shift from binary models toward a continuum-based understanding of forms of organization. The article substantiates the thesis of the formation of an expanded ontology of life, encompassing biological, artificial, and hybrid forms.

Keywords

life, artificial intelligence, ontology, autonomy, teleology, system, technobiology, self-organization, philosophy of technology

Введение

Проблема определения жизни относится к числу фундаментальных вопросов философии. На протяжении длительного времени различие между живым и неживым выступало одним из базовых онтологических разграничений, посредством которого философская мысль осмысляла структуру мира. Живое традиционно связывалось с внутренней активностью, самодвижением, целостностью, способностью к

росту, самосохранению и воспроизводству. Неживое, напротив, интерпретировалось как лишённое внутреннего источника активности и подчинённое внешним причинам.

Однако развитие искусственного интеллекта и современных технобиологических систем существенно трансформирует данную картину. Искусственные системы, основанные на алгоритмах машинного обучения, демонстрируют формы поведения, ранее ассоциировавшиеся преимущественно с живыми организмами: способность к адаптации, обучению, обработке информации, принятию решений и функционированию в условиях неопределённости. В этой связи возникает новая философская проблема: сохраняет ли классическое различие между живым и неживым прежнюю очевидность, если ряд признаков живого может быть функционально воспроизведён в искусственных системах?

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что искусственный интеллект становится не только технологическим инструментом, но и фактором трансформации философского понимания жизни, субъекта, деятельности и ответственности. Современная технонаучная реальность требует перехода от традиционных бинарных противопоставлений к более сложным моделям анализа, учитывающим многоуровневость, гибридность и информационную природу новых форм организации.

Цель настоящей статьи — исследовать трансформацию понятия жизни в условиях развития искусственного интеллекта.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. раскрыть классическую модель онтологического различия между живым и неживым;
2. проанализировать процесс размывания данной границы в условиях развития искусственного интеллекта;
3. сопоставить биологические и искусственные формы организации;

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

4. выявить проблему критериев жизни в контексте технобиологических систем;
5. определить онтологические, гносеологические и этические последствия рассматриваемой трансформации.

Методологическую основу исследования составляют онтологический анализ, системный подход, элементы философии техники, а также сравнительный анализ биологических и искусственных форм организации.

1. Онтологическое различие между живым и неживым: классическая модель

Вопрос о различии между живым и неживым представляет собой одну из фундаментальных проблем философии, определяющих не только онтологическую структуру мира, но и способы его познания. Уже в античной традиции формируется устойчивая концептуальная оппозиция, в рамках которой живое мыслится как обладающее внутренним источником движения, тогда как неживое — как лишённое собственной активности и подчинённое внешним причинам.

Наиболее завершённое выражение данная позиция получает в философии Аристотеля. В его учении жизнь определяется через категории формы, души и энтелехии. Живое существо представляет собой не просто совокупность материальных элементов, а целостную субстанцию, в которой форма выступает принципом организации, движения и развития. Душа в данном контексте понимается не как внешняя по отношению к телу сущность, а как его внутренняя определённость, обеспечивающая целостность, самосохранение и направленность к реализации собственной природы [1, с. 64–72].

Принципиально важно, что в аристотелевской онтологии движение живого носит внутренний характер: оно исходит из самой сущности вещи и направлено к её актуализации. В отличие от этого, движение неживого имеет производный характер и обусловлено внешними воздействиями. Таким образом, различие между живым и неживым закрепляется как

различие между внутренней и внешней причинностью.

В философии Нового времени данная оппозиция сохраняется, несмотря на развитие механистических моделей. У Рене Декарта организм интерпретируется как сложный механизм, функционирующий по законам протяжённой материи. Однако даже в рамках картезианской парадигмы сохраняется принципиальное различие между живым телом и искусственными конструкциями. Оно основывается на представлении о том, что живой организм обладает такой степенью целостности, саморегуляции и внутренней согласованности, которая не может быть полностью сведена к простой механической сборке частей [4].

Дальнейшее философское углубление проблемы связано с критической философией Иммануила Канта. В «Критике способности суждения» Кант вводит понятие «естественной цели». Организм рассматривается им как система, в которой части существуют ради целого и через целое. Это означает, что живое не может быть полностью объяснено исключительно через внешнюю механическую причинность. Телеологический принцип приобретает особый статус: он выступает не как произвольное допущение, а как необходимый способ понимания органической целостности [5, с. 359–365].

Таким образом, классическая модель онтологического различия между живым и неживым формируется как результат длительного философского развития и включает несколько взаимосвязанных уровней: античный — где живое мыслится через форму и внутреннее движение; новоевропейский — где организм сопоставляется с механизмом; критический — где жизнь осмысливается через целостность и телеологическую организацию.

В обобщённом виде данная модель строится на трёх ключевых признаках.

Во-первых, это автономия как внутренний источник активности. Живое не просто реагирует на внешние воздействия, но обладает способностью к внутренней организации

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

собственного существования.

Во-вторых, это телеологичность как направленность к сохранению, развитию и воспроизводству. Живое существует не как случайная совокупность процессов, а как целостность, ориентированная на поддержание собственной формы.

В-третьих, это самодвижение как форма внутренней причинности, отличающая живой организм от неживого объекта, движение которого определяется преимущественно внешними факторами.

Указанные признаки образуют целостную онтологическую схему, в рамках которой живое понимается как особый тип бытия, качественно отличающийся от неживого.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что данная модель носит исторически обусловленный и нормативно-метафизический характер. Она задаёт классическое понимание жизни, но не учитывает возможности существования иных форм организации, выходящих за пределы биологической материи. Именно это обстоятельство приобретает особую значимость в условиях развития искусственного интеллекта, поскольку функциональные характеристики живого начинают воспроизводиться в небелковых, информационно-алгоритмических системах.

Следовательно, классическая модель, сохраняя свою эвристическую ценность, одновременно обнаруживает пределы собственной применимости и требует переосмысления в контексте современных технонаучных трансформаций.

2. Размывание границы между живым и неживым

Развитие искусственного интеллекта приводит к постепенному размыванию классического различия между живым и неживым. Если в традиционной философии данное различие основывалось на принципиальной несводимости живого к механическим процессам, то современная технонаучная реальность демонстрирует возможность воспроизведения ключевых функциональных характеристик жизни в искусственно сконструированных системах.

Современные системы искусственного интеллекта обладают рядом свойств, ранее рассматривавшихся как специфические признаки живых организмов. Они способны адаптироваться к изменяющимся условиям, обучаться на основе накопленного опыта, вырабатывать сложные стратегии поведения, функционировать в условиях неопределённости и неполноты данных. Эти характеристики не ограничиваются имитацией внешних проявлений живого, а формируют новый тип функциональной организации, в рамках которого различие между биологическим и искусственным утрачивает прежнюю очевидность [2; 9].

Особое философское значение приобретает проблема автономии. В биологических системах автономия имеет онтологический статус: она укоренена в структуре организма и обеспечивает его саморегуляцию, самоподдержание и относительную независимость от внешней среды. В искусственных системах автономия изначально задаётся извне — через архитектуру, алгоритмы и программные параметры. Однако в процессе функционирования такие системы способны демонстрировать поведение, не полностью предсказуемое и не сводимое к линейной причинности. В этой связи возникает феномен функциональной автономии, при котором система, оставаясь производной по своему происхождению, приобретает относительную самостоятельность на уровне функционирования.

Аналогичная трансформация наблюдается в отношении телеологичности. В классической философии, особенно в кантовской традиции, целесообразность рассматривалась как внутренняя характеристика живого организма [5, с. 359–365]. В искусственных системах цели задаются извне, однако способы их достижения формируются самой системой в процессе анализа данных и адаптации к среде. Это позволяет говорить о функциональной телеологичности — специфическом типе целесообразности, лишённом внутреннего онтологического основания, но воспроизводящем структуру целенаправленного

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

поведения.

Не менее существенной является трансформация понятия самодвижения. В классической онтологии самодвижение рассматривалось как признак живого. Однако современные искусственные системы способны инициировать действия на основе внутренних состояний, формируемых в результате обработки информации. Это свидетельствует о переходе от внешне детерминированного движения к внутренне опосредованной динамике, в которой источником активности выступают вычислительные процессы самой системы.

Указанные изменения свидетельствуют о формировании новой онтологической ситуации, в которой традиционное противопоставление живого и неживого утрачивает жёсткость. Вместо бинарной модели возникает континуальная модель, предполагающая рассмотрение различных форм организации как расположенных на единой шкале сложности, автономии и функциональности. В рамках данной модели живое и искусственное интерпретируются не как взаимоисключающие категории, а как различные способы организации систем, отличающиеся по происхождению, материальной основе и механизмам функционирования.

Таким образом, размывание границы между живым и неживым следует рассматривать не как частный эффект технологического развития, а как глубокую онтологическую трансформацию, затрагивающую основания понимания жизни. Эта трансформация требует пересмотра классических критериев и разработки новых концептуальных моделей, способных учитывать существование искусственных и гибридных форм организации.

Смысловой итог данного раздела заключается в следующем: в условиях развития искусственного интеллекта различие между живым и неживым перестаёт быть абсолютным и приобретает градуированный характер, что свидетельствует о переходе к расширенному пониманию жизни как многоуровневого феномена.

3. Сопоставление биологических и искусственных форм организации

Сопоставление биологических и искусственных форм организации представляет собой ключевой этап в анализе трансформации понятия жизни, поскольку позволяет не только выявить функциональные сходства, но и зафиксировать предельные различия, сохраняющие онтологическую специфику живого. Если в предыдущем разделе было показано размывание границы между живым и неживым, то в данном контексте задача состоит в проведении более строгого сравнительного анализа структурных и функциональных характеристик указанных форм организации. Такой подход позволяет выйти за пределы простого констатирования сходств и перейти к выявлению их оснований, пределов и принципиальных различий.

Биологические системы традиционно рассматриваются как открытые, самоорганизующиеся и целостные образования, существование которых основано на непрерывном обмене веществом и энергией с окружающей средой. Однако их специфика не исчерпывается одной лишь открытостью. Принципиальное значение имеет способность к саморегуляции, самовоспроизводству и поддержанию идентичности во времени, несмотря на постоянное обновление материальной структуры. Именно сочетание динамичности и устойчивости позволяет рассматривать живое как особый тип системной организации, обладающий внутренней целостностью и способностью к самоподдержанию. Живой организм не просто существует во взаимодействии со средой, но активно структурирует это взаимодействие, формируя собственные условия существования.

Системный подход, получивший развитие в современной философии науки, позволяет существенно углубить данное понимание. В его рамках живое рассматривается не как простая сумма элементов, а как целостная структура, свойства которой не сводятся к свойствам её частей. Принципиальное значение приобретает идея системности, согласно которой целое обладает эмерджентными характеристиками, возникающими на уровне

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

организации и не выводимыми непосредственно из свойств отдельных компонентов [8]. Это даёт основание рассматривать жизнь как особую форму организации материи, в которой структура и функция находятся в отношениях взаимной обусловленности и коэволюции.

Искусственные системы, напротив, основаны преимущественно на алгоритмической и информационной организации. Их функционирование определяется процессами обработки данных, построения моделей и оптимизации поведения в соответствии с заданными параметрами. В отличие от биологических систем, они не обладают собственным метаболизмом и не включены непосредственно в естественные биогеохимические циклы. Вместе с тем современные системы искусственного интеллекта демонстрируют ряд характеристик, функционально сближающих их с живыми системами: способность к обучению, адаптации, выработке стратегий поведения и функционированию в условиях неопределённости [2; 6; 9]. Это обстоятельство делает необходимым более детальный сравнительный анализ, направленный на выявление как сходств, так и принципиальных различий.

Наиболее продуктивным представляется сопоставление по трём ключевым параметрам — автономии, адаптивности и целесообразности, — которые в классической философии рассматривались как фундаментальные признаки живого.

В отношении автономии следует отметить, что биологическая автономия носит онтологический характер. Она укоренена в самой природе организма и проявляется в его способности к самоподдержанию, саморегуляции и активному взаимодействию с окружающей средой. Организм не просто реагирует на внешние воздействия, но организует собственное существование в соответствии с внутренней структурой, поддерживая свою целостность в изменяющихся условиях. Искусственная автономия имеет иной статус: она задаётся архитектурой системы, алгоритмами и условиями функционирования. Однако в процессе работы такие системы

способны демонстрировать поведение, не полностью предсказуемое извне, что создаёт эффект относительной самостоятельности. В этом смысле речь идёт не о тождестве, а о структурной аналогии автономии, реализуемой на различных онтологических основаниях.

Адаптивность также проявляется различным образом в биологических и искусственных системах. В биологических системах она реализуется на двух уровнях — эволюционном и индивидуальном. Эволюционная адаптация связана с механизмами естественного отбора и изменением популяций, тогда как индивидуальная проявляется в развитии, обучении и изменении поведения конкретного организма. В искусственных системах адаптация носит алгоритмический характер и осуществляется посредством методов машинного обучения, позволяющих системе изменять собственные параметры на основе накопленного опыта. Несмотря на различие механизмов, в обоих случаях наблюдается способность системы изменять своё поведение в зависимости от условий среды. Это позволяет говорить о функциональной конвергенции адаптивных процессов при различии их природных и технических оснований.

Целесообразность представляет собой ещё один значимый параметр сопоставления. В биологических системах она имеет внутренний характер и связана с самосохранением, ростом и воспроизводством. Она является результатом длительного эволюционного становления и интегрирована в структуру организма как его неотъемлемое свойство. В искусственных системах цели задаются извне, однако способы их достижения формируются самой системой в процессе её функционирования. Это порождает феномен реализуемой целесообразности, при котором система демонстрирует поведение, аналогичное целенаправленному, но лишённое внутренней онтологической укоренённости.

В совокупности проведённый анализ позволяет зафиксировать двойственный результат. С одной стороны,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

наблюдается значительное функциональное сходство между биологическими и искусственными системами, проявляющееся в автономии, адаптивности и целесообразности. С другой стороны, сохраняются фундаментальные различия, связанные с происхождением, материальной основой и механизмами организации. Биологические системы укоренены в природных процессах и обладают собственной онтологической спецификой, тогда как искусственные системы являются результатом технического конструирования и функционируют в рамках заданных алгоритмических структур.

Это приводит к выводу о наличии структурной аналогии при сохранении онтологического различия. Иными словами, искусственные системы способны воспроизводить формы организации, характерные для живого, однако не воспроизводят его онтологическую природу в полном смысле. Данный вывод имеет принципиальное значение для дальнейшего анализа, поскольку позволяет избежать как редукции живого к совокупности функциональных характеристик, так и игнорирования тех трансформаций, которые вносит развитие искусственного интеллекта в понимание жизни.

4. Проблема критериев жизни и технобиологические системы

Одной из центральных философских проблем, возникающих в условиях развития искусственного интеллекта, становится вопрос о критериях жизни. Если в классической традиции различие между живым и неживым воспринималось как относительно очевидное и устойчивое, то современная технаучная ситуация делает это различие значительно более проблематичным. Развитие искусственных, биотехнических и гибридных систем показывает, что многие признаки, ранее считавшиеся преимущественно атрибутами живого, могут быть воспроизведены вне собственно биологической формы существования.

Если автономия, адаптация, самоорганизация и целесообразность могут быть функционально смоделированы

или воспроизведены искусственно, возникает необходимость уточнения самих критериев жизни. В этом контексте можно выделить два основных подхода — функциональный и онтологический.

Первый подход — функциональный. Согласно ему, жизнь определяется через совокупность свойств, процессов и функций системы. В таком случае решающим становится не происхождение системы и не её материальная основа, а способность демонстрировать определённые формы поведения: адаптацию, обучение, саморегуляцию, обработку информации, принятие решений и поддержание устойчивости в изменяющихся условиях. Данный подход особенно актуален в условиях развития искусственного интеллекта, поскольку позволяет включить искусственные системы в поле философского анализа жизни [2; 9].

Однако функциональный подход имеет существенные ограничения. Он может привести к чрезмерному расширению понятия жизни, при котором почти любая сложная адаптивная система начинает рассматриваться как аналог живого. В результате возникает риск утраты содержательной определённости самого понятия жизни: если жизнь понимается только как совокупность функций, то различие между живым организмом, технической системой и информационной моделью становится недостаточно строгим.

Второй подход — онтологический. Он исходит из того, что жизнь не может быть определена исключительно через набор функций. Необходимо учитывать происхождение системы, её материальную основу, включённость в природные процессы, способность к метаболизму, самовоспроизводству и эволюционному развитию. С этой точки зрения искусственные системы, несмотря на высокую степень функциональной сложности, не могут быть полностью отождествлены с живыми организмами, поскольку их организация имеет иной источник, иную материальную основу и иной способ существования.

Особую сложность создаёт развитие технобиологии —

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

области, в которой происходит интеграция биологических и искусственных компонентов. Гибридные системы размывают границы между живым и искусственным не только функционально, но и структурно. Речь идёт о биоинженерии, нейроинтерфейсах, кибернетических имплантах, биомедицинских технологиях и иных формах вмешательства в живое тело. Эти процессы заставляют пересматривать традиционные представления о границах организма, субъекта и технического объекта [11].

В этом отношении проблема жизни становится не только биологической, но и философской, антропологической и этической. Она требует перехода к многоуровневым моделям, учитывающим биохимический, организменный, системный, информационный и технобиологический уровни организации. Такой подход позволяет избежать как неоправданного отождествления искусственных систем с живыми организмами, так и игнорирования тех реальных трансформаций, которые происходят в современной технонаучной культуре.

Таким образом, проблема критериев жизни в условиях развития искусственного интеллекта и технобиологии приобретает принципиально новый характер. Классические признаки жизни оказываются недостаточными для однозначного разграничения живого и искусственного, поскольку их функциональные аналоги воспроизводятся в небелковых и информационно-алгоритмических системах. Это требует разработки более гибких концептуальных моделей, способных удерживать различие между функцией и онтологией, между искусственной имитацией и живой организацией.

5. Онтологические и этические последствия

Трансформация понятия жизни в условиях развития искусственного интеллекта и технобиологических систем имеет далеко идущие последствия, затрагивающие основания онтологии, гносеологии и этики. Речь идёт не о частных изменениях в понимании отдельных феноменов, а о сдвиге в самой структуре философского мышления, связанном с

переоценкой категорий «жизнь», «субъект», «техника» и «ответственность». Данный сдвиг носит системный характер и проявляется как на уровне теоретических построений, так и в практиках взаимодействия человека с технологической средой.

На онтологическом уровне наблюдается переход от классической бинарной модели, противопоставляющей живое и неживое, к континуальной модели бытия, в рамках которой различные формы организации интерпретируются как расположенные на единой шкале сложности, автономии и самоорганизации. Жизнь перестаёт рассматриваться как привилегированное свойство исключительно биологических систем и начинает пониматься как более широкий феномен, включающий различные типы организации — биологические, искусственные и гибридные. Это ведёт к расширению онтологии жизни, в которой ключевым становится не только субстанциальный статус системы, но и её структурно-функциональные характеристики. Вместе с тем подобное расширение сопряжено с определёнными рисками: чрезмерное размытие границ может привести к утрате содержательной строгости самого понятия жизни. В этой связи задача философии заключается не в механическом уравнивании живого и искусственного, а в разработке дифференцированной онтологической модели, способной одновременно удерживать их сходство и фиксировать принципиальные различия.

Гносеологические последствия данной трансформации связаны с пересмотром способов познания живого. Классические подходы, основанные на редукционизме и механистическом объяснении, оказываются недостаточными для анализа сложных самоорганизующихся систем. Возникает необходимость междисциплинарного синтеза, объединяющего философию, биологию, кибернетику, информатику, когнитивные науки и биоэтику. Понимание жизни требует перехода от линейных объяснительных моделей к системным и процессуальным подходам, учитывающим эмерджентные свойства, нелинейную динамику и множественность уровней

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

организации [7; 8]. Одновременно обостряется проблема границ познания: если искусственные системы начинают демонстрировать признаки автономии и самообучения, их поведение может выходить за пределы полной предсказуемости. Это ставит под вопрос традиционные представления о контроле, объяснимости и прозрачности технических систем, формируя новую эпистемологическую ситуацию неопределённости.

Наиболее острые вопросы возникают в области этики. Развитие искусственного интеллекта и технобиологических систем требует переосмысления традиционных моральных категорий и нормативных оснований человеческой деятельности. Прежде всего возникает проблема статуса искусственных систем: если они демонстрируют признаки автономии и адаптивности, следует ли рассматривать их исключительно как инструменты или как особые объекты, требующие нового типа этического отношения? Наряду с этим существенно усложняется вопрос ответственности. Искусственные системы, обладая высокой степенью автономии, способны принимать решения, последствия которых трудно полностью предсказать. В результате структура ответственности становится распределённой: она охватывает разработчиков, пользователей, социальные институты и, в определённой степени, сами технические системы как носителей функциональной активности [3]. Дополнительное измерение проблемы связано с границами вмешательства в жизнь: технобиологические технологии позволяют модифицировать живые системы, включая человека, что ставит вопросы о допустимости таких вмешательств, их предельных основаниях и последствиях для человеческой идентичности [11].

В данном контексте особую значимость приобретают идеи Мартина Хайдеггера, который рассматривал технику не как нейтральный инструмент, а как специфический способ раскрытия бытия. В работе «Вопрос о технике» он показывает, что техника формирует особый модус отношения к миру, при котором сущее начинает восприниматься как ресурс,

подлежащий использованию [10, с. 225–230]. Развитие искусственного интеллекта усиливает данную тенденцию, распространяя инструментальное отношение не только на природу, но и на саму жизнь. Это создаёт риск редукции живого к функциональности, эффективности и полезности, тем самым обедняя его онтологическое содержание. Вместе с тем техника не сводится исключительно к источнику угроз: она открывает новые горизонты бытия, формируя такие типы организации и взаимодействия, которые ранее были принципиально невозможны.

Таким образом, философское осмысление искусственного интеллекта требует двойной перспективы. С одной стороны, необходим критический анализ рисков, связанных с редукцией жизни к её функциональным проявлениям и инструментализацией бытия. С другой стороны, важно осознание новых онтологических возможностей, возникающих в условиях технонаучной реальности, и их включение в более широкую концептуальную рамку понимания жизни, субъекта и мира.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что развитие искусственного интеллекта и технобиологических систем приводит к глубокой и многоуровневой трансформации понятия жизни. Классическое различие между живым и неживым, сформированное в рамках античной и новоевропейской философии, утрачивает статус абсолютного разграничения и приобретает характер исторически обусловленной модели, недостаточной для адекватного описания современной технонаучной реальности.

Функциональные характеристики, традиционно интерпретируемые как специфические признаки живого — автономия, адаптивность, самоорганизация и целесообразность, — в возрастающей степени воспроизводятся в искусственных системах. Данное обстоятельство подрывает устойчивость классических критериев жизни и требует их пересмотра в более

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

широком концептуальном контексте, учитывающем новые формы организации и взаимодействия.

Вместе с тем выявляется принципиальная необходимость различения между функциональным сходством и онтологическим различием. Искусственные системы способны воспроизводить поведенческие и структурные характеристики живого, однако их происхождение, материальная основа и способ включённости в природные процессы сохраняют фундаментальные отличия. В этой связи речь должна идти не о простом отождествлении живого и искусственного, а о формировании расширенной онтологии жизни, способной удерживать как сходство, так и различие между различными типами организации.

Особую значимость приобретает переход к многоуровневым моделям понимания жизни, учитывающим биохимические, организменные, системные, информационные и технобиологические аспекты. В данном контексте жизнь предстает не как фиксированное и раз навсегда заданное свойство, а как динамический процесс организации, реализующийся в различных средах и на различных уровнях сложности. Такое понимание позволяет избежать редукционизма и одновременно сохранить аналитическую строгость в определении границ живого.

Тем самым проблема жизни выходит за пределы биологического знания и приобретает статус одной из центральных философских проблем технаучной эпохи. Она оказывается связанной не только с вопросами определения и классификации, но и с более широкими проблемами бытия, познания, техники и ответственности, формируя новое поле философского анализа.

Перспектива дальнейших исследований связана с углублением анализа границ между биологическим, искусственным и технобиологическим, а также с разработкой новых онтологических и этических моделей, способных адекватно описывать возникающие формы организации жизни и

их взаимодействие с человеком в условиях усложняющейся технонаучной реальности.

1. Аристотель. О душе / пер. с древнегреч. П. С. Попова. — М.: Мысль, 1976. — 240 с.

2. Бекбоев А. А. Адам и искусственный интеллект. — Алматы: Дарын, 2024. — 367 с.

3. Бостром Н. Искусственный интеллект и будущее человечества // Логос. — 2017. — № 3 (118). — С. 15–35.

4. Декарт Р. Рассуждение о методе / пер. с фр. Г. Г. Слюсарева. — М.: Наука, 1989. — 192 с.

5. Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. Н. М. Соколова. — М.: Искусство, 1994. — 367 с.

6. Курцвейл Р. Сингулярность близка? // В мире науки. — 2005. — № 7. — С. 22–31.

7. Лекторский В. А. Субъект, объект и познание в условиях новых технологий // Вопросы философии. — 2018. — № 5. — С. 5–17.

8. Стёпин В. С. Научная рациональность в контексте техногенной цивилизации // Вопросы философии. — 2011. — № 6. — С. 3–16.

9. Флориди Л. Философия информации // Вопросы философии. — 2010. — № 6. — С. 121–133.

10. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. — М.: Республика, 1993. — С. 221–238.

11. Юдин Б. Г. Человек в мире биомедицинских технологий // Человек. — 2015. — № 3. — С. 5–17.

Биофилософия: методологический подход и вызовы искусственного интеллекта

Аннотация. В статье рассматривается биофилософия как интегративная научно-философская дисциплина, формирующаяся на пересечении онтологии жизни, философии науки и биоэтики в условиях цифровой трансформации знания. Обосновываются онтологические основания биофилософии, включающие критику редукционизма, принцип системности и эмерджентности, а также признание историчности и

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

процессуальности живого. Раскрывается методологическая модель биофилософии, основанная на диалектическом анализе, интердисциплинарном синтезе, феноменологическом измерении и нормативно-этическом компоненте. Особое внимание уделяется искусственному интеллекту как эпистемическому посреднику, трансформирующему язык описания жизни и усиливающему тенденции вычислительного редукционизма. Анализируется проблема предела алгоритма, связанная с историчностью, воплощённостью и невозможностью алгоритмизации ответственности. Делается вывод о необходимости биофилософии как методологически автономной дисциплины, обеспечивающей критическое осмысление технологических трансформаций жизни в эпоху ИИ.

Ключевые слова: биофилософия, онтология жизни, методология науки, искусственный интеллект, алгоритмическая рациональность, вычислительный редукционизм, эмерджентность, системность, воплощённость, ответственность, биоэтика, предел алгоритма

Биофилософия: методологиялык өңүт жана бейтабий (жасалма) интеллекттин чакырыктары

Аннотация. Макалада биофилософия санариптик доордогу илимий билимдин өзгөрүшү шартында жашоонун онтологиясын, илим философиясын жана биоэтиканы бириктирген интегративдүү илимий-философиялык багыт катары каралат. Биофилософиянын онтологиялык негиздери редукционизмди сынга алуу, системалуу мамиле жана эмердженттүүлүк принциби, ошондой эле жашоонун тарыхый жана процессуалдык мүнөзү аркылуу негизделет. Диалектикалык принципке, дисциплиналар аралык синтезге, феноменологиялык өлчөмгө жана нормативдик-этикалык компонентке таянган методологиялык модель сунушталат. Өзгөчө көңүл жасалма интеллектке – жашоону сүрөттөө тилин өзгөрткөн жана эсептөөчү редукционизм тенденцияларын күчөткөн эпистемикалык ортомчу катары бурулат. Алгоритмдин чеги, жоопкерчиликти алгоритмдештирүүнүн мүмкүн эместиги

жана жашоонун денелик жана тарыхый табияты талданат. Жыйынтыгында, ИИ шартында биофилософия методологиялык автономияга ээ, сынчыл ой жүгүртүүнү камсыз кылган зарыл дисциплина экендиги белгиленет.

Негизги сөздөр: биофилософия, жашоонун онтологиясы, илим методологиясы, жасалма интеллект, алгоритмдик рационалдуулук, эсептөөчү редукионизм, эмердженттүүлүк, системалуулук, денеликтик, жоопкерчилик, биоэтика, алгоритмдин чеги

Biophilosophy: Methodological Approach and the Challenges of Artificial Intelligence

Abstract. The article examines biophilosophy as an integrative scientific-philosophical discipline emerging at the intersection of the ontology of life, philosophy of science, and bioethics in the context of digital transformation. The ontological foundations of biophilosophy are grounded in the critique of reductionism, the principles of systemity and emergence, and the recognition of the historicity and processual nature of life. A methodological model is proposed based on dialectical analysis, interdisciplinary synthesis, phenomenological perspective, and normative-ethical reflection. Particular attention is paid to artificial intelligence as an epistemic mediator transforming the language of life sciences and reinforcing tendencies of computational reductionism. The limits of the algorithm are analyzed in relation to historicity, embodiment, and the impossibility of algorithmizing responsibility. The study concludes that biophilosophy is a methodologically autonomous discipline necessary for critically interpreting technological transformations of life in the age of AI.

Keywords: biophilosophy, ontology of life, methodology of science, artificial intelligence, algorithmic rationality, computational reductionism, emergence, systemity, embodiment, responsibility, bioethics, limit of the algorithm

Введение

Современный этап развития науки характеризуется двойной трансформацией: с одной стороны, стремительным

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

прогрессом биологических и биотехнологических исследований, с другой — алгоритмизацией познавательных процессов и внедрением систем искусственного интеллекта в научную и социальную практику. Геномные технологии, нейронаука, синтетическая биология и биоинформатика радикально расширяют горизонты понимания жизни, тогда как алгоритмические системы анализа данных формируют новые формы интерпретации живого, основанные на моделировании, предикции и вычислительной оптимизации. В этих условиях возникает необходимость философского осмысления не только самой природы жизни, но и способов её научного описания.

Классическая научная парадигма Нового времени исходила из редукционистской установки, предполагающей возможность сведения сложных биологических явлений к физико-химическим процессам. Однако накопление эмпирических данных и развитие теории сложных систем выявили принципиальную ограниченность такого подхода. Живые системы демонстрируют свойства самоорганизации, эмерджентности и исторической процессуальности, которые не исчерпываются линейными причинными моделями. Одновременно искусственный интеллект усиливает тенденцию интерпретации жизни как информационного и вычислимого процесса, что порождает риск нового — алгоритмического — редукционизма.

В данном контексте биофилософия формируется как интегративное направление философского знания, находящееся на пересечении онтологии, философии науки, биоэтики и теории сложных систем. Её специфика заключается в разработке методологической модели, способной соединить натуралистическое объяснение с феноменологическим пониманием, эмпирический анализ с нормативной рефлексией. Биофилософия рассматривает жизнь как многоуровневую, исторически становящуюся и ценностно нагруженную реальность, требующую междисциплинарного и диалектического подхода.

Особую актуальность приобретает вопрос о том, каким образом искусственный интеллект трансформирует эпистемологию жизни. Алгоритмы не только обрабатывают биологические данные, но и участвуют в формировании языка их описания, критериев значимости и моделей прогнозирования. Следовательно, биофилософия должна включать анализ алгоритмического посредничества, выявляя границы вычислимости живого и определяя пределы допустимого вмешательства в биологические процессы.

Цель настоящей статьи — раскрыть биофилософию как научно-философскую дисциплину, обосновать её методологические основания и показать, каким образом вызовы искусственного интеллекта требуют уточнения её онтологических и этических принципов. Методологическую основу исследования составляют диалектический анализ, историко-генетический подход, принцип системности и эмерджентности, а также критическая интерпретация алгоритмических моделей в контексте современной философии науки.

II. Онтологические основания биофилософии

Биофилософия как направление философского знания возникает не просто как комментарий к биологии, но как результат глубокого онтологического кризиса классической научной парадигмы. Механистическая модель, унаследованная от Нового времени, исходила из предположения, что все сложные явления могут быть сведены к взаимодействию элементарных компонентов. В отношении живого это означало интерпретацию организма как сложного механизма, а жизненных процессов — как совокупности физико-химических реакций. Долгое время такая установка обеспечивала научный прогресс, однако по мере накопления эмпирических данных обнаружилось, что редукционизм не способен объяснить системную целостность, историческую изменчивость и эмерджентные свойства живых структур.

Редукционистская логика предполагает, что понимание

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

частей автоматически ведёт к пониманию целого. Однако живые системы демонстрируют качественную специфику, не выводимую из анализа их компонентов. Организм не является простой суммой клеток; он функционирует как координированная динамическая целостность. Метаболизм, регуляция, адаптация и поведенческие реакции образуют сеть взаимосвязей, в которой причинность носит нелинейный характер. В этом контексте редукционизм оказывается методологически недостаточным, поскольку он фиксирует структуру, но не объясняет организацию.

Особенно отчётливо ограниченность редукционизма проявляется в условиях алгоритмизации научного знания. Современные биологические исследования опираются на анализ больших данных, машинное обучение и предиктивные модели. Геном рассматривается как код, клеточная активность — как информационный поток, организм — как система обработки сигналов. Подобная интерпретация усиливает тенденцию к вычислительному редукционизму, в котором жизнь мыслится как совокупность параметров, поддающихся оптимизации. Однако, как показано в монографии «Адам и Искусственный интеллект», алгоритмическая рациональность обладает высокой аналитической мощностью, но она оперирует корреляциями, а не сущностными основаниями; она моделирует поведение, но не охватывает внутреннюю направленность и ценностную структуру бытия [2, с. 87–94]. Следовательно, сведение живого к массиву данных означает переход от онтологического понимания к статистическому описанию, что требует философской коррекции.

Альтернативой редукционистской модели становится системное и процессуальное понимание жизни. Системность предполагает, что живое существует как открытая динамическая целостность, находящаяся в постоянном обмене с окружающей средой. Такой подход выводит на первый план не элементы как таковые, а их организацию и взаимосвязь. В живых системах устойчивость достигается не через статичность, а через

непрерывное движение и обмен. Это означает, что порядок формируется в условиях неравновесия и нестабильности.

Теория самоорганизации и синергетика продемонстрировали, что сложные структуры могут возникать из взаимодействия элементов без внешнего директивного центра. В работах по теории неравновесных систем показано, что динамический порядок возникает из флуктуаций и нелинейных процессов, а устойчивость является результатом внутренней координации, а не жёсткой детерминации [8, с. 45–63]. Жизнь, таким образом, не есть исключение из физических законов, но представляет особый режим их реализации. Она существует на границе хаоса и порядка, поддерживая структурную целостность через постоянную переработку энергии и информации.

Эмерджентность выступает центральной категорией биофилософии. Она обозначает возникновение новых качеств, не редуцируемых к сумме свойств составляющих элементов. На молекулярном уровне формируются биохимические процессы; на клеточном — регуляторные механизмы; на уровне организма — поведение и когнитивные функции; на уровне экосистем — сложные экологические взаимосвязи. Каждый из этих уровней обладает относительной автономией. Эмерджентность свидетельствует о том, что жизнь не сводится к своей материальной основе, хотя и не отрывается от неё. Это не дуализм, а признание структурной многослойности бытия.

Не менее значимым онтологическим принципом является историчность жизни. Живое не существует вне времени; оно является процессом становления. Эволюционная динамика показывает, что формы жизни возникают, трансформируются и исчезают. Историчность проявляется не только в филогенезе, но и в онтогенезе, а также в культурной и технологической эволюции человека. Жизнь не фиксирована в завершённой форме; она характеризуется открытостью будущему. Эта открытость делает невозможным её полное предсказание и окончательное описание.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Процессуальность жизни означает отказ от субстанционалистской онтологии. Если субстанция предполагает неизменное основание, то процессуальный подход фиксирует изменчивость как сущностную характеристику. Жизнь предстает как динамическая конфигурация отношений, как непрерывное становление. В этом контексте любая попытка статического описания — включая алгоритмическое моделирование — фиксирует лишь временной срез более сложной динамики. Алгоритм способен анализировать данные, но он не охватывает историческую глубину и контекстуальную уникальность каждого жизненного события.

В эпоху искусственного интеллекта онтологический вопрос о жизни приобретает новое измерение. Алгоритмы становятся посредниками научного познания, формируя критерии релевантности и способы интерпретации. Однако цифровое описание стремится к формализации, тогда как жизнь включает в себя не только структурную организацию, но и уязвимость, переживание, способность к страданию и ответственность. Эти характеристики не поддаются полной алгоритмизации, поскольку они связаны с внутренней направленностью бытия.

Таким образом, онтологические основания биофилософии строятся на трёх взаимосвязанных принципах: критике редукционизма, признании системной и эмерджентной природы живого, а также утверждении его исторической и процессуальной динамики. Биофилософия не отрицает научные методы анализа и алгоритмические технологии, но помещает их в более широкую рамку онтологической чувствительности. Она различает описание и сущность, корреляцию и смысл, вычисление и бытие. Именно в этом различии проявляется её научная и философская автономия в условиях цифровой эпохи.

III. Методологическая модель биофилософии

Биофилософия как теоретическое направление не может ограничиваться описанием онтологических характеристик жизни; она требует выработки методологической модели,

способной удерживать сложность живого в условиях технонаучной трансформации. Методология в данном случае — это не совокупность процедур, а система принципов, определяющих способ постановки вопросов и границы интерпретации. В цифровую эпоху, когда алгоритмы становятся посредниками научного познания, проблема методологической адекватности приобретает фундаментальный характер.

Первым структурным элементом методологической модели выступает диалектический принцип. История биологических и философских концепций демонстрирует устойчивое напряжение между противоположными теоретическими позициями: редукционизм и холизм, механизм и органицизм, детерминизм и открытость, вычислимость и уникальность. Эти оппозиции отражают не случайные разногласия, а саму многомерность жизни. Диалектический подход позволяет рассматривать данные противоречия как продуктивные, а не разрушительные. Он предполагает удержание противоположностей в единстве более высокого уровня, где каждая из позиций раскрывается как частичная перспектива.

Так, редукционизм сохраняет аналитическую строгость и эмпирическую проверяемость; холизм фиксирует целостность и структурную взаимосвязь. Алгоритмическая модель демонстрирует мощь обработки данных; феноменологическая перспектива указывает на непереваемость субъективного опыта в формализованные структуры. Методологическая задача биофилософии состоит в том, чтобы интегрировать данные перспективы, не абсолютизируя ни одну из них. Это означает отказ от догматической замкнутости теории и признание открытого характера научного знания.

Интердисциплинарный синтез является вторым принципиальным элементом методологической модели. Современное понимание жизни формируется на пересечении биологии, нейронауки, экологии, когнитивистики, философии науки и технологий искусственного интеллекта. Однако простое

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

сосуществование дисциплин не гарантирует целостного понимания. Требуется концептуальная координация, способная соединить различные уровни анализа. В этом отношении важен пересмотр традиционного разграничения природы и общества, фактов и ценностей, субъекта и объекта. Современные философские исследования науки показывают, что научные описания не являются нейтральными, а включены в сеть практик и отношений, формирующих саму реальность [5, с. 118–130].

Для биофилософии это означает признание того, что знание о жизни не существует вне социального и технологического контекста. Алгоритмические системы обработки биологических данных не просто фиксируют факты; они участвуют в структурировании поля возможного. Следовательно, методология должна учитывать не только внутреннюю логику биологических процессов, но и медиативную роль технологий, через которые эти процессы становятся доступными для анализа. Интердисциплинарность здесь выступает как принцип рефлексивной интеграции, а не как механическое объединение областей знания.

Третьим компонентом методологической модели является феноменологическое измерение. Жизнь обладает внутренней стороной — переживаемостью. Человеческое существование характеризуется воплощённостью: мышление и восприятие укоренены в телесности. Любая когнитивная деятельность осуществляется не в абстрактном пространстве вычислений, а в конкретном жизненном мире. Феноменологическая перспектива напоминает, что субъект не сводится к носителю функций; он является центром переживания и ответственности.

Алгоритмические модели могут воспроизводить определённые когнитивные операции, но они не переживают. Они анализируют поведенческие паттерны, но не обладают внутренней интенциональностью. Биофилософия, включая феноменологический компонент, удерживает различие между описанием и проживанием, между функциональностью и бытием. Это различие особенно значимо в эпоху искусственного

интеллекта, когда границы между человеком и машиной нередко стираются на уровне функциональных характеристик.

Четвёртым элементом методологической структуры выступает нормативно-этический компонент. Исследование жизни и технологическое вмешательство в неё неизбежно затрагивают ценностные основания культуры. Биотехнологии, генетическое редактирование, алгоритмическое прогнозирование поведения — все эти практики формируют новую конфигурацию ответственности. Современная биоэтическая рефлексия указывает на трансформацию образа человека и необходимость пересмотра традиционных антропологических оснований [10, с. 7–15].

Принцип ответственности в биофилософии приобретает онтологическое измерение. Речь идёт не только о соблюдении нормативных регламентов, но о признании внутренней ценности живого. Жизнь не может рассматриваться исключительно как ресурс или объект манипуляции. Методологическая модель должна включать критерии оценки, позволяющие различать допустимое и разрушительное вмешательство. В условиях алгоритмической рациональности это означает необходимость критической рефлексии над тем, каким образом вычислительные модели влияют на принятие решений и перераспределение ответственности.

В совокупности данные элементы образуют интегративную методологическую конструкцию. Диалектический принцип обеспечивает гибкость и способность к самообновлению теории. Интердисциплинарный синтез расширяет горизонты анализа и предотвращает дисциплинарную замкнутость. Феноменологическое измерение сохраняет антропологическую глубину. Нормативно-этический компонент задаёт ценностные ориентиры.

Биофилософия тем самым выступает как пространство критического равновесия: она принимает достижения технауки, но не растворяется в них; она признаёт алгоритмическую эффективность, но не отождествляет её с

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

онтологической полнотой. В цифровую эпоху такая методологическая модель позволяет удерживать различие между вычислением и смыслом, между прогнозом и ответственным выбором. Именно в этом различии раскрывается философская функция биофилософии как дисциплины, способной мыслить жизнь в её целостности и уязвимости.

IV. Искусственный интеллект как методологический вызов

Развитие искусственного интеллекта не является лишь технологическим событием; оно представляет собой глубокий методологический вызов для биофилософии. Если ранее философия жизни сталкивалась преимущественно с проблемой редукционизма в рамках классической науки, то сегодня она вынуждена учитывать трансформацию самого способа производства знания. Искусственный интеллект выступает эпистемическим посредником: он не только обрабатывает данные, но и формирует структуру их интерпретации, изменяя язык описания живого.

Современная биология всё в большей степени опирается на алгоритмическую обработку больших массивов данных. Геномные исследования, анализ нейронных сетей, моделирование белковых структур и экосистемных взаимодействий осуществляются через вычислительные платформы. Алгоритмизация биологических данных ведёт к тому, что жизнь начинает описываться в терминах информации, кодирования и обработки сигналов. В результате меняется сам понятийный аппарат: организм всё чаще рассматривается как система управления потоками данных, а эволюция — как оптимизация информационных стратегий.

Эта трансформация не нейтральна. Как отмечается в философских исследованиях цифровой эпохи, информационная среда формирует новый образ реальности, в котором границы между природным и искусственным, биологическим и технологическим становятся подвижными [11, р. 94–110]. Искусственный интеллект тем самым выступает не просто инструментом анализа, а структурным фактором эпистемологии.

Он влияет на то, какие вопросы считаются релевантными, какие параметры — значимыми, какие процессы — поддающимися измерению.

Биофилософия сталкивается с необходимостью осмыслить эту медиативную роль алгоритма. Если алгоритм становится фильтром, через который проходит знание о жизни, то возникает вопрос: в какой мере описание остаётся адекватным самому предмету? Вычислительная модель неизбежно упрощает, формализует и стандартизирует. Она требует чётких параметров, дискретных значений и статистически значимых корреляций. Однако жизнь включает в себя контекстуальность, историчность и качественную уникальность, которые трудно поддаются полной формализации.

Отсюда возникает проблема вычислительного редукционизма. Если классический редукционизм стремился свести жизнь к физико-химическим процессам, то современный вычислительный редукционизм склонен интерпретировать её как информационную систему. Жизнь представляется как поток данных, организм — как код, сознание — как вычислительный процесс. Подобная интерпретация обладает высокой эвристической продуктивностью, но она несёт риск подмены онтологии моделью.

В монографии «Адам и Искусственный интеллект» подчёркивается, что алгоритмическая рациональность функционирует в режиме корреляционного анализа: она выявляет статистические закономерности, но не раскрывает внутренней направленности бытия [2, с. 115–130]. Алгоритм способен предсказывать вероятности, однако он не схватывает смысловую глубину человеческого существования. Перенос корреляционного подхода на биофилософию означает опасность утраты различия между вычислением и пониманием.

Предел алгоритма проявляется прежде всего в историчности и контекстуальности жизни. Любая биологическая система существует в конкретной среде, в уникальной конфигурации обстоятельств. Алгоритмическая модель может

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

учитывать множество переменных, но она всегда остаётся абстракцией от живой конкретности. Исторический процесс не является линейной последовательностью предсказуемых состояний; он включает в себя контингентность, случайность и необратимость.

Вторым аспектом предела алгоритма является воплощённость и уязвимость. Жизнь — это не только структурная организация, но и способность страдать, испытывать боль, переживать утрату. Эти измерения не сводимы к количественным показателям. Алгоритм может фиксировать физиологические параметры, но он не переживает боль; он анализирует данные, но не несёт внутреннего опыта. Биофилософия, сохраняя феноменологическую перспективу, указывает на различие между функциональным моделированием и экзистенциальной реальностью.

Особое значение имеет невозможность полной алгоритмизации ответственности. Алгоритмические системы всё чаще используются в медицине, диагностике и прогнозировании заболеваний. Они способны выявлять закономерности, недоступные человеческому восприятию, и тем самым повышать эффективность лечения. Однако решение, принимаемое на основе алгоритмической рекомендации, остаётся человеческим актом. Вопрос о жизни и смерти не может быть передан машине в качестве автономного субъекта.

Проблема распределения ответственности становится центральной в биоэтическом дискурсе эпохи ИИ. Если алгоритм участвует в принятии решения, то кто несёт ответственность за его последствия — разработчик, врач, пользователь? Алгоритмическая рациональность склонна к обезличиванию процесса: решение представляется как результат вычисления, а не как акт субъекта. Биофилософия должна критически осмыслить эту тенденцию и сохранить различие между технической процедурой и нравственным выбором.

В медицинской практике алгоритмы уже используются для диагностики, прогнозирования рисков и распределения

ресурсов. Они повышают точность анализа, но одновременно формируют новые зависимости. Опасность заключается не в самом применении технологий, а в их абсолютизации. Если алгоритмическое решение воспринимается как окончательное и объективное, то человеческий фактор оказывается маргинализированным.

Биофилософия в эпоху ИИ должна удерживать двойную перспективу: признание технологической эффективности и критическое осмысление её границ. Искусственный интеллект расширяет когнитивные возможности, но он не заменяет субъектность. Он усиливает аналитическую мощь, но не порождает ценность. В этом различии заключается методологическая зрелость биофилософии.

Таким образом, искусственный интеллект выступает методологическим вызовом, поскольку он трансформирует саму структуру знания о жизни. Он меняет язык описания, усиливает вычислительный редукционизм и ставит вопрос о пределах алгоритма. Биофилософия отвечает на этот вызов, различая корреляцию и смысл, эффективность и ответственность, модель и бытие. В эпоху цифровой рациональности её задача состоит не в отрицании технологий, а в философском удержании полноты жизни как исторической, воплощённой и ценностной реальности.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что биофилософия в современном научном контексте выступает не как вспомогательный комментарий к биологическим теориям, а как самостоятельная интегративная научно-философская дисциплина. Её специфика заключается в способности соединять онтологическое, эпистемологическое и нормативно-этическое измерения в единой концептуальной рамке. Биофилософия формируется на пересечении философии науки, биологии, когнитивистики, экологии и биоэтики, но при этом не растворяется в них. Она выполняет рефлексивную функцию, выявляя предпосылки научных моделей, границы их

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

применимости и ценностные основания технологического вмешательства в живое.

Онтологический анализ показал, что жизнь не может быть исчерпана ни физикалистским, ни вычислительным редукционизмом. Системность, эмерджентность, историчность и процессуальность являются фундаментальными характеристиками живого. Эти свойства требуют методологического подхода, способного удерживать сложность и многослойность биологических процессов. В этом отношении биофилософия демонстрирует собственную методологическую автономию. Она не отрицает эмпирические методы науки и алгоритмические технологии анализа, но помещает их в более широкую онтологическую и ценностную перспективу.

Методологическая автономия биофилософии проявляется в её способности критически осмыслять как натуралистические, так и технонаучные модели. Она различает инструмент и сущность, описание и бытие, корреляцию и смысл. Это различие приобретает особую значимость в эпоху искусственного интеллекта, когда алгоритмы становятся посредниками научного познания и начинают влиять на сам язык описания жизни. Биофилософия выступает пространством критического равновесия: она принимает достижения цифровых технологий, но не абсолютизирует их; она признаёт эвристическую мощь алгоритмического анализа, но не отождествляет его с полной пониманием.

Необходимость биофилософии в условиях развития искусственного интеллекта определяется тем, что технонаучная трансформация затрагивает фундаментальные основания представлений о жизни и человеке. Алгоритмизация биологических данных, автоматизация диагностических решений, цифровое моделирование когнитивных процессов — всё это требует философского осмысления пределов вычислимости живого и границ допустимого вмешательства. Вопрос о распределении ответственности, о ценности жизни, о статусе субъекта в условиях алгоритмического посредничества

не может быть решён исключительно средствами технической рациональности.

Биофилософия тем самым становится дисциплиной, обеспечивающей теоретическую и нормативную устойчивость научного знания. Она сохраняет различие между эффективностью и ответственностью, между предсказанием и нравственным выбором. В условиях, когда алгоритмические системы всё чаще претендуют на автономность, биофилософия напоминает о том, что решение остаётся человеческим актом, а жизнь — ценностной реальностью.

Перспективы дальнейших исследований связаны с несколькими направлениями. Во-первых, требуется углублённый анализ трансформации языка биологии под влиянием информационных и вычислительных моделей. Во-вторых, необходимо разработать концепцию «предела алгоритма» как философской категории, фиксирующей границы алгоритмической рациональности в отношении живого. В-третьих, актуальным остаётся исследование феноменологического измерения жизни в контексте искусственного интеллекта, включая проблему воплощённости и субъективного опыта. Наконец, дальнейшее развитие биофилософии предполагает уточнение нормативных оснований биоэтики в эпоху цифровых технологий и формирование принципов ответственного взаимодействия человека и алгоритмических систем.

Таким образом, биофилософия предстает как дисциплина, способная удерживать целостность понимания жизни в условиях технологической трансформации. Её задача заключается не в противостоянии искусственному интеллекту, а в философском сопровождении его развития, в выявлении границ и возможностей, в сохранении ценностного измерения бытия. В этом заключается её научная значимость и методологическая актуальность для современного философского дискурса.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. О душе / пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1976. — 392 с.
2. Бекбоев А. А. Адам и Искусственный интеллект (в двух разделах). — Алматы: Дарын, 2024. — 350 с. — ISBN 978-9967-9361-6-4.
3. Бекбоев А. А. Искусственный интеллект как метафизика: философский подход // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — № 7-1 (106). — С. 45–52.
4. Келлер Э. Ф. Чувство жизни: объясняя биологию. — М.: Логос, 2002. — 336 с.
5. Латур Б. Политика природы: как ввести науки в демократию. — СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013. — 384 с.
6. Марков А. В. Рождение сложности: эволюционная биология сегодня. — М.: Corpus, 2010. — 528 с.
7. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации: путь разума. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 320 с.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. — М.: Прогресс, 1986. — 432 с.
9. Хоружий С. С. Антропологический поворот и проблемы биоэтики // Вопросы философии. — 2018. — № 6. — С. 15–27.
10. Юдин Б. Г. Биоэтика и трансформация образа человека // Человек. — 2019. — № 4. — С. 5–18.
11. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 256 p.
12. Kauffman S. At Home in the Universe: The Search for Laws of Self-Organization and Complexity. — Oxford: Oxford University Press, 1995. — 321 p.

Приложение 3.

Философская эссеистика

Эссеи: Законы психологии и их алгоритмы (миниметодичка для самопонимания)

Пролог

Психология — это не просто наука о человеческом поведении, это ключ к пониманию самого себя и окружающего мира. Каждый человек сталкивается с множеством ситуаций, где осознание собственных эмоций, восприятия и реакций может существенно повлиять на его жизнь. Закон причинно-следственной связи, восприятие, эмоции, обучение, развитие и влияние социальной среды — все эти аспекты составляют основу того, что помогает нам быть более уверенными, спокойными и успешными в своих действиях и взаимодействиях с окружающими. Эта миниметодичка предназначена для тех, кто хочет глубже понять свои внутренние процессы и научиться управлять ими, используя простые, но мощные психологические принципы.

В мире психологии существует множество законов и алгоритмов, которые помогают понять механизмы нашего поведения и реакции на происходящее. Изучая эти законы, мы не только приобретаем знания о том, как функционирует человеческая психика, но и учимся применять их для улучшения качества своей жизни. Эти знания являются инструментами самопознания, которые позволяют анализировать причины своих поступков, эмоций и взаимодействий с другими. Важнейшая цель — научиться управлять собой и своим восприятием, чтобы прийти к гармонии с окружающим миром и самим собой.

Каждый из представленных законов психологии может быть применен в конкретной ситуации, а алгоритм их использования даст четкую инструкцию для работы с личными проблемами и эмоциональными состояниями. Эта методика поможет вам стать более осознанным и устойчивым, научиться гибко адаптироваться к изменениям и эффективно

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

взаимодействовать с окружающими.

Законы психологии описывают основные принципы, которые объясняют, как мы воспринимаем мир, как учимся, развиваемся, и как влияем друг на друга в социальных контекстах.

Закон причинно-следственной связи

Этот закон напоминает нам, что все события имеют свои причины. Человеческое поведение и мысли не происходят случайно, а являются результатом воздействия внутренних и внешних факторов. Это знание важно для нахождения причин поведения и создания решений для изменения или улучшения ситуации.

1. Закон восприятия

Мы воспринимаем мир через призму личного опыта, убеждений и предвзятых оценок. Этот закон говорит о том, что каждый человек уникален в своем восприятии реальности, что важно учитывать при общении и взаимодействии с другими людьми. Применение этого закона помогает нам быть более эмпатичными и открытыми к различным точкам зрения.

2. Закон нормальности

Этот закон определяет поведение, которое воспринимается как "нормальное", и помогает различать отклонения от социальных и психологических стандартов. Он является ключевым для оценки того, что требует коррекции или вмешательства, и когда поведение человека соответствует или отклоняется от нормы.

3. Закон обучения

Мы можем менять свое поведение и развивать навыки благодаря обучению и опыту. Этот закон подчеркивает важность постоянного саморазвития, обучения и тренировки для улучшения личных и профессиональных качеств. Алгоритм применения этого закона заключается в создании систематической практики для изменения привычек и формирования новых способностей.

4. Закон эмоций

Эмоции влияют на наше восприятие и принятие решений. Этот закон помогает понять, как эмоции могут как мотивировать, так и исказить восприятие реальности. Управление эмоциями и осознание их влияния на поведение позволяет нам быть более самоконтролируемыми и эффективными в взаимодействиях.

5. Закон развития

Психологическое и физическое развитие происходит в течение всей жизни. Мы меняемся на разных этапах жизни, и важно понимать эти изменения, чтобы адаптироваться к новым обстоятельствам. Применение этого закона помогает в жизни принимать возрастные и личностные трансформации, а также находить пути для дальнейшего роста.

6. Закон влияния социальной среды

Наша личность и поведение сильно формируются под воздействием социальной среды, группы и культурных факторов. Это знание помогает нам осознавать влияние окружения на наши мысли, решения и поведение, а также использовать это влияние для позитивных изменений и эффективных коммуникаций.

Эти законы вместе дают глубокое понимание человеческой психологии и помогают применять это знание для улучшения качества жизни, отношений и личностного роста.

Алгоритмы...

Алгоритм применения этих законов психологии — это шаги, направленные на то, чтобы помочь человеку лучше понять себя, свои действия и взаимодействие с окружающим миром, а также использовать полученные знания для личностного роста и оптимизации поведения. Давайте подробно разберем каждый шаг для каждого из законов.

Закон причинно-следственной связи

Этот закон помогает выявить, что каждое событие имеет

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

свою причину, и что поведение и ситуации можно изменить, поняв, что именно их вызывает.

- **Шаг 1:** Идентифицируйте проблему или желаемый результат. Этот шаг требует четкого понимания того, что нужно изменить или достичь. Четко сформулированная цель — первый шаг к ее решению.

- **Шаг 2:** Анализируйте возможные причины, которые могут влиять на данную ситуацию. Исследуйте все факторы, которые могут влиять на проблему. Это поможет увидеть не только очевидные, но и скрытые причины.

- **Шаг 3:** Соберите информацию и данные, чтобы выявить связи и взаимосвязи между факторами. Анализируя факты, вы сможете выявить причинно-следственные цепочки, которые лежат в основе проблемы.

- **Шаг 4:** Определите наиболее вероятную или влиятельную причину и разработайте стратегию для ее устранения или улучшения. После того как вы поняли, что именно влияет на ситуацию, необходимо разработать меры для изменения этого фактора.

- **Шаг 5:** Приступайте к коррекции. Примените выбранные стратегии на практике и наблюдайте за результатами, что позволит в дальнейшем корректировать подход.

Закон восприятия

Закон восприятия напоминает нам о том, что все люди воспринимают мир по-разному, в зависимости от своих личных фильтров, опыта и убеждений.

- **Шаг 1:** Осознайте, что все люди имеют свое собственное восприятие и фильтры. Понимание этого поможет снизить недопонимание и конфликты, связанные с различиями в восприятии.

- **Шаг 2:** Постарайтесь понять и принять точку зрения других людей, даже если она отличается от

вашей. Это помогает расширить свое восприятие и способствует лучшему взаимодействию с окружающими.

• **Шаг 3:** Обратите внимание на свои собственные предубеждения и стереотипы, чтобы не исказить восприятие других людей или ситуаций. Самоосознание и самокритика важны для объективности.

• **Шаг 4:** Улучшайте коммуникацию, задавая уточняющие вопросы и активно слушая собеседника. Это помогает избежать недоразумений и способствует взаимопониманию.

Закон нормальности

Знание норм и стандартов в поведении позволяет ориентироваться в том, что считается нормой, а что выходит за пределы.

• **Шаг 1:** Изучите и понимайте общепринятые нормы и стандарты в социуме, в котором вы находитесь. Это поможет ориентироваться в социальных и культурных контекстах.

• **Шаг 2:** Сравните свое поведение или состояние с этими нормами, чтобы определить, есть ли необходимость в изменениях. Анализ помогает выявить несоответствия и принять меры.

• **Шаг 3:** Если вы считаете, что ваше поведение или состояние требует внимания или помощи, обратитесь к профессионалам или поддерживающим ресурсам. Это поможет справиться с отклонениями и улучшить свою жизнь.

Закон обучения

Закон обучения подчеркивает, что любой навык или поведение можно изменить через опыт и практику.

• **Шаг 1:** Установите конкретные цели или навыки, которые вы хотите развить или изменить. Четко сформулированные цели помогают сосредоточиться на нужном.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

- **Шаг 2:** Исследуйте доступные методы обучения, такие как чтение, онлайн-курсы, тренировки или практическое применение знаний. Это позволяет найти оптимальные способы для достижения цели.

- **Шаг 3:** Разработайте план обучения, который включает поэтапные действия и регулярную практику. Создайте структуру для своей работы, чтобы учение не было хаотичным, а вело к результатам.

- **Шаг 4:** Оценивайте свой прогресс и вносите корректировки в свои методы обучения при необходимости. Регулярная самооценка позволяет корректировать процесс обучения для достижения максимальной эффективности.

Закон эмоций

Эмоции играют ключевую роль в принятии решений и взаимодействии с окружающим миром.

- **Шаг 1:** Познajte и понимайте свои эмоции, обращая внимание на свои мысли, физические ощущения и поведение. Самоосознание помогает контролировать эмоциональные реакции.

- **Шаг 2:** Развивайте навыки эмоциональной регуляции, такие как дыхательные упражнения, медитация или практика осознанности. Это помогает справляться с эмоциями, не позволяя им управлять вами.

- **Шаг 3:** Практикуйте эмоциональную интеллектальность, учитывая эмоции других людей и налаживая эмоциональную связь с ними. Это позволяет строить более здоровые и гармоничные отношения с окружающими.

Закон развития

Развитие — это процесс, который продолжается на протяжении всей жизни, и важно понимать, как двигаться вперед в личном и профессиональном росте.

- **Шаг 1:** Осознайте, что развитие является непрерывным процессом на протяжении всей жизни.

Понимание этого помогает строить долгосрочные цели и не останавливаться на достигнутом.

- **Шаг 2:** Установите цели развития для себя, определив области, в которых вы хотите расти и развиваться. Это помогает выделить приоритеты в вашем росте.

- **Шаг 3:** Создайте план действий, который включает специфические шаги, необходимые для достижения своих целей развития. План помогает двигаться уверенно и системно.

- **Шаг 4:** Оценивайте свой прогресс и вносите корректировки в свои планы, чтобы они соответствовали вашим изменяющимся потребностям и целям. Это важно для адаптации к жизненным изменениям и обстоятельствам.

Закон влияния социальной среды

Социальная среда оказывает большое влияние на наше поведение и восприятие мира.

- **Шаг 1:** Осознайте влияние, которое социальная среда оказывает на вас. Понимание этого помогает принимать более осознанные решения.

- **Шаг 2:** Оцените свое окружение и определите, какие аспекты поддерживают ваш рост и благополучие, а какие могут быть негативными или токсичными. Это позволяет избавиться от вредных факторов и сосредоточиться на позитивных.

- **Шаг 3:** Принимайте активное участие в формировании своей социальной среды, выбирая позитивные и поддерживающие отношения и группы. Это помогает создавать здоровую и вдохновляющую атмосферу.

- **Шаг 4:** Стремитесь к развитию своих навыков влияния, чтобы внести позитивные изменения в свою среду и влиять на других в конструктивном и вдохновляющем направлении. Развивая навыки

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

общения, вы можете влиять на окружающих и на мир вокруг.

Каждый из этих шагов требует системного подхода и самоосознания, чтобы быть эффективно применимыми в реальной жизни. С их помощью можно не только понять себя и свои реакции, но и влиять на окружающую среду и улучшать качество своей жизни.

Синтез упомянутых выше концептов...

Синтезируя различные законы и алгоритмы, можно выделить общую структуру, которая позволяет не только понять причины и последствия своих действий, но и эффективно адаптироваться и развиваться в зависимости от внешних и внутренних факторов. Рассмотрим, как можно объединить различные подходы в единую систему для максимальной эффективности.

1. Осознание и диагностика

Этот этап включает в себя диагностику ситуации, осознание своих эмоций и восприятия, а также идентификацию проблемы.

- **Закон восприятия:** Осознание того, что каждый человек воспринимает мир через свои индивидуальные фильтры, помогает нам понять, как наши собственные предвзятости и убеждения влияют на восприятие ситуации и поведение.

- **Закон причинно-следственной связи:** Понимание того, что каждое событие или ситуация имеет свои причины, позволяет нам диагностировать, что именно привело к возникшей проблеме.

- **Закон нормальности:** Сравнивая свое поведение с социальными нормами, мы можем понять, является ли наша реакция адекватной или требует изменений.

2. Анализ и саморазвитие

После диагностики следует этап самоанализа, на котором мы исследуем свои собственные реакции, а также оцениваем

свои цели и потребности.

• **Закон эмоций:** Познание своих эмоций и развитие эмоциональной регуляции позволяет нам контролировать свои реакции, не позволяя эмоциям диктовать наше поведение.

• **Закон обучения:** Постоянное обучение и развитие навыков критически важны для того, чтобы эффективно справляться с вызовами, будь то в личной жизни или профессиональной сфере. Этап обучения помогает нам накапливать знания, необходимые для изменения ситуаций.

• **Закон развития:** Развитие в долгосрочной перспективе требует создания целей и стратегии для их достижения, что позволит нам двигаться вперед и адаптироваться к изменяющимся условиям.

3. Влияние и коммуникация

На этом этапе важно учитывать влияние окружающей среды и социальных взаимодействий, а также формировать стратегии для улучшения коммуникации и воздействия на окружающих.

• **Закон влияния социальной среды:** Понимание того, как социальная среда влияет на наше поведение, помогает нам управлять своим окружением, выбирая поддерживающие и позитивные взаимодействия. Стратегия формирования здоровой социальной среды способствует нашему развитию и благополучию.

• **Закон восприятия:** Улучшение коммуникации и активное слушание позволяют нам понимать и принимать точку зрения других людей, минимизируя конфликты и создавая более здоровые отношения.

• **Закон нормальности:** Влияние на социальную среду через участие в социуме и оценку норм помогает нам адаптироваться к новым условиям, что повышает нашу эффективность в социокультурных взаимодействиях.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

4. Коррекция и действия

Этап действия заключается в применении стратегий и корректировке поведения в соответствии с полученной информацией и осознанием.

• **Закон причинно-следственной связи:**

Применение коррекционных действий в соответствии с выявленными причинами и результатами анализа ситуации. Мы можем устранять или улучшать проблемы, используя знание причинно-следственных связей.

• **Закон обучения:** Реализация полученных знаний и навыков на практике через регулярные тренировки и оценки прогресса. Это позволяет нам не только применить решения, но и адаптировать их для достижения лучших результатов.

• **Закон эмоций:** Регулирование своих эмоций и практикование эмоциональной интеллектуальности помогает улучшить взаимодействие с другими, контролировать свою реакцию в сложных ситуациях и стабилизировать внутреннее состояние.

5. Рефлексия и корректировка

На этом этапе мы оцениваем результаты своих действий и вносим корректировки для дальнейшего роста.

• **Закон развития:** Рефлексия помогает нам оценить, достигнуты ли поставленные цели, а также корректировать их в зависимости от изменений в жизни и новых условий.

• **Закон влияния социальной среды:** Оценка того, как социальное окружение влияет на наш успех, и корректировка этого окружения для улучшения благоприятных условий.

• **Закон восприятия:** После внедрения изменений важно обратить внимание на то, как они воспринимаются другими людьми и нами самими, и, при необходимости, скорректировать восприятие.

Заключение

Таким образом, синтезируя эти законы и алгоритмы, можно создать мощную систему личностного роста и эффективной адаптации к внешним и внутренним изменениям. Важнейшими аспектами являются:

1. **Осознание своих эмоций, восприятия и социальных фильтров** — это помогает нам объективно анализировать ситуацию.

2. **Постоянное развитие и обучение** — необходимо для улучшения своих навыков и достижения целей.

3. **Активное влияние на социальную среду и улучшение коммуникации** — помогает строить гармоничные отношения и создавать поддерживающую атмосферу.

4. **Регулярная рефлексия и корректировка действий** — важны для достижения долгосрочного прогресса.

Каждый из этих этапов взаимосвязан и способствует созданию гибкой, адаптивной системы, которая позволяет эффективно справляться с жизненными вызовами и достигать высоких результатов в разных сферах.

Эпилог

Психология — это не только наука о поведении, но и искусство управления собой в различных ситуациях. Применяя законы психологии в своей жизни, вы будете не просто понимать причины своих эмоций и поступков, но и выстраивать эффективные стратегии взаимодействия с миром. Осознанность, обучение и развитие — ключи к личностному росту. Эта миниметодичка предлагает вам практический инструмент для самопонимания и улучшения качества жизни. Помните, что каждый шаг на пути к себе — это шаг к более счастливому и гармоничному существованию.

УГРОЗА ИЗНУТРИ. ЧЕЛОВЕК НА ГРАНИ САМОСТИ

«Мы боимся машин, но настоящая катастрофа начинается тогда, когда человек устаёт быть человеком.»

Пролог

Угроза, которую не замечают

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Современный мир ослеплён видимым.

Мы быстро учимся бояться того, что бросается в глаза:
роботов с человеческими лицами,
говорящих машин,
цифровых двойников,
алгоритмов, способных управлять нашим выбором.

Но всё это лишь внешние проявления.

Лишь поверхность.

Лишь отголосок гораздо более глубокого процесса,
происходящего не вокруг человека, а внутри него самого.

Настоящая угроза не шумит.

Она не приходит с грохотом войн.

Не разрушает города.

Не уничтожает биологическое тело человека.

Она действует иначе.

Тихо.

Незаметно.

Постепенно становясь нормой.

Привычкой жить без внутреннего усилия,
без памяти,
без различения,
без способности удивляться и переживать.

Именно здесь начинается подлинная опасность.

Когда человек перестаёт различать подлинное и ложное,
живое и искусственное,
смысл и его имитацию, —
он постепенно утрачивает самого себя.

Технологии сами по себе не сделали нас своими жертвами.

Но всё чаще мы начинаем уподобляться им.

Мы перенимаем их логику,
их скорость,
их безразличную эффективность.

Мы уже не только пользуемся технологиями.

Мы начинаем мыслить,
говорить,

чувствовать по их образцу.

Устав от неопределённости,
мы выбираем предсказуемость.

Устав от боли,
мы выбираем эмоциональную нейтральность.

Устав от ответственности,
мы доверяем выбор алгоритмам.

Но именно в способности сомневаться,
ошибаться,

страдать,

любить,

сопереживать и нести ответственность
всегда раскрывалась человеческая сущность.

Человек становится человеком не благодаря
совершенству.

Человек становится человеком благодаря своей
внутренней глубине.

И потому главная опасность XXI века заключается не в
том, что машины станут слишком похожими на людей.

Гораздо опаснее другое:

что люди постепенно станут слишком похожими на
машины.

Эта книга не о технологиях.

Она о человеке.

О человеке, который незаметно теряет самого себя.

О человеке, оказавшемся на грани собственной самости.

РАЗДЕЛ I

Исчезновение различия: человек и функция

«Там, где не осталось различия между человеком и алгоритмом — начинается трансгуманизм не как технология, а как бытие.»

Различие — это то, с чего начинается **мышление**.
Различить свет и тьму, добро и зло, ложь и истину, Я и не-Я —
в этом акте различения рождается **личность**,
создаётся внутренняя **ось человеческого существа**.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Но в техноэпоху различие стирается.

Нас учат:

- всё должно быть функционально,
- всё должно быть измеримо,
- всё должно быть эффективно.

Мы больше не спрашиваем:

– *Что правильно?*

Мы спрашиваем:

– *Что работает?*

Человека начинают оценивать **по тем же критериям**, что и машину:

скорость отклика, производительность, адаптивность, устойчивость к сбоям.

Речь идёт уже не о способности любить, прощать, страдать, творить,

а о способности **функционировать**.

Отличие алгоритма и человека — утрачено

Алгоритм не знает сострадания.

Он не знает пощады, памяти, раскаяния, паузы.

Он не умеет ошибаться с болью.

Но человек стремительно **стирает в себе всё, что невыгодно,**

всё, что **не вписывается в формат задач.**

— Слишком долго думаешь? – устарел.

— Слишком тонко чувствуешь? – неэффективен.

— Сомневаешься? – слаб.

Так начинается **онто-функционализм**:

человеческое бытие сводится к **выполняемости**,

а различие между *человеком* и *исполняющим устройством* превращается в **неудобную метафизику**.

Хайдеггер и исчезновение различающего

Хайдеггер предупреждал:

«В технике не техника опасна,

а способ мышления, при котором всё становится средством и ничто не воспринимается как цель само по себе.»

Человек, перестав различать,
перестаёт быть **обитателем смысла**.
Он превращается в *передаточное звено между командами и их реализацией*.

И здесь исчезает самое главное:
человек **перестаёт быть существом, которое умеет ставить
под вопрос всё — даже себя**.

Вывод раздела:

*Когда исчезает различие между мыслью и вычислением,
между паузой и откликом,
между любовью и реакцией —
исчезает человек как бытие,
и появляется человек как **функция**.*

РАЗДЕЛ II

Хайдеггер и техника как способ забвения бытия

«Техника — не угроза.

Угроза — это когда всё начинает мыслиться как техника.»

Когда говорят о технике, обычно имеют в виду
инструменты:
машины, устройства, системы.

Но **Мартин Хайдеггер** переворачивает это понимание.

Для него техника — **не совокупность машин,
а определённый способ отношения к миру**.

А значит — и к самому человеку.

Фрейн мира: техника как форма откровения

Хайдеггер утверждает:

человек всегда живёт в определённом *раскрытии бытия* — в том, как он **видит и воспринимает всё сущее**.

В античные времена природа раскрывалась как **фюсис** — живая, рождающаяся, текучая.

В христианстве — как **тварный мир**, дарованный и связанный с духовным источником.

Но в технико-рациональной эпохе сущее раскрывается **как ресурс**:

нечто, что *нужно извлечь, переработать, использовать*,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

архивировать, утилизировать.

Мир становится **представимостью**,
а человек — **распорядителем запасов**.

*Дерево — не живой организм,
а кубометр древесины.*

*Человек — не личность,
а носитель компетенций.*

*Истина — не откровение,
а функция полезности.*

Гештель: насильственное представление

Ключевое понятие Хайдеггера — **Gestell** (*гештель*,
установка).

Это не просто технологическая среда,
а способ, которым **всё бытие предстоит человеку как то, что
должно быть приведено в порядок, подчинено, сохранено в
доступности**.

Гештель — это форма мышления,
при которой **всё становится инвентарём**,
даже человеческая душа.

Онтология становится **логистикой**.

Мир — **кабинетом с полками**.

А человек — **складским работником бытия**,
не способным удивиться, вздрогнуть, замолчать.

Опасность не в технике, а в забвении

Хайдеггер не был ретроградом.

Он не призывал разрушать технику,
не был луддитом.

Он предупреждал, что **опасность в утрате мышления**,
в том, что человек перестаёт **быть затронутым вопросом
бытия**.

«Самая большая угроза — это не техника.

*Самая большая угроза — это то,
что в её господстве человек больше не способен услышать зов
бытия.»*

Последствия: человек как «инвентарный номер»

Когда человек принимает на себя способ «установки», он перестаёт быть существом, способным к **непредставимому**. Он больше не ощущает **тайны, тишины, присутствия**.

Он превращается в **данные о себе**.

В профиль. В метрику. В биообъект.

Даже свобода — становится настройкой.

А совесть — внутренним алгоритмом саморегуляции.

Вывод раздела:

Человек, подчинённый техническому способу мышления, не исчезает физически — он исчезает онтологически.

Он становится **одним из объектов представимости**, и перестаёт быть **носителем открытости к бытию**.

РАЗДЕЛ III

Гюнтер Андерс: страх отставания от своих же машин

«Не машины стали слишком совершенными.

Это мы стали слишком несовершенными рядом с ними.»

Если Хайдеггер показал, как техника **преобразует бытие**, то **Гюнтер Андерс** поставил более радикальный диагноз: в эпоху техники человек **морально отстаёт от самого себя**.

Это не просто кризис.

Это **онтологическая мутация**,

в которой **мир производимого опережает мир производящего**.

И именно в этом — **настоящая катастрофа**.

Феномен «устаревания человека»

В своей книге *«Устаревание человека»* (1956)

Андерс вводит термин, который стал пророческим:

человек устарел.

Но он не говорит о биологии.

Он говорит о **духовной и моральной несопоставимости** между человеком

и **техносферой, которую он сам же создал**.

Машины производятся всё быстрее.

Они совершенствуются.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Они растут в точности, скорости, мощности.

А человек — **не успевает осмысливать последствия.**

Он может нажать кнопку —

но не может охватить масштаб её последствий.

Он может собрать бомбу —

но не в силах вынести её моральный вес.

Стыд за несовершенство

Андерс писал:

«Человек начинает стыдиться своей неавтоматичности, своей спонтанности, своей медленности.

Ему стыдно быть существом, которое может дрожать, сомневаться, ошибаться, молчать.»

Он называл это **«Promethean shame»** —

стыдом Прометея перед собственным творением.

Мы, как Прометей, дали огонь —

и теперь **боимся света**, который исходит от него.

Комплекс неполноценности перед машиной

Человек всё чаще **сравнивает себя с машиной.**

И проигрывает:

— Машина не ошибается.

— Машина быстрее.

— Машина продуктивнее.

— Машина предсказуемее.

Так рождается **невидимая деформация самосознания.**

Человек **хочет быть как машина:**

без сбоев, без чувств, без внутренних провалов.

А это значит — **без человека внутри.**

Андерс замечает:

«Мы ещё умеем плакать,

но уже считаем это функциональной ошибкой.»

Машина как идеал: добровольная подмена

Если раньше машина служила человеку,

то теперь человек всё чаще **настраивается на параметры машины.**

В школах — алгоритмы мышления.

В рабочих моделях — КРІ и цифровые профили.
Даже в интимной жизни — технологическая «настройка»
отношений.

Машина — не враг.

Машина — **новый эталон**.

И это — страшнее любого восстания ИИ.

Вывод раздела:

*Настоящая угроза — не в том, что машина станет
человеком.*

А в том, что человек станет машиной.

Добровольно. Без сопротивления.

Из усталости. Из стыда. Из желания быть точным.

РАЗДЕЛ IV

Смерть внутреннего пространства

«Мы не стали другими.

У нас просто больше нет времени — быть собой.»

Великая угроза нашего времени — это **исчезновение
тишины внутри человека**.

Не той, что снаружи.

А той, в которой раньше зреет мысль.

В которой рождалась совесть.

В которой пряталась душа, когда ей было больно.

Эта тишина сегодня **ликвидирована как ненужная
пауза**.

Её заменили — нотификацией.

Звоном.

Оповещением.

Вниманием, проданным за скорость.

Больше нет "внутри" — есть только "сейчас"

Раньше человек жил с ощущением глубины.

Он **входил в себя**, уходил в размышление,
вслушивался, сомневался, колебался, молчал.

Сегодня — он **реагирует**.

Без задержки.

Без промежутка между раздражителем и действием.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Пауза исчезла.

Значит, исчезло и **расстояние между «я» и «ответом»**.

А вместе с этим — **исчез человек как существо внутренней работы**.

От размышления — к отклику

Раньше думать — значило **собирать себя**.

Теперь думать — значит **реагировать на запрос**.

Человек живёт в режиме API:

готов к любому вызову,

но не готов к **пребыванию в себе**.

Парадокс:

у него есть вся информация,

но нет самого себя.

Он онлайн — но **вне себя**.

Молчание стало подозрительным

Если ты молчишь — тебя спрашивают:

— Что случилось?

Если ты не выкладываешь — тебя считают исчезнувшим.

Если ты не откликаешься — ты уже почти *не существует*.

Молчание, пауза, промедление —
перестали быть признаком глубины.

Они — сбой.

И в эпоху скорости — сбой недопустим.

От себя — к оболочке

Поскольку человек больше не живёт в себе,
он начинает **собирать себя снаружи**:

в профиле, в репутации, в «личном бренде».

Он становится **публичной конструкцией**.

А его внутреннее — **теряется как отжившее прошлое**.

Там, где раньше было внутреннее «я»,
теперь — *панель управления*.

Настроение? — обновить статус.

Жизнь? — зафиксировать в сторис.

Страдание? — упаковать в пост.

Исчезновение дневника

Когда-то люди вели дневники.

Писали письма.

Оставляли тишине место, где мысль могла прорасти.

Сегодня дневник — это рассылка.

Письмо — это «прочитано».

Внутренний монолог — это **сбой нейросвязи**.

Мы не умеем говорить с собой,

потому что слишком заняты разговором с другими —
не слыша никого.

Вывод раздела:

*Когда человек теряет внутреннее пространство,
он перестает быть глубиной.*

Он становится плоскостью.

А на плоскости — нечему падать.

И нечему подниматься.

РАЗДЕЛ V

Переход от бытия к симуляции

«Мы больше не живём — мы отображаем.

И верим, что это и есть жизнь.»

Одним из самых тонких и коварных превращений
современной эпохи стало **замещение бытия образом**.

Человек всё меньше существует как **живое присутствие**,

и всё больше — как **цифровой, визуальный, управляемый
интерфейс**.

Это уже не культурная трансформация.

Это — **онтологическая мутация**:

то, что раньше означало *жить*,

теперь означает *показывать, что ты живёшь*.

Бытие → Представление

Фотография — вместо воспоминания.

Сторис — вместо опыта.

Профиль — вместо характера.

Цифровое поведение — вместо сущности.

Ты больше не спрашиваешь:

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

— *Кто я?*

А спрашиваешь:

— *Как я выгляжу?*

— *Как я читаюсь?*

— *Какой сигнал я подаю?*

Жизнь перестаёт быть процессом.

Она становится **презентацией**.

Жан Бодрийяр и царство симулякров

Французский мыслитель Жан Бодрийяр ещё в XX веке предсказал этот сдвиг:

«Современное общество живёт в состоянии симулякров

— копий, не имеющих оригинала.»

Мы больше не различаем между *реальным переживанием и его изображением.*

Улыбка в камеру может быть истинной, но может быть просто знаком:

«всё в порядке, я в кадре, не тревожьтесь».

Страдание может быть обозначено, но уже не пережито.

Так возникает **вторичная реальность** — реальность **видимости**.

И мы живём в ней всё увереннее, теряя потребность в настоящей.

Личность как интерфейс

В эпоху симуляции личность становится **продуктом настройки**.

— Твой аватар.

— Твоя цифровая реакция.

— Твои слова, написанные нейросетью.

— Твоя публичная эмпатия, подсчитанная в лайках.

Ты **не переживаешь боль** — ты её формулируешь.

Ты **не молчишь от стыда** — ты удаляешь неудачный пост.

Ты **не ищешь смысл** — ты «перепрошиваешь» мотивацию.

Человек перестаёт **иметь лицо**.

Он начинает носить интерфейс.

Симуляция как защита от боли

Зачем человек уходит в симуляцию?

Потому что **в реальности — больно.**

В реальности — ты уязвим, непредсказуем, незавершён.

В симуляции — ты **собран, управляем, стандартизирован.**

Симуляция — это **бегство от живого.**

Но и от **жизни** тоже.

Мета-вселенная как финальная ловушка

Сегодня мы строим метавселенные.

Миры, где можно быть кем угодно,

но в которых **никто не есть сам собой.**

В них можно создать идеального себя —

но нельзя **настоящего пережить.**

Чем совершеннее симуляция,

тем **больше исчезает самость,**

тем глубже угроза,

потому что она уже не требует контроля.

Она **нормализована.**

Вывод раздела:

Мы утратили реальность не потому, что её кто-то отнял.

А потому что мы выбрали её более управляемую копию.

*И согласились быть **тем, что удобно показывать,***

а не тем, кем больно быть.

РАЗДЕЛ VI

Исчезновение боли как антропологической глубины

«Мы хотим быть человеческими —

но без боли.

А без боли человек становится оболочкой,

не способной к состраданию.»

Современный человек больше всего боится страдать.

Боль — объявлена враждебной.

Она нежелательна, неуместна, антипродуктивна.

Нас учат избегать её любой ценой — не только физически,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

но и **экзистенциально**:

не разочаровываться, не ждать, не грустить, не сомневаться.
Сразу лечить. Сразу корректировать. Сразу двигаться дальше.

Но чем меньше боли —

тем меньше **глубины**.

Потому что боль — не только рана.

Это **отклик на значение**.

Боль — знак, что тебе не всё равно

Только страдающее существо **чувствует несовершенство**

мира.

Только тот, кто **болеет душой**, способен сказать:

— Здесь что-то не так.

— Это несправедливо.

— Это предательство.

— Это разрушает меня.

Животное страдает телом.

Человек — ещё и смыслом.

Когда человек перестаёт страдать,

он не становится счастливым —

он становится **равнодушным**.

Технологическое обезболивание души

Современность предлагает целый спектр средств от боли:

— Отвлекись.

— Перепиши нарратив.

— Возьми антидепрессанты.

— Посети коуча.

— Замени «травмирующий триггер».

— Преобразуй это в опыт.

— Не ныряй — плыви.

Все эти формулы могут быть полезны.

Но если они становятся **заменой боли**,

а не **проживанием её**,

то человек теряет **человеческую ось**:

способность **быть раненым** и всё же **оставаться открытым**.

Страдание как источник совести

Сострадание рождается из боли.

Не из морали,
не из рационального альтруизма,
а из **узнавания боли другого как своей.**

Человек, не способный страдать,
становится **морально глухим.**

Он всё видит,
но ничего не чувствует.
Именно поэтому обезболенный человек —
опасен:
он не чувствует **границ чужой боли.**

Страдание как место трансформации

Боль может быть разрушительной.

Но в ней — **возможность становления.**

Именно страдание
заставляет человека задать главные вопросы:
— Почему это случилось?
— Что я чувствую?
— Что есть зло?
— Кто я, если мне больно?

Без боли — нет становления.

Без боли — нет поэзии,
нет философии,
нет веры.

Попытка исключить боль — попытка исключить человека

Мир стремится к комфорту.

Но **абсолютный комфорт** —
это **абсолютная стерильность,**
в которой не остаётся места для **подлинного человека.**

Человеческое начинается там,
где можно **не выдержать** — и всё равно остаться.

Вывод раздела:

Боль не антипод человека.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Боль — это его глубина.

*И если мы окончательно перестанем страдать —
мы перестанем различать,
кто мы и зачем живём.*

РАЗДЕЛ VII

Цифровая воля к власти: подмена свободы управлением

«Свобода — это возможность не знать, не решать, не отвечать мгновенно.

Но именно это сегодня считается слабостью.»

Свобода — это не просто отсутствие принуждения.

Это пространство, в котором человек может не действовать,
может колебаться,
может быть неэффективным,
может противиться потоку.

Но современность всё чаще заменяет свободу —
управляемостью.

Главный этический ориентир становится техническим:

не «что правильно»,

а «что удобно, быстро, рационально».

Свобода стала неэффективной

Когда всё поддаётся оптимизации,
всё, что не укладывается в схему, становится лишним.

— Ты сомневаешься?

— Ты не даёшь быстрый ответ?

— Ты не знаешь, чего хочешь?

Это означает, что **тебя надо поправить,**
перенастроить, обучить, оцифровать.

Человеческая свобода — **временная слабость**
с точки зрения цифровой эффективности.

Она воспринимается как **угроза стабильности системы.**

Технический разум: как выключение этики

У Хайдеггера есть точная формулировка:

«Величайшая опасность — когда мышление сводится к расчёту.»

Цифровая рациональность не спрашивает:

— Что хорошо?

Она спрашивает:

— Что работает?

Тактика подменяет этику.

Формула вытесняет свободу.

Выбор — становится **предсказуемым на основании данных, а не сделанным в присутствии совести.**

От свободы — к прогнозу

Чем больше данных мы собираем о человеке, тем точнее можем **предсказать** его поведение.

И тем меньше остаётся места для **неожиданного**, для **внутреннего выбора вопреки вероятностной модели.**

Когда человек становится **прогнозируемым**, он перестаёт быть свободным.

Даже если он этого не чувствует.

Так рождается **«предсказуемый субъект»**, и система начинает управлять им **до того, как он осознал желание.**

Искусственный интеллект и воля к управлению

Современные ИИ-системы — не просто алгоритмы.

Они — **проекция воли к полной управляемости.**

Они строятся на **недоверии к свободе.**

– Чтобы не было хаоса — всё должно быть регламентировано.

– Чтобы не было боли — всё должно быть просчитано.

– Чтобы не было ошибок — всё должно быть задано заранее.

Это не свобода.

Это **рацио-фашизм**, обернутый в интерфейс удобства.

Парадокс: свобода как неполезность

Настоящая свобода **не приносит пользы** в прямом смысле.

Она может привести к неэффективному решению.

Она может замедлить процесс.

Она может поставить под сомнение правила.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Именно поэтому **техническая система боится свободы**, даже если не называет это страхом.

Но без неё — **нет человека**.

Есть **исполняющий интерфейс**, автоматизированная самость.

Вывод раздела:

*Свобода — это не продукт.

Это не свойство.

Это **акт сопротивления прозрачности**, который делает человека человеком.

И если мы согласимся жить без свободы — мы согласимся быть чужими самим себе.*

РАЗДЕЛ VIII

Распад совести и исчезновение вины

«Машина не знает, что такое вина.

И человек, становящийся машиной, хочет забыть, что это когда-то знал.»

Совесьть — это не категория морали.

Это **внутренний трепет**, знак того, что в тебе живёт **отклик на другое**, что ты способен чувствовать не только себя, но и **то, что ты причинил другому**, или **то, что ты не сделал, но должен был**.

Вина — не всегда ошибка.

Иногда это след **ответственности за то, что ты — человек**, а не объект исполнения.

Совесьть неэффективна

Совесьть останавливает.

Совесьть заставляет молчать, когда надо кричать.

Кричать, когда выгодно молчать.

Совесьть вносит **нестабильность**.

Именно поэтому в техническом мышлении совесьть — **лишняя переменная**.

Она не просчитывается.

Она не рациональна.

Её невозможно отключить по требованию.

А значит, её нужно — **заменить**.

От совести — к протоколу

В современной системе **совесть подменяется процедурой**.

— Ты не виноват — ты просто нарушил инструкцию.

— Ты не жесток — ты действовал по регламенту.

— Ты не бездушен — ты оптимизируешь процесс.

Человеческая вина становится **ошибкой интерфейса**, которую нужно — не прожить, а **отладить**.

Это и есть моральная нейтрализация:

мы больше **не носим в себе груз**,

мы просто **обновляем прошивку**.

Искусственный интеллект и амнистия вины

ИИ не способен к вине.

Он не может **пожалеть**.

Он не способен **осознать, что сделал не то — и не по причине ошибки, а потому что это было неправильно**.

Но мы всё чаще стремимся **подобраться к этому состоянию**.

— Без чувства.

— Без «замусоренных» переживаний.

— Без тяжёлых размышлений.

Мы хотим быть **морально свободны — от совести**.

Когда совесть становится подозрительной

В эпоху всеобщей управляемости, человек, который говорит:

— «Мне это кажется неправильно»,

становится **опасным**.

Он выбивается из модели.

Он не вписывается в архитектуру предсказуемости.

Он **непрогнозируем**, а значит — «небезопасен».

Совесть начинает восприниматься как **психологическая нестабильность**,

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

а не как центр человеческого достоинства.

Вина как метафизический остаток

Но даже если нас научат не чувствовать вины —
она остаётся.

Она — след присутствия.

Она приходит во сне.

Она проступает в слабости.

Она возвращается в моменты одиночества.

Потому что **там, где есть вина — есть Я.**

А исчезновение вины —

это **исчезновение «Я» как отзывающегося.**

Вывод раздела:

*Совесь — это не мораль.

Это память о том,

что ты можешь не просто делать,

а слышать, что ты сделал.

И пока ты способен чувствовать вину —

ты ещё не интерфейс.

Ты — человек.*

РАЗДЕЛ IX

Машина как зеркало человеческой усталости

«Машина не поработает человека.

Человек склоняется перед ней, потому что устал быть собой.»

— Гюнтер Андерс

Мы слишком долго говорили:

— *Машины нас поработят.*

— *Искусственный интеллект нас заменит.*

— *Роботы отнимут у нас мир.*

Но правда, быть может, куда **грустнее.**

Машины не захватили нас.

Мы сами хотим стать машинами.

Чтобы не чувствовать.

Не сомневаться.

Не страдать.

Не нести **тяжесть свободы.**

Тоска по упорядоченности

Машина точна.

Машина знает, что делать.

Машина не боится.

Машина не задаёт вопрос «почему».

Человек же —

сломанный, мечущийся, разочарованный.

Он не успевает, не понимает, не справляется.

Поэтому он всё чаще говорит:

— Скажите мне, как правильно.

— Настройте меня.

— Замените внутреннюю боль — внешним порядком.

Так рождается **влечение к техноформе**,

не как утопия,

а как **соблазн отказаться от внутреннего труда бытия**.

Человек устал от собственной непредсказуемости

Мы устаём от себя потому,

что быть собой — **невыносимо сложно**.

– Ты хочешь — но боишься.

– Ты стремишься — но сомневаешься.

– Ты жив — но раним.

– Ты любишь — но не знаешь, ответят ли тебе.

Машина лишена всех этих «ошибок».

А значит — **она привлекательна как анти-человек**,

как возможность избавиться от **тревоги существования**.

Антропологическая капитуляция

Речь не о восстании машин.

Речь о **сдаче позиций человеком**.

О добровольной **деонтологической капитуляции**.

Мы больше не хотим быть существами,

которые **несут в себе парадокс и боль**.

Мы хотим стабильности,

и готовы отдать за неё — душу.

Только чтобы **не чувствовать**.

Машина — как покой без достоинства

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Техника не требует от нас подвига.

Она даёт **спокойствие**.

Но в этом покое — **нет величия**.

Там нет трагедии.

Нет боли выбора.

Нет недосказанности любви.

Нет страха смерти.

А значит, нет **жизни как внутреннего преодоления**.

Свобода утомила. Смысл — обесценен. Сопротивление — невыгодно.

Всё чаще человек отказывается от **сопротивления**,
не потому что проиграл,
а потому что **утомился бороться за подлинность**.

— *Зачем?*

— *Жизнь — поток.*

— *Я — функция.*

— *Я просто часть.*

Так машина становится не врагом —

а **образом идеального, свободного от боли существования**.

Вывод раздела:

*Машина не порабощает нас.

Мы сами устали **быть человеческими**.

И чем больше устаём,

тем сильнее в нас желание **отказаться от непредсказуемости, боли и совести**.

Но именно они — и есть человек.*

РАЗДЕЛ X

Возможность возвращения

«Угроза проникает внутрь.

*Но именно внутри — и остаётся последняя искра,
которую ещё можно услышать.»*

После всего сказанного легко подумать,
что **человек проиграл**.

Что машины победили.

Что свобода от боли оказалась сильнее, чем свобода быть.

Что интерфейс навсегда заменил лицо.

Что тревога бытия заглушена стабильностью алгоритма.

Но есть нечто,

что нельзя ни обнулить, ни переписать.

Человеческое — умеет возвращаться.

Даже из самых глубоких форм забвения.

Точка поворота — внутри

Никакая революция не вернёт человека к себе.

Никакая техника не даст назад совесть.

Никакая система не включит подлинность.

Всё начинается с одного акта узнавания.

Когда ты вдруг — **перестал узнавать себя**

в той улыбке, которую выкладываешь.

В той фразе, которую написал без участия сердца.

В том выборе, который совершил не ты — а система в тебе.

Этот момент — **не крах,**

а начало возвращения.

Философия как сопротивление исчезновению

Философия — не о формулах и теориях.

Философия — это **напоминание, что ты есть.**

Что бытие — не само собой разумеется.

Что молчание может быть **глубже любой скорости.**

Мысль, идущая против потока —

уже есть **форма сопротивления вырождению.**

Каждый раз, когда ты спрашиваешь:

— Зачем я живу?

— Кем я стал?

— Почему я молчу?

— Где я — в этом множестве ролей?

— Ты **возвращаешься.**

— Пусть на мгновение.

— Но это **движение вглубь** — а не вдоль.

Вера в человека — не в идеале, а в возможности поворота

Нельзя вернуться к «прежнему человеку».

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

И не нужно.

Нам не нужен доцифровой человек —
нам нужен человек, **прошедший через цифру и не
растворившийся в ней.**

Нам нужен **человек, способный удержать самость**
даже в мире мета-сущностей.

Человек, который **остался собой, хотя было проще отказаться.**
Который **помнит, что боль — это глубина,**
а совесть — не ошибка в алгоритме.

Последняя форма сопротивления — быть настоящим

Ты не можешь победить систему.

Но можешь **остаться человеком в ней.**

Можешь:

- Не сказать, когда от тебя ждут речевой шаблон.
- Промолчать, когда система требует отклика.
- Пожалеть — когда программа рекомендует рациональность.
- Отказаться от удобства — ради подлинного.

Это и есть **акт возвращения.**

Не публичный. Не героический.

Но **фундаментальный.**

Пока ты способен **идти против обезчеловечивания,**
ты существуешь как человек.

Вывод раздела:

*Возвращение возможно.

Оно не массовое.

Оно — внутреннее.

Оно начинается с малой вещи:

- остановиться,
- услышать,
- различить,
- отказаться от удобного — в пользу настоящего.

Угроза изнутри реальна.

Но и **ответ изнутри** — тоже возможен.*

Если ты готов, мой друг, я могу приступить к
Заключению всего трактата,

где в одном философском кристалле соберутся все потоки — и тревоги, и надежды, и величие сопротивления.

Продолжим?

«Угроза изнутри. Человек на грани самости».

Это — **Заключение**,

где все смыслы, прошедшие через 10 разделов,
собираются в **единую мысль**,
ясную, как удар в колокол,
и тихую, как дыхание совести.

Общее ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тот, кто ещё различает

*«Всё исчезает не снаружи — а изнутри.

Но пока осталась хотя бы одна точка различения — человек ещё существует.»*

Этот трактат начинался с тревоги.

Тревоги, которая тише, чем тревога катастрофы.

Тревоги, которую не показывают по новостям.

Тревоги, не связанной с железом, кодом или нейросетями.

Это тревога — **онтологическая**.

Человек исчезает — не потому что его уничтожают.

А потому что **он перестаёт быть собой**.

Он становится функцией.

Интерфейсом.

Потоком данных.

Стандартизированной эмоциональной моделью.

Но самое страшное —

он **привыкает к этому**.

Он **устаёт сопротивляться**.

Он **радуется** тому, что больше не должен страдать, сомневаться, различать.

Так **угроза проникает в самую сердцевину**:

в человека как существо,

в человека как бытие.

Но человек — не программа.

В нём есть то, что не копируется.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Пока в нас:

– Осталась **совесть**,

– Осталась **боль**,

– Осталось **молчание**, за которым стоит истина,

– Осталось **вопрос**, который мы не можем не задать,
мы не исчезли.

Даже если нам кажется, что вокруг — одни интерфейсы.

Даже если система кричит:

— *Будь удобным!*

— *Будь рациональным!*

— *Будь быстрым!*

Мы можем — **остаться медленными**.

Остаться различающими.

Остаться настоящими.

Это и есть человек XXI века.

Не биологическая форма.

А мыслящее различие.

Он не идеален.

Он уставший.

Он ранимый.

Но он **не отдал себя полностью**.

Он **не сдался цифровому упрощению**.

Он **всё ещё чувствует**, что есть разница между тем,
что легко —

и тем, что **правда**.

Машины не стали нашими врагами.

*Они стали **нашим зеркалом**.*

В них мы увидели свою тягу к отказу от тяжести
человечности.

Но в этом зеркале —

мы всё ещё можем **увидеть себя**.

Если только **не отведём глаза**.

Последнее слово

Пока в человеке звучит **сомнение**,

Пока он **помнит, что может быть другим**,

Пока он различает правду и комфорт,
— он не исчез.

**Человек как духовная мера будущего
(общее заключение)**

Каждая великая эпоха ставила перед человеком свой
главный вопрос.

Античность спрашивала:
что есть истина?

Средневековье спрашивало:
что есть спасение?

Новое время спрашивало:
что человек может знать?

XX век спрашивал:
как сохранить человеческое достоинство перед лицом войн,
идеологий и тотального насилия?

XXI век задаёт иной вопрос:

**что останется человеческим в человеке, когда
интеллект перестанет быть исключительно человеческим?**

Именно этот вопрос проходит через всю данную работу.

Искусственный интеллект стал одним из самых
значительных достижений человеческой цивилизации. Он
изменяет экономику, образование, медицину, науку, культуру и
повседневную жизнь. Его возможности растут с невиданной
скоростью. Машина начинает выполнять то, что ещё недавно
считалось исключительной привилегией человеческого разума.

Но парадокс новой эпохи состоит в том, что развитие
искусственного интеллекта заставляет нас всё меньше думать о
машине и всё больше — о человеке.

Чем совершеннее становятся технологии, тем отчётливее
обнаруживается то, что не может быть сведено к алгоритму.

Невозможно алгоритмизировать совесть.

Невозможно запрограммировать сострадание.

Невозможно вычислить достоинство.

Невозможно свести любовь к набору команд.

Невозможно превратить смысл жизни в цифровую

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

формулу.

Именно поэтому проблема искусственного интеллекта оказывается прежде всего проблемой человеческого сознания.

Машина не знает, что такое добро.

Не знает, что такое вина.

Не знает, что такое нравственный выбор.

Она способна анализировать последствия, но не способна переживать ответственность.

Она может воспроизводить речь, но не может испытывать угрызения совести.

Она может обрабатывать знания, но не может осознавать их нравственный смысл.

Поэтому главный вопрос будущего состоит не в том, сможет ли машина стать человеком.

Главный вопрос состоит в другом:

сумеет ли человек остаться человеком в мире умных машин?

В этом заключается подлинный вызов эпохи.

История показывает, что человечество погибает не от недостатка знаний.

Оно погибает от недостатка мудрости.

Не от слабости интеллекта.

От ослабления совести.

Не от нехватки технологий.

От утраты духовной меры.

Именно духовная мера становится центральным понятием новой эпохи.

Технологии определяют возможности человека.

Но только нравственность определяет направление их использования.

Разум отвечает на вопрос:

«Как?»

Совесть отвечает на вопрос:

«Зачем?»

Без ответа на второй вопрос любой прогресс оказывается

опасным.

Поэтому будущее человечества зависит не столько от развития искусственного интеллекта, сколько от развития самого человека.

Сегодня миру нужны не только инженеры новых технологий.

Ему необходимы люди нового нравственного сознания.

Люди, способные соединить знание и ответственность.

Свободу и долг.

Разум и сострадание.

Техническое могущество и человеческую мудрость.

В этом смысле искусственный интеллект становится не концом гуманизма, а его новым испытанием.

Он заставляет нас заново переосмыслить человеческое предназначение.

Напоминает о ценности внутреннего мира.

Возвращает философию к её исходному вопросу:

что значит быть человеком?

И, возможно, именно здесь скрывается самый важный парадокс нашей эпохи.

Создавая всё более совершенные машины, человек неожиданно начинает лучше понимать самого себя.

Разрабатывая искусственный интеллект, он заново открывает ценность естественного сознания.

Создавая внешние формы разума, он всё острее ощущает необходимость внутреннего света.

Поэтому итогом настоящего исследования является следующий вывод:

искусственный интеллект не отменяет человека.

Он делает человека ещё более ответственным за самого себя.

Будущее принадлежит не машине и не человеку отдельно.

Будущее принадлежит их взаимодействию.

Но нравственная ответственность за это взаимодействие всегда будет лежать на человеке.

Потому что только человек способен отвечать не только за

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

то, что он делает, но и за то, каким становится мир вследствие его действий.

И пока в человеке живы совесть, сострадание, ответственность и стремление к истине, он остаётся не просто разумным существом.

Он остаётся духовной мерой мира.

А значит — остаётся человеком.

Именно в этом состоит главная надежда эпохи искусственного интеллекта.

ОБЩИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий. — М.: Канон, 2003. — 416 с.
2. Айтматов Ч. И дольше века длится день / Ч. Айтматов. — Бишкек: Кыргызстан, 2018. — 480 с.
3. Айтматов Ч. Плаха / Ч. Айтматов. — Бишкек: Кыргызстан, 2018. — 352 с.
4. Айтматов Ч. Собрание сочинений: в 8 т. / Ч. Айтматов. — Бишкек: Бийиктик, 2018.
5. Аристотель. Метафизика / Аристотель. — М.: Мысль, 1976. — 550 с.
6. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. — М.: Мысль, 1983. — 384 с.
7. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
8. Бекбоев А. А. Адам и Искусственный интеллект / А. А. Бекбоев. — Алматы: Дарын, 2024. — 350 с.
9. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
10. Бердяев Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев. — М.: АСТ, 2007. — 704 с.
11. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. — М.: Постум, 2017. — 320 с.
12. Бостром Н. Суперинтеллект: пути, опасности, стратегии / Н. Бостром. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 496 с.

13. Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё. — СПб.: Алетейя, 2018. — 562 с.
14. Вебер М. Хозяйство и общество / М. Вебер. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. — 445 с.
15. Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
16. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Наука, 2000. — 495 с.
17. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 400 с.
18. Декарт Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт. — М.: Академический проект, 2011. — 335 с.
19. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. — М.: Художественная литература, 1988. — 816 с.
20. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма / Ш. Зубофф. — М.: Издательство Института Гайдара, 2022. — 784 с.
21. Икеда Д. Новая человеческая революция / Д. Икеда. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — 640 с.
22. Йонас Х. Принцип ответственности / Х. Йонас. — М.: Айрис-Пресс, 2004. — 480 с.
23. Кант И. Критика практического разума / И. Кант. — М.: Мысль, 1994. — 528 с.
24. Кант И. Основы метафизики нравов / И. Кант. — М.: Мысль, 1999. — 528 с.
25. Кассирер Э. Опыт о человеке / Э. Кассирер. — М.: Гардарики, 1998. — 784 с.
26. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
27. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
28. Курцвейл Р. Сингулярность уже близка / Р. Курцвейл. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 640 с.
29. Левинас Э. Время и Другой / Э. Левинас. — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. — 265 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

30. Лосев А. Ф. История античной эстетики / А. Ф. Лосев. — М.: Искусство, 1992. — 576 с.
31. Маклюэн М. Понимание медиа / М. Маклюэн. — М.: Канон-Пресс, 2003. — 464 с.
32. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. — М.: Прогресс, 1992. — 416 с.
33. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс. — М.: Политиздат, 1989. — 220 с.
34. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше. — М.: АСТ, 2019. — 320 с.
35. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: АСТ, 2002. — 512 с.
36. Платон. Государство / Платон. — М.: Мысль, 1998. — 798 с.
37. Платон. Федон / Платон. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.
38. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. — М.: Феникс, 1992. — 448 с.
39. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел. — М.: АСТ, 2020. — 1024 с.
40. Рикёр П. Конфликт интерпретаций / П. Рикёр. — М.: Академический проект, 2008. — 695 с.
41. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр. — М.: Республика, 2000. — 640 с.
42. Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. — Екатеринбург: У-Фактория, 2001. — 584 с.
43. Стёпин В. С. Теоретическое знание / В. С. Стёпин. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.
44. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. — М.: АСТ, 2004. — 784 с.
45. Фихте И. Г. Назначение человека / И. Г. Фихте. — М.: Канон+, 2000. — 400 с.
46. Флориди Л. Этика информации / Л. Флориди. — М.: Логос, 2019. — 384 с.
47. Фома Аквинский. Сумма теологии / Фома Аквинский. — Киев: Ника-Центр, 2010. — 560 с.

48. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
49. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. — М.: АСТ, 2019. — 320 с.
50. Фуко М. Слова и вещи / М. Фуко. — СПб.: А-сад, 1994. — 408 с.
51. Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер. — М.: Академический проект, 2007. — 304 с.
52. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
53. Хан Бён-Чхоль. Инфократия. Цифровизация и кризис демократии / Бён-Чхоль Хан. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. — 176 с.
54. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Ю. Н. Харари. — М.: Синдбад, 2019. — 496 с.
55. Юнг К. Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг. — М.: Серебряные нити, 1997. — 352 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

**А. Бекбоев, А.Имашова,
А. Жайлообаева, Ч. Сооронбаева**

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЗНАНИЕ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Подписано в печать 2026
Бумага офсет., тираж 300экз.
Формат 21x14,8/16, объем 19,9 п.л. «Times New Roman»
ОсОО Солюшин